

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

— 833 —

Томъ тридцать первый.

— 833 —

из Библиотечки
Саратовской Семинарч.
ИЧ. 4866

ТВОРЕНИЯ
ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО
НИЛА,
ПОДВИЖНИКА СИНАЙСКАГО.

— 636 —
Часть первая.

БИБЛИОТЕКА

Московской

С. православной Духовной
Академии

Инв. № 81889

Святослав 3. 4766

МОСКВА,
Въ типографіи В. Готье.
1858.

О ВОСЬМИ ЛУКАВЫХЪ ДУХАХЪ.

О ЧРЕВОУГОДИИ.

Г л а в а 1. Начало плодоносія — цвѣтъ, и начало дѣятельности — воздержаніе. Владѣющій чревомъ умаляетъ силу страстей, а преодолюваемый желаніемъ снѣдей увеличиваетъ силу сластолюбія. Начало язычниковъ — Амаликъ, и начало страстей — чревоугодіе. Пища огню—дрова, а пища чреву—снѣди. Отъ множества дровъ возгарается великій пламень, а множество снѣдей питаетъ похоть. Пламень ослабѣваетъ съ оскудѣніемъ горячаго вещества, а скудость снѣдей приводитъ въ безсиліе похоть. Кто овладѣлъ челюстію, тотъ избилъ иноплеменищниковъ, и безъ труда разрѣшилъ узы на рукахъ своихъ (Судей 15, 14.). *Избиеніе челюстное* (17.) произвело источникъ воды, и доведенное до бездѣйствія чревоугодіе породило дѣятельное со-

зерцаніе. *Коль куцный* (Суд. 4, 21.), прозвивъ челюсть, умертвилъ врага; а слово воздержанія умертвило страсть. Пожеланіе снѣди породило преслушаніе; а усладительное вкушеніе изринуло изъ рая. Многоцѣбныя снѣди услаждаютъ гортань, но питають и неусыпающаго червя невоздержанія. Отощавшее чрево приуготовляетъ къ тому, чтобы бодрствовать въ молитвѣ, а пресыщенное наводитъ глубокой сонъ. Трезвенны мысли при сухояденіи, а жизнь роскошная погружаетъ умъ въ глубину. Молитва постника — воспаряющій орлій птенець; а молитва унывающагося, отягчаемая пресыщеніемъ, увлекается внизъ. Умъ постника — свѣтлая звѣзда на чистомъ небѣ, а умъ унывающагося въ затмѣніи среди безлунной ночи. Туманъ скрываетъ солнечныя лучи; а грубыя испаренія вкушениыхъ снѣдей омрачаютъ умъ.

Г л а в а 2. Замаранное зеркало не передаетъ вполне приразившагося къ нему образа; и сила мышленія, притупленная пресыщеніемъ, не приметъ въ себя вѣдѣнія Божія. Невоздѣльваемая долго земля порождаетъ тернія; и умъ чревоугодника произращаетъ срамныя помыслы. Невозможно найти ароматъ въ гною, и въ чревоугодникѣ — благоуханіи созерцанія. Око чревоугодника высматриваетъ, гдѣ ширшества, а око воздержнаго, — гдѣ собранія мудрыхъ. Душа чревоугодника вычисляетъ дни памяти мучениковъ, а душа воздержнаго подражаетъ ихъ жиз-

ни. Боязливый воинъ трепещеть отъ звука трубы, возвѣщающей битву, а чревоугодики—отъ проповѣди о воздержаніи. Чревоугодливый монахъ — дашикъ своего чрева, и подъ бичемъ выплачиваетъ ежедневный налогъ. Горопливый путникъ скоро достигнетъ города, и воздержный монахъ — умиренаго состоянія. Медлительный путникъ останавливается на почлегъ въ пустынь подъ открытымъ небомъ; и монахъ чревоугодикъ не придетъ въ домъ безстрастія. Куреніе ѳиміама благоуханіемъ наполняетъ воздухъ, и молитва воздержнаго — Божіе обоняніе. Если предашься пожеланію снѣдей, то ничего не будетъ достаточно къ удовлетворенію сластолюбія, потому что желаніе снѣдей есть огонь, всегда приѣмлющій горящее вещество, и всегда пламенѣющій. Достаточная мѣра наполняетъ сосудъ, а чрево и разсѣднись не скажетъ: довольно. Воздѣянiе рукъ обратило въ бѣгство Амалика, и возвышенныя дѣянiя покоряютъ плотскія страсти.

Г л а в л 3. Истребляй въ себѣ все, что даетъ дыханіе пороку, и съ силою умерщвляй плотскіе члены свои. Какъ убитый врагъ не внушаетъ тебѣ страха; такъ умерщвленное тѣло не возмутитъ твоей души. Мертвое тѣло не чувствуетъ боли отъ огня, и воздержный — удовольствія отъ омертвѣвшей похоти. Если поразинь Египтянина, то скрой его въ песокъ, и по случаю преодоленія страсти не утучняй тѣла. Ибо какъ со-

крытое въ тучной землѣ даетъ ростокъ, такъ въ утучненномъ тѣлѣ раздвѣтаетъ страсть. Потухающій пламень, отъ вложенныхъ въ него сухихъ сучьевъ снова дѣлается яркимъ, и угасшее сластолюбіе воспламеняется отъ пресыщенія снѣдами. Не жалѣй тѣла, жалующагося на беспіліе, и не утучняй его дорогими снѣдами. Если придетъ оно въ силу; то востанетъ на тебя, и поведетъ съ тобой непримиримую брань, пока не плѣнитъ твою душу, и не предастъ тебя въ рабы страсти блуда. Скудно питаемое тѣло — обузданный конь, и никогда не сброситъ съ себя всадника; потому что конь, стянутый уздою, уступаетъ и повинуется рукѣ возницы, а тѣло укрощается голодомъ и бдѣніемъ, и тогда не рвется изъ рукъ всѣдающаго на немъ помысла, не ржетъ движимое страстнымъ устремленіемъ.

О БЛУДѢ.

Глава 4. Воздержаніемъ порождается цѣломудріе, чревоугодіе же матеръ невоздержности. Елей питаетъ пламень свѣтильника, а обращеніе съ женщинами возжигаетъ огнище сластолюбія. Напоромъ волкъ обуреваются ненагруженный корабль, а блуднымъ помысломъ — невоздержный умъ. Блудъ возметъ въ помощь себѣ пресыщеніе, потому что разоидется съ умомъ, станетъ за одно съ противниками, и до конца будетъ сражаться вмѣстѣ съ врагами. Кто любитъ без-

молвіе, тотъ пребываетъ неуязвленъ стрѣлами врага; а кто вмѣшивается въ толпу, тотъ часто получаетъ раны. Возрѣніе на женщину — ядовитая стрѣла, уязвляетъ душу, вливаетъ въ нее ядъ, и чѣмъ продолжительнѣе, тѣмъ большее производитъ загноеніе. Кто охраняетъ себя отъ этихъ стрѣлъ, тотъ не ходитъ на народныя собранія, не предается разсѣянью на празднествахъ. Ибо лучше спокойно оставаться дома и пребывать въ молитвахъ, нежели, думая почтить праздникъ, сдѣлаться скорою добычею враговъ. Избѣгай свиданія съ женщинами, если хочешь быть цѣломудреннымъ, и не давай имъ свободы когда либо довѣряться тебѣ. Ибо въ началѣ, или дѣйствительно имѣютъ, или лицемерно оказываютъ, уваженіе, а въ послѣдствіи безстыдно отваживаются на все; при первомъ свиданіи понякаютъ оцѣ взоромъ долу, говорятъ кротко, съ состраданіемъ проливаютъ слезы, бываютъ пристойно одѣты, горестно воздыхаютъ, предлагаютъ вопросы о чистотѣ, и со тщаніемъ слушаютъ. Видишь ихъ во второй разъ, и взоръ ихъ поднятъ нѣсколько выше; а въ третій, смотрятъ уже, безстыдно улыбаясь, даже разливаются громкимъ смѣхомъ; наконецъ приходятъ нарядныя, ясно выказываются предъ тобою, такой видъ даютъ взгляду, который возвѣщаетъ страсть, поднимаютъ брови, не оставляютъ въ покоѣ рѣсницъ, обнажаютъ выно, во всемъ тѣлѣ обнаруживаютъ нѣгу, произносятъ слова ласкающія

страсть, самымъ выговоромъ стараются обольстить слухъ, пока всеми силами не оцѣпять душу. И дѣлается это для тебя удою, уловляющею въ смерть, хитросплетенною сѣткою, влекущею въ погибель. Да не введутъ же тебя въ обманъ скромными рѣчами; потому что въ нихъ сокрытъ вредоносный звѣршый ядъ.

Г л а в а 5. Подойди лучше къ горящему огню, нежели къ юной женщинѣ, когда и самъ ты юнъ; потому что, приблизившись къ огню, и почувствовавъ боль, тотчасъ отскочишь прочь, а разнѣжась отъ женскихъ рѣчей, не вдругъ отойдешь. Ботъетъ трава, растущая при водѣ, и страсть непотребства — въ сообществѣ съ женщинами. Кто наполняетъ чрево, и обѣщается быть цѣломудреннымъ, тотъ подобенъ утверждающему, что остановитъ силу огня, поналежающаго соломѣ. Какъ невозможно удержать стремительность огня разливающагося по соломѣ; такъ невозможно остановить стремленіе къ непотребству, воспламеняемое при пресыщеніи. Столпъ поддерживается основаніемъ, и страсть блудная унокоевается пресыщеніемъ. Обуреваемый корабль поспѣшаетъ въ пристань, и цѣломудренная душа ищетъ пустыни. Корабль убѣгаетъ отъ морскихъ волнъ, угрожающихъ опасноію, а душа — отъ женскихъ лицъ, причиняющихъ гибель. Видъ нарядной женщины потопляетъ хуже волны. Изъ волнъ по любви къ жизни можно еще выплыть; а обольстительный

видъ женщины убѣждаетъ пренебречь и самую жизнь. Пустынный кустъ безвредно избѣгаетъ огненнаго пламени, и цѣломудренный вдали отъ женщинъ не воспламеняется страстію непотребства. Какъ воспоминаніе объ огнѣ не сожигаетъ мысли, такъ и страсть не имѣетъ силы, когда нѣтъ для нея пищи.

Глава 6. Если помилуешь непріятеля, то будетъ у тебя врагъ; и если пощадить страсть, то встанетъ на тебя. Возрѣніе на женщину невоздержнаго возбуждаетъ къ сластолюбію, а цѣломудреннаго располагаетъ къ прославленію Бога. Если страсть при свиданіяхъ съ женщинами будетъ оставаться въ покоѣ, невѣрь общаемому ею безстрастію. Ибо и пещь, окруженный толпою, машетъ хвостомъ, а вышедши изъ толпы, показываетъ свойственную ему злость. Когда воспоминаніе о женщинѣ дѣлается безстрастнымъ; тогда заключай, что вступилъ ты въ предѣлы цѣломудрія. А когда представляемый тобою образъ ея побуждаетъ къ лицезрѣнію, и стрѣлы ея касаются души твоей, тогда думай о себѣ, что ты еще внѣ добродѣтели. Но и въ первомъ случаѣ не останавливайся на таковыхъ помыслахъ, и мысленно не бесѣдуй долго съ женскимъ образомъ; потому что страсть любитъ возвращаться назадъ, и опасность къ ней близка. Какъ соразмѣрное плавленіе очищаетъ серебро, а продолженное сверхъ мѣры производитъ въ немъ утрату, такъ цѣломудренный

навыкъ портить долговременное представленіе въ мысляхъ женщины. Недолго бесѣдуй съ явившимся тебѣ лицомъ, чтобы не зажгло въ тебѣ пламени сластолюбія, и не запылило гумна души твоей. Какъ долго остававшаяся въ соломѣ пскра производитъ воспламененіе, такъ продолжительное памятованіе о женщинѣ возжигаетъ похоть.

О СРЕБРОЛЮБІИ.

Г л а в а 7. Сребролюбіе — корень всѣхъ золъ; какъ худыя вѣтви, питаетъ оно прочія страсти, и не даетъ засыхать тому, что отъ него процвѣло. Кто хочетъ истребить страсти, тотъ пусть исторгнетъ корень; а пока остается сребролюбіе, не сдѣлаешь себѣ пользы, отсѣкая вѣтви; потому что, если и будутъ отсѣчены, скоро опять выростутъ. Многостыжательный монахъ — пренагруженный корабль, и легко потопляемый въ мятущихся отъ бури волнахъ. Какъ кораблю, въ которомъ открылась течь, прибавляетъ опасности каждая волна; такъ многостыжательный больше и больше утонаетъ въ заботахъ. Монахъ нестыжательный—непричудливый путникъ, который на всякомъ мѣстѣ находитъ себѣ пристанище. Монахъ нестыжательный—высокопарящій орелъ, тогда только опускается внизъ за пищею, когда вынуждаетъ потребность. Таковъ выше всякаго искушенія, смѣется надъ всѣмъ настоящимъ, подымается высерь, удаляется отъ всего

земнаго, небожительствуетъ съ горними; потому что легки у него крылья, не обременены заботами. Пришла скорбь, и безъ печали оставляетъ онъ мѣсто; настигла смерть, благодушно преселяется отселѣ, потому что никакими земными узами не связалъ душу. А многостяжательный связанъ попеченіями, и какъ пѣсь привязанъ цѣпью; если принужденъ переселиться, несеть съ собою тяжкое бремя и бесполезную скорбь — воспоминаніе объ имуществѣ; уязвляется его печаль, и сильно мучится онъ въ мысляхъ. Оставилъ онъ имущество? терзаетъ его печаль. Если пришла смерть къ нему, съ жалостію оставляетъ настоящее, отдаетъ душу, и глазъ не отводитъ отъ того, что имѣеть у себя, насильно влекутъ его какъ бѣглаго раба, разлучается съ тѣломъ, но не разлучается съ имѣніемъ; сильнѣе влекущихъ удерживаетъ его страсть.

Глава 8. Море не наполняется, принимая въ себя множество рѣкъ, и пожеланіе сребролюбца не удовлетворяется тѣмъ, что у него собрано денегъ; удвоилъ онъ это, и желаетъ сдѣлать еще вдвое большимъ, и никогда не перестаетъ удвоять, пока смерть не прекратитъ сего бесполезнаго раченія. Монахъ благоразумный будетъ имѣть въ виду только потребность тѣла, и оскудѣнно чрева удовлетворитъ хлѣбомъ и водою, не употребитъ ласкательствъ предъ богатыми, чтобы доставить удовольствіе чреву,

не поработитъ свободаго ума многимъ властелинамъ ; потому что достаточно однихъ рукъ , чтобы услужить тѣлу , и во всемъ удовлетворить естественной необходимости. Нестяжательный монахъ — недающійся въ руки борець , и легкій течецъ , скоро достигающій къ *почести вышняго званія* (Фил. 3, 14.). Монахъ многостяжательный радуется многимъ доходамъ , а нестяжательный — вѣнцамъ за преспѣяніе. Монахъ сребролюбивый усиленъ въ работахъ , а нестяжательный проводитъ время въ молитвахъ и чтеніи. Монахъ сребролюбивый наполняетъ сокровищницы золотомъ , а нестяжательный собираетъ сокровище на небѣ. Проклятъ , кто дѣлаетъ идола и полагаетъ его *въ сокровеніи* (Втор. 27, 15.), а также , кто пмѣетъ страсть сребролюбія : тотъ кланяется бесполезному слитку , а этотъ , мечтаніе о богатствѣ носитъ вмѣсто кумира.

О ГНѢВѢ.

Глава 9. Гнѣвъ — неистовая страсть , легко выводитъ изъ себя даже имѣющихъ вѣдѣніе , звѣрскою дѣлаетъ душу , заставляетъ уклоняться отъ всякаго общенія. Сильный вѣтеръ не колеблетъ столпа , и душу негнѣвливаю не увлечетъ раздраженіе. Вода приводится въ движеніе стремительностію вѣтровъ , и раздражительный возмущается безразсудными помыслами. Гнѣвливыи

монахъ — вебрь пустынный (а); увидѣль кого нибудь, и точить зубы. Распространившійся туманъ сгущаетъ воздухъ, возбужденная раздражительность дѣлаетъ грубымъ разумъ гнѣвливаго. Набѣжавшее облако омрачаетъ солнце, а помысль памятозлбiя — умъ. Левъ, запертый въ звѣринецъ, ни на минуту не оставляетъ въ покоѣ дверныхъ крюковъ, а раздражительный въ кельѣ — гнѣвливыхъ помысловъ. Прiятное зрѣлище — спокойное море, но не такъ прiятно, какъ мирное состоянiе духа. Въ тихомъ морѣ плаваютъ дельфины, а при мирномъ состоянiи духа возникаютъ боголѣпныя помышленiя. Долготерпѣливый монахъ — тихiй источникъ, всѣмъ доставляющiй прiятное питiе; а разумъ гнѣвливаго всегда возмущенъ и не даетъ воды жаждущему; если же и даетъ, то мутную и негодную. У раздражительнаго глаза мутны и налиты кровью, возвѣщаютъ возмущенное сердце; а лице долготерпѣливаго спокойно, глаза прiятны, и смотрятъ прямо.

Г л а в а 10. Кротость мужа помпается у Бога (Псал. 131, 1.), и душа негнѣвливая дѣлается храмомъ Святаго Духа. Христось приклоняетъ главу въ долготерпѣливомъ духѣ, и умиранный разумъ дѣлается обителiю Святыя Троицы. Лисицы живутъ въ душѣ злопамятной, и логовищемъ звѣрей служатъ сердце смятенное. Че-

(а) Слова: *οἰαυρος ἐρμηκός* дополнены къ рукописи.

стный мужъ избѣгаетъ гнуснаго пристанища, и Богъ — злопамятнаго сердца. Упадшій камень возмущаетъ воду, и худое слово — сердце мужа. Удали гнѣвливые помыслы изъ души твоей, и раздраженіе да не водворяется въ сердце тво- емъ, чтобы не возмущаться тебѣ во время мо- литвы. Какъ дымъ отъ тлѣющей соломы без- покоитъ глаза, такъ и памятозловіе — умъ во время молитвы. Помыслы раздраженнаго — ехид- нины порожденія, пожираютъ породившее ихъ сердце. Молитва раздраженнаго — мерзостное куреніе, псалмонѣніе гнѣвнаго — неприятный звукъ, даръ злопамятнаго — червивая жертва, и да не приближается къ очистительнымъ олта- рямъ. Возмущающіе сны видятъ раздраженный, и нападенія звѣрей мечтаются гнѣвливымъ. Мужъ долготерпѣливый видятъ въ вѣдѣніи соборы свя- тыхъ Ангеловъ, и непамятозлюбивый упражняет- ся въ духовныхъ словесахъ, ночью пріемлетъ разрѣшенія таинъ.

О ПЕЧАЛИ.

Г л а в а 11. Опечаленный монахъ не знаетъ духовнаго наслажденія, печаль же есть унылость души, и бываетъ слѣдствіемъ гнѣвныхъ помы- словъ. Раздражительность есть пожеланіе отмще- нія, и неуспѣхъ въ отмщеніи порождаетъ пе- чаль. Печаль есть львиная пасть, и легко по- глощаетъ опечаленнаго. Печаль есть червь въ

сердцѣ, и пожираетъ родившую его мать. Мучится мать, раждая чадо, а когда родить, освобождается отъ мукъ; но печаль раждаясь возбуждаетъ великую боль, и оставаясь послѣ болѣзней рожденія, причиняетъ не малую болѣзнь. Опечаленный монахъ не знаетъ духовной радости, какъ вкуса въ меду—страждущій сильною горячкой. Опечаленный монахъ не подвигнетъ ума къ созерцанію, и нпкогда не восшлетъ (б) чистой молитвы; потому что печаль — препятствіе всему доброму. Узы на ногахъ — препятствіе скорому шествію, а печаль—препятствіе созерцанію. Пльнника варвары окывываютъ желѣзомъ, а пльнника страстей связываетъ печаль. Не усиливается печаль, когда нѣтъ другихъ страстей, какъ и узы не вяжутъ, когда нѣтъ связующихъ. Кто связанъ печалію, тотъ побѣжденъ страстями, и въ обличеніе своего пораженія носить узы; потому что печаль бываетъ слѣдствіемъ неудачи въ плотскомъ пожеланіи, а пожеланіе сопрягается со всякою страстію. Кто побѣдилъ пожеланіе, тотъ побѣдилъ страсть; а кто побѣдилъ страсти, тѣмъ не овладѣетъ печаль. Не печалится воздержный, что неудались снѣди, и пѣломудренный, что не успѣлъ въ задуманномъ неразумно непотребствѣ, и негнѣвливыій, что невозмоно отмстить, и смиренномудренный, что лишенъ человѣческой

(б) Въмсто *ἀναπέμπε* въ рукописи читается: *ἀναπέμψει ποτὲ*.

почести, и несребролюбецъ, что потерпѣлъ утрату. Они съ силою отклонили отъ себя пожеланіе всего этого, потому что, какъ одѣтаго въ броню не пронзаетъ стрѣла, такъ безстрастнаго не уязвляетъ печаль.

Г л а в а 12. Воину доставляетъ безопасность щитъ, и городу — стѣна, но болѣе щита и стѣны доставляетъ безопасность монаху безстрастіе. Ибо щитъ пробиваетъ стремительно летящая стрѣла, и стѣна разорвется множествомъ воптелей, а безстрастія не превозможетъ печаль. Овладѣвшій страстями овладѣлъ и печалію, а побѣжденный сластолюбіемъ не избѣжитъ ея узъ. Кто часто печалится, и приписываетъ себѣ безстрастіе, тотъ подобенъ больному, притворяющемуся здоровымъ. Какъ больной видѣнъ по цвѣту лица, такъ страстнаго изобличаетъ печаль. Кто любитъ міръ, тотъ много будетъ печалиться. А кто небрежетъ о томъ, что въ мірѣ, тотъ всегда будетъ веселиться. Сребролюбецъ, понесши утрату, горько будетъ печалиться; а пренебрегающій деньги будетъ безпечаленъ. Славолюбивый опечалится, когда потерпитъ безчестіе, а смиренномудрый приметъ его какъ совопитанника. Плавильная печь очищаетъ недобротное серебро, и печаль по Богу — сердце, погрязшее во грѣхахъ. Частое плавленіе убавляетъ свинецъ, и мірская печаль умаляетъ разумъ. Темнота уменьшаетъ дѣятельную силу глазъ, и печаль расслабляетъ созерцательный умъ. Въ

глубину воды не проходит солнечный свѣтъ, и сердца въ печали неозаряетъ созерцаніе свѣта. Всякому человѣку приятенъ солнечный восходъ, но и имъ не усаждается печальная душа. Болѣзнь желтуха отнимаетъ ощущеніе вкуса, и печаль отъемлетъ чувство у души. Но кто пренебрегаетъ мірскія удовольствія, того не тревожатъ печальные помыслы.

ОВЪ УНЫШІИ.

ГЛАВА 13. Уныніе есть изнеможеніе души, а душа въ изнеможеніи не имѣетъ того, что ей естественно, и не выдерживаетъ мужественно искушеній. Что пища для здороваго тѣла, то искушеніе для мужественной души. Сѣверный вѣтеръ питаетъ произрастенія, а искушенія подкрѣпляютъ душевную твердость. Безводное облако уносится вѣтромъ, а не имѣющій терпѣнія умъ — духомъ унынія. Весенняя роса прибавляетъ роста полевому плоду, а духовное слово возвышаетъ состояніе души. Духъ (в) унынія гонитъ монаха изъ дому его; а кто имѣетъ терпѣніе, тотъ всегда пребываетъ на безмолвіи. Предавшійся унынію выставляетъ въ предлогъ посѣщеніе больныхъ, удовлетворяетъ же собственному своему намѣренію. Монахъ въ уныніи скоръ на служеніе, и удовлетвореніе себѣ

(в) По рукописи вмѣсто: *реїка* читается: *пкїїка*.

самому вмѣняетъ въ заповѣдь. Легкіи вѣтерокъ наклоняетъ слабое растеніе, и мысль о странствованіи увлекаетъ предавшагося унынію. Хорошо утвердившееся дерево не колеблется отъ успія вѣтровъ, и уныніе не преклоняетъ окрѣпшія души. Бродящій монахъ — сухой пустынный сукъ, не много времени побудетъ на безмолвіи, и снова нехотя несется дальше. Переносимое съ мѣста на мѣсто растеніе не приноситъ плода, и бродящій монахъ не приноситъ плода добродѣтели. Больной не довольствуется одною пищею, и монахъ въ уныніи — однимъ дѣломъ. Слостолюбцу не довольно будетъ одной жены, и монаху въ уныніи недостаточно будетъ одной келліи.

Глава 14. Глазь преданнаго унынію непрестанно устремленъ на двери, и мысль его мечтаетъ о посѣтителяхъ. Скрипнула дверь, и онъ вскакиваетъ; слышался голосъ, и онъ выглядываетъ въ окно, не отходитъ отъ него, пока не оцѣпенѣетъ спя. Преданный унынію, читая, часто зѣваетъ, и скоро склоняется ко сну, потираетъ лице, вытягиваетъ руки, и отворотивъ глаза отъ книги, пристально смотритъ на стѣну, обратившись снова къ книгѣ, почитаетъ немного, переворачивая листы, любопытствуетъ видѣть концы словъ, считаетъ страницы, дѣлаетъ выкладку о числѣ цѣлыхъ листовъ, олуждаетъ почеркъ и украшенія; а напоследокъ, согнувъ книгу, кладетъ подъ голову, и засыпаетъ

сномъ не очень глубокимъ, потому что уже голодъ возбуждаетъ его душу, и заставляетъ позаботиться о себѣ. Монахъ въ уныніи лѣнивъ къ молитвѣ, и иногда не выговариваетъ молитвенныхъ рѣченій. Какъ больной не выноситъ тяжелаго бремени, такъ преданный унынію не сдѣлаетъ прилежно Божія дѣла: то тѣлесными силами разстроень, то ослабѣвъ въ сплахъ душевныхъ. Отъ унынія вращуетъ постоянство, дѣлаше всякаго дѣла съ великою внимательностію и со страхомъ Божиимъ. Во всякомъ дѣлѣ опредѣли себѣ мѣру, и не оставляй прежде, нежели кончишь, что назначено, также молись разумно и усиленно, и духъ унынія бѣжитъ отъ тебя.

О ТЩЕСЛАВІИ.

Г л а в а 15. Тщеславіе есть неразумная страсть, и удобно примѣшивается ко всякому добродѣтельному дѣлу. Сливается и черта проведенная на водѣ, и добродѣтельный трудъ — въ душѣ тщеславной. Бѣла стала рука скрытая въ пѣдрѣ (Исх. 4, 6.), и скрываемое дѣло просіяваетъ блистательнѣе свѣта. Цвѣтолпстикъ обвивается около дерева, и когда достигаетъ вершины, сушитъ корень; а тщеславіе растеть съ добродѣтелями, и не оставляетъ ихъ, пока не отыметъ у нихъ силы. Гроздь винограда, влачащійся по землѣ, легко загниваетъ, и гибнетъ добродѣтель, опирающаяся на тщеславіе. Тщеслав-

Нил. Ч. I.

ный монахъ — бесплатный дѣлатель, несетъ на себѣ трудъ, а награды не получить. Дырявый мѣшокъ не сохраняетъ въ себѣ того, что вложено, и тщеславіе губить мзду добродѣтелей. Воздержаніе тщеславнаго — дымъ изъ печи, и то и другое разсѣвается въ воздухѣ. Вѣтеръ замѣчаетъ слѣдъ человѣка, и тщеславіе въ ничто обращаетъ милостыню. Брошенный камень не достигаетъ до неба, и молитва человѣкоугодника не взойдетъ къ Богу.

Глава 16. Тщеславіе есть подводный камень: если въ него ударишься, погубишь грузъ. Мужъ благоразумный скрываетъ сокровище, и смысленный монахъ—труды добродѣтели. Тщеславіе совѣтуетъ молиться на стогнахъ, а противящійся тщеславію молится въ клетки своей. Человѣкъ безразсудный всенародно объявляетъ о своемъ богатствѣ, и многихъ возбуждаетъ къ злоумышленію противъ себя. А ты, поелику идешь путемъ, гдѣ есть разбойники, скрывай, что имѣешь, пока не придешь въ градъ мира, и тамъ безопасно пользуйся своимъ добромъ. Добродѣтель тщеславнаго—жертва *сокрушенная*, и не приносится на алтарь Божій (Лев. 22, 22.). Уныніе ослабляетъ душевную силу, а тщеславіе напрягаетъ умъ, отпавшій отъ Бога, болѣзненнаго дѣлаетъ здоровымъ, старика болѣе сильнымъ, нежели каковъ юноша, если только много свидѣтелей того, что дѣлается; тогда легки и постъ, и бдѣніе, и молитва: потому что по-

хвала многихъ возбуждаетъ усердіе. Но ты не продавай трудовъ за славу человѣческую, и не отдавай будущей славы за похвалу ничего нестоющую (г). Слава человѣческая пребываетъ въ персти, и хвала ея угасаетъ на землѣ; а слава добродѣтели пребываетъ во вѣки.

О ГОРДОСТИ.

Глава 17. Гордость есть опухоль въ душѣ, наполненная испорченною кровью; если она наэрѣтъ, то прорвется, и причинитъ большую неприятность. Блестаніе молніи предуказуетъ громовый ударъ, а о гордости возвѣщаетъ появленіе тщеславія. На великую высоту восходитъ душа гордаго, и оттуда низвергаетъ его въ бездну. Гордостью болѣзнуетъ, кто сталъ отступникомъ отъ Бога, и собственнымъ своимъ силамъ приписываетъ добрыя дѣла. Какъ ставшій на паутину, падаетъ и уносится внизъ, такъ падаетъ и полагающійся на собственныя свои силы. Отъ многихъ плодовъ гнутся древесныя вѣтви, и при многихъ добродѣтеляхъ смиряется въ человѣкѣ образъ его мыслей. Согнившій плодъ бесполезенъ земледѣльцу, а добродѣтель гордаго не потребна Богу. Жердь поддерживаетъ обремененную плодами вѣтвь, и страхъ Божій—добродѣтельную душу. Какъ тяжесть плода ло-

(г) По рукописи читается: *δι' ἐτέλης ἐυφημίας.*

мнѣ въѣтъ, такъ гордость низлагаетъ добродѣтельную душу. Не предавай гордости душу свою, и не увидишь страшныхъ мечтаній; потому что душа гордаго бываетъ оставлена Богомъ, и дѣлается порадованіемъ бѣсовъ. Гордый ночью воображаетъ множество нападающихъ звѣрей, а днемъ смущается боязливыми помыслами; если спитъ, часто вскакиваетъ, и бодрствуя, боится птичьей тѣни. Шумъ листа въ ужасъ приводитъ гордаго, и журчанье воды поражаетъ его душу. Ибо тотъ, кто недавно противился Богу, и отрекался отъ его помощи, въ послѣдствіи пугается ничтожныхъ призраковъ.

Г л а в а 18. Гордость Архангела низвергла съ неба, и сдѣлала, что онъ, какъ молнія, палъ на землю. А смиренномудріе человѣка возводитъ на небо, и уготовляетъ къ ликостоянію съ Ангелами. Что посеешь, человѣкъ, выспрь, и подымлешься выше облаковъ, когда ты по естеству брение и гниль? Посмотри на естество свое, ты — земля и пепель, вскорѣ разрѣшишься въ прахъ, теперь величавъ, а вскорѣ будешь червь! Что подымлешь выю, которая вскорѣ сгніетъ? Великъ человѣкъ, когда помогаетъ ему Богъ; а какъ скоро оставленъ Богомъ, познаетъ немощь естества. Нѣтъ у тебя ничего добраго (д), чего не пріялъ бы ты отъ Бога. По-

(д) Слово: *добраго* допоянено по рукописи.

этому, для чего величаешься (е) чужимъ, какъ своимъ? Для чего хвалишься благодатию Божіею, какъ собственнымъ своимъ достояніемъ? Признай Даровавшаго, и не превозносишь много; ты — тварь Божія, не презирай Сотворшаго. Богъ помогаетъ тебѣ, не отрицай Благодѣтеля. Возшелъ ты на высоту житія, но путеводилъ тебя Богъ. Преуспѣлъ ты въ добродѣтели, но дѣйствовалъ въ тебѣ Богъ. Исповѣдуй возвысившаго, чтобы твердымъ пребыть тебѣ на высотѣ. Признай своего единоплеменника, онъ одной и тойже съ тобою сущности. Не отрицай родства по надменности.

ГЛАВА 19. Онъ смиренъ, а ты превыспренъ (ж); но одинъ Зиждитель сотворилъ обоихъ. Не пренебрегай смиреннаго; онъ стоитъ тверже тебя; по землѣ ходитъ, и не скоро падеть; а ставшій высоко, если падеть, то сокрушится. Гордый монахъ—дерево, у котораго нѣтъ корня, и которое не можетъ выдержать прираженія вѣтра. А некичливый образъ мыслей — стѣнами огражденный городъ; обитающему въ немъ нечего будетъ бояться. Былинка подымается высоко дуновеніемъ вѣтра, а гордаго возноситъ прираженіе высокоумія. Лопнувшій пузырь обращается въ ничто, и память гордаго погибнетъ. Слово смиреннаго — мягчитель-

(е) Въмѣсто: *ἐναυβλίγη*, по рукописи читается: *ἐναυβρίγη*.

(ж) Въмѣсто: *σῖμμετρος* по рукописи читается: *σῖμετέωρος*.

ная мазь душѣ, а слово гордаго исполнено киченія. Молитва смиреннаго преклоняетъ Бога, а прошеніе гордаго оскорбляетъ Бога. Смиреномудріе — вѣнецъ дому, и вошедшаго блюдетъ въ безопасности. Когда восходишь на высоту добродѣтелей, тогда великая тебѣ потребность въ огражденіи. Ибо стоящій на полу, и упавъ скоро встанетъ; а упавшій съ высоты подвергается опасности умереть. Драгоценному камню прилична золотая оправка, и смиреніе мужа блистаетъ многими добродѣтелями.

КЪ ЕВЛОГІЮ МОНАХУ

С Л О В О І .

Г л а в а 1. Трудамъ приобрѣтающіе въ удѣлъ небесную область не на чрево и попеченіе о тѣлнномъ обращаютъ вниманіе, подобно тѣмъ, которые изъ выгоды тврятъ молитвы, думая, что благочестіе доставитъ имъ прибыль, но духовнымъ видѣніемъ, какъ ничѣмъ не оскверненный сонмъ, озаряемый свѣтомъ божественной славы, причащаются они самаго благочестія, питающаго умы высокіе. И самъ ты, таинникъ добродѣтелей, Евлогіи, питая священную сущность свѣтозарностію превыспренняго, отъ сонмща помысловъ удалилъ тяготу плоти, зная, что вещество плоти дѣлается пищею помысловъ. А какъ жалоуъ трудовъ сразившій козни, миѣ поручаешь стать устами сихъ дѣлъ твоихъ. Но если бы не дерзко было нарушить повелѣніе любви; то отказался бы я отъ такого плаванія

по сему морю. Поелику же единодушнымъ по-
вноваться паче должно, нежели противиться ;
то ты будь для меня въ тлѣхъ , яже къ Богу
(Рим. 15, 17.), да дастся ми слово во отверже-
ніе устъ моихъ (Ефес. 6, 19.) , и я буду тѣмъ,
чего требуетъ послушаніе, да и тебѣ дапо бу-
детъ пожать плоды сѣянія.

Г л а в а 2. Первый изъ достославныхъ под-
виговъ есть страншческая жизнь, особливо, когда
выходяши на оную, какъ борець, мужественно
оставляя и отечество, и родъ, и имѣніе, и одишь
представъ на достославные сіи подвиги. Если
такъ начнешь по Богу, шествуя въ начало пу-
тей (а) пламенною вѣрою, божественнымъ ду-
хомъ, и обреченіемъ себя на терпѣніе, соблюдая
жизнь сію неизмѣнною ; то душа твоя на по-
злащенныхъ крылахъ добродѣтели отлетитъ (б)
изъ мѣста своего, и поспѣшитъ воспарить къ
самому небу. Но крыла сего житія старается
подрѣзать отецъ грѣха, ту землю, изъ которой
ведеть родъ свой подвижникъ, представляя ему
какъ въ зеркалѣ, особливо во время приключаяю-
щихся ему болѣзненныхъ припадковъ. И пока
пробываетъ еще на мѣстѣ, по немногу отвле-
каетъ отъ пламенно желаемаго преселенія; когда
же дознаетъ, что душа изнурена скорбями, тог-
да этотъ ночный вранъ, наведя ночь помы-

а) По рукописи читается: *εις αρχήν ὁδῶν βαδίζων.*

б) По рукоп. вмѣсто *ἀγρίαιμένη* читается *ἀφιπτιμένη.*

словъ, омрачаетъ въ душѣ лучъ совершеннѣйшаго. А если подвижникъ одиноко вступитъ въ подвигъ на поприщѣ пустыни, и случится тѣлу быть уязвлену болѣзнію; то врагъ тѣмъ паче трудною представляетъ душѣ странническую жизнь, внушая, что преспѣяніе въ добродѣтеляхъ зависить не отъ мѣста, а отъ образа жизни, и что дома, имѣя утѣшеніе отъ родныхъ, безъ затрудненія сохранить онъ для себя награды за отреченіе отъ міра. Тамъ удобны и пособія противъ болѣзни, тамъ нѣтъ и злостраданія и мучительнаго изнеможенія, какія терпитъ теперь, тѣмъ паче, что у братіи рѣдко бываетъ стараніе о страннопріимствѣ. «Иди и потому еще особенно», скажетъ врагъ, «что радость и славу принесешь съ собою роднымъ своимъ, которыхъ безжалостно покинулъ предаваться несносному сѣтованію. Ибо многіе, и не бѣжавъ изъ отечества, среди родства своего достигли верха добродѣтели» (в). Но кто вступленіемъ въ странническую жизнь облекается въ порфиру скорбей, и увѣнчивается надеждами на труды, тотъ вѣрою, терпѣніемъ и благодареніемъ отразитъ востающія внутри его бури сихъ помысловъ. И чѣмъ болѣе пронзаютъ они сердце, заставляя возвратиться, тѣмъ паче будетъ возглашать имъ: *се удамхся блъгая, и водворихся въ пустыни*

(в) Въ рукописи читается: *ἐν μέσῳ τῶ γένους ἐπελάβον τὸ τῆς ἀρετῆς.*

(Ис. 54, 8.). Ибо укоризнами своими причиняютъ намъ скорби, и льстиво убѣждаютъ возвратиться, чтобы, лишивъ принятаго нами намѣренія, пресѣчь и благодарность, оказываемую въ терпѣннѣи; а такимъ образомъ съ великою уже свободою шире и шире раскидываютъ сѣти свои даже и съ помощію родныхъ.

Г л а в а 3. Поэтому начинающій упражняться въ добродѣтели, пусть взвѣситъ и угрожающую ей брань, чтобы, явившись безъ предварительнаго упражненія, какъ неготовому, не быть отвлеченнымъ отъ дѣла. Ибо похвально мужество добродѣтели и во время мира, но еще похвальнѣе доблесть ея при наставшей брани. Добродѣтель даетъ себя видѣть не столько въ томъ, что производитъ, но и въ бѣдствіяхъ, которыя борются съ нею. Безстрастенъ тотъ, кто побѣдилъ, пострадавъ во многихъ браняхъ; а тотъ страстенъ, кто говоритъ, что пріобрѣлъ добродѣтель безъ брани. Сообразно съ распоряженіями доблестнаго въ трудахъ военачальника распоряжается и злоба противниковъ. Сердце, у котораго нѣтъ брани, лишается возможности оказать добродѣтель, потому что добродѣтель (*ἀρετή*) есть имя, означающее дѣятельность, и производится отъ имени, означающаго подвиги (*ἀριεῖα*). Добродѣтель не ищетъ людской похвалы, не утѣшается почестью, — этою матерью золь. Начало чести — челоуѣкоугодіе, а конецъ ея — гордость. Кто домогается почестей,

тотъ возвышаетъ самъ себя; а таковой не умѣетъ перенести уничиженія. Желаніе почести—мечта, и кто любитъ почесть, тотъ мечтаетъ получить одобреніе. Для тебя пусть будетъ почестью трудъ добродѣтелей, а безчестіемъ — желаемая похвала. Не ищетъ славы отъ плоти, кто низлагаетъ съ себя плотскія страсти, възсуетъ же лучшаго. Это и для тебя пусть будетъ славою. Кто желаетъ, чтобы воздавали ему честь, тотъ завидуетъ превосходящему славою, а къ этому соревнованію присовокупляетъ и ненависть. Кто препобѣжденъ сильнымъ желаніемъ почестей, тотъ не терпитъ, чтобы кто-либо былъ ему предпочтенъ, но себѣ восхищаетъ первенство, чтобы не показаться низшимъ; почитаетъ несноснымъ оказать честь заслуживающему похвалу и въ его отсутствіи, и славу трудовъ его представляетъ ничего незначущею. Обида славолубивому — самый острый ножъ; получивъ ее, никакъ не избѣгнетъ онъ негодованія.

Глава 4. Таковой въ рабствѣ у жестокой госпожи, и проданъ многимъ властелинамъ, превозношенію, зависти, ревности и всѣмъ упомянутымъ выше толпамъ духовъ. А кто духа чести поражаетъ смиреніемъ, тотъ одолеваетъ цѣлый полкъ демоновъ. Кто по смиренію дѣлаетъ себя рабомъ всякаго, тотъ уподобится смирившему Себя и Пріявшему *зракъ раба* (Фил. 2, 7.). Если себя самого мѣряешь малою мѣрою, то не будешь мѣряться съ другимъ. Кто душевную

немошь обнаруживаетъ въ слезахъ, тотъ не будетъ высоко думать о трудахъ своихъ. Демоны смиренномудренныхъ приводятъ въ униженіе, и дѣлають имъ обиды, чтобы, нетерпя униженія, оставили они смиренномудріе. Кто по смиренію мужественно переноситъ безчестія, тотъ симъ самымъ возносится паче на высоту любомудрія. Оскорбляемый Давидъ ничего не сказалъ на противъ, но даже остановилъ мстительность Авессы (2 Цар. 16, 10.). И ты, терпя обиду, не воздавай обидою, но укроти и правдиво отмщающаго за тебя. Переноси обиду, и губами замкни дверь раздраженію; — это для тебя преспѣяніе. Вовсе ничего не отвѣчай угрожающимъ, чтобы молчаніемъ укротить уста дышущія пламенемъ. Тогда причинишь чувствительную боль угрожающимъ и обидчикамъ, когда на челюсти свои наложишь узду. Когда молчишь, обида не поглотитъ тебя; а обидчикъ гораздо болѣе терзается при твоёмъ молчаніи, когда дерзость его переносишь великодушно. Отрѣвай отъ своей внутренности похвалу человѣческую, чтобы прежде ея отразитъ кичливый помысль. Блюдись и отъ самоугодія, особливо пребывай на безмолвіи, чтобы, возвеличивая себя предъ осмѣливающимся говорить свободно, не уничтожить какъ-либо и его. Одинъ изъ братіи обиженъ былъ благоговѣйнымъ братомъ, и потерпѣвъ обиду, отошелъ вмѣстѣ и съ радостію и съ печалію, съ радостію, что обиженъ несправедливо и не

смутился, а съ печалію, что благоговѣйный братъ былъ обманутъ, и обманувшій радовался тому. Уразумѣй и то, что обманщикъ чувствовалъ также и то и другое, безъ сомнѣнія радовался, что одного смутилъ, а больше печалился, что другой не смутился.

Глава 5. Когда демоны увидятъ, что не воспламенились мы при самомъ нанесеніи намъ обидъ; тогда, напавъ въ безмолвіи, стараются возбудить владычественное въ насъ, чтобы заочно вооружились мы смѣлостію противъ тѣхъ, съ которыми, бывъ вмѣстѣ, блюли миръ. Посему, когда кончишь споръ или неудовольствіе съ братомъ, себя самого почитай погрѣшившимъ, чтобы на безмолвіи въ сердцѣ своемъ не найти тебѣ борьбы помысловъ, изъ которыхъ одинъ будетъ укорять за причиненіе неудовольствія, а другой за то, что за неприятность не отплатилъ ты неприятностію же. Когда сильное раздраженіе огорчаетъ братіи въ общежитіи; тогда помыслы внушаютъ ублажать живущаго въ уединеніи, чтобы, лишивъ насъ долготерпѣнія, удалить и отъ любви. Кто гнѣвъ отражаетъ отъ себя долготерпѣливостію, и печаль любовію, тотъ отражаетъ двухъ злыхъ звѣрей, побоявъ ихъ двумя доблестными дѣлами. Кто колѣнопреклонно умоляетъ раздражившаго, чтобы прекратилъ гнѣвъ, тотъ обоихъ отводитъ отъ раздраженія, потому что примиряющій гнѣвающихся препобѣждаетъ самый духъ гнѣва. Но самъ

придетъ въ негодованіе, кто содѣйствіемъ своимъ поощряетъ къ гнѣву родственниковъ, потому что принялъ онъ на себя ссору ближнихъ. Кто ради мира терпитъ человѣка дерзкаго, тотъ усиливается стать сыномъ мира. Но не между людьми только должно искать союза мира, а и въ тѣлѣ своемъ, и въ духѣ своемъ, и въ душѣ своей.

Г л а в а 6. Ибо, когда миромъ соединишь союзъ этой тройственности твоей, тогда, какъ соединенный заповѣдію божественной Троицы, услышишь: *блаженіи миротворицы: яко тѣмъ сынове Божіи нарекутся* (Матѣ. 5, 9.). А если и плоть, вождельвающую противнаго духу, умиришь трудами; то будешь имѣть славу блаженствъ будущаго вѣка, побѣдивъ врага, который въ тѣлѣ твоёмъ *противу* воюетъ *закону ума* твоего, и плѣняетъ тебя *закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удльхъ твоихъ* (Рим. 7, 25.). Великъ тотъ союзъ ума, при которомъ присоединяется и радость, просвѣщающая мысленное око къ созерцанію совершеннѣйшаго. Почему, если приобрѣтемъ въ трудахъ мирную радость, то съ благодареніемъ отразимъ ея постигающія насъ нещріятности, и не примемъ въ себя рыкающаго демона печали, который напаче нападетъ на душу, ослабляя ее скорбями, и уготовляетъ мѣсто духу унынія, чтобы омрачить имъ душу и придать новые труды. Поэтому въ сердцѣ нашемъ написаннымъ закономъ да бу-

детъ радость мира, которая и печаль удаляетъ, и гнѣвъ потушаетъ (в), и ненависть изгоняетъ, и мстительность уничтожаетъ, и унынію полагаетъ конецъ, и печаль измѣняетъ; потому что, укрываясь въ мирномъ долготерпѣніи, какъ водами окружая себя благодарностію и терпѣніемъ, она есть море добродѣтелей, и крестомъ потопляетъ сопротивное діавольское полчище. Но разумѣй и то, что бываетъ противная ей смутная радость, и обманувшись тѣнью, не прими одну за другую; потому что демоны поддѣлываются и подъ духовныя дарованія, чтобы введя умъ въ заблужденіе призракомъ, лишитъ его смысла. Ибо духовная радость приходитъ въ сердце безъ всякой внѣшней причины, потому что находитъ превыспренняго вождя печали по Богу; потомъ же предаетъ душу и духу печали, потому что содѣлала ее плѣнницею духовной радости.

Глава 7. Скажу и то, что одному изъ братьевъ внушилъ самъ опытъ, а именно, какъ вмѣсто радованія о Господѣ губитель вводитъ собственную свою радость, а вмѣсто печали по Богу искушаетъ умъ противною ей печалию, чтобы посредствомъ превратныхъ измѣненій въ душѣ попеченіями затмить лучъ совершеннѣйшаго. Двойкая грѣховная печаль сопряжена бы-

(г) По рукописи читается *ή τήν λυπήν εξορίζουσα, καί τήν δρούσαν καταποτίζουσα*, и проч.

васть съ каждымъ дѣланіемъ, одна происходитъ въ сердцѣ безъ видимой причины къ печали, другая же раждается и вторгается отъ причинъ странныхъ. Печаль по Богу подкрѣпляетъ душу слезами, не пріемля радости и печали, происходящихъ отъ причинъ противныхъ, заботится же о приближающейся смерти и судѣ, и ожидаетъ сего съ терпѣніемъ и любовію. Неполнившіяся пожеланія насаждаютъ въ душѣ печали: а молитвы и благодаренія иссушаютъ ихъ. Гнѣвающихся тревожитъ взаимная печаль. Если кто изъ нихъ первый отрезвится, встанетъ отъ страсти, и подастъ другому руку; то извиненіемъ изгоняетъ горькую печаль. Печаль бываетъ болѣзнію души и плоти, и душу отводитъ въ плѣнь, а плоть изнуряетъ, оставляя на мѣстѣ. Печаль раждается отъ того, что противно, отъ печали же происходитъ негодованіе, а отъ нихъ обоихъ порождается умоизступленное злорѣчіе. Если хочешь подавить печаль и негодованіе; то объими долготерпѣливость любви, и облекись въ радость незлобія. Радость твоя да не будетъ печалію для другаго. Радующійся о неправдѣ будетъ плакать о благоволеніи. И кто переноситъ печали, терпя несправедливо, тотъ свѣтло возрадуется; потому что будущее противоположно настоящему.

Г л а в л 8. Наипаче будь благодаренъ въ скорбяхъ; потому что чрезъ нихъ яснѣе ощутишь вспомошествовающую благодать. Такъ, въ благодареніи пересиливая постигающія тебя скорби,

не помрачишь блистательной красоты терпѣнія. Когда демонъ будетъ поражагь плоть твою бичемъ своимъ; тогда окажется онъ для тебя виновникомъ величайшей награды, если удары его примешь въ поводъ къ благодарности. Ибо симъ и его обратишь въ бѣгство. А чтобы награда твоя еще болѣе изплась на тебя за терпѣніе, для сего терпѣніе твое да ополчится всякими мужественными трудами; потому что и уныніе онолчается противъ тебя всею злобою, и наблюдая за всѣми твоими трудами, пытается ихъ. И если найдетъ оно, что кто-либо не пригвожденъ терпѣніемъ, то обременяетъ его, и подклоняетъ подъ себя. Если же демонъ унынія окажется слабымъ предъ терпѣніемъ въ трудахъ: то преспѣянію снова угрожаетъ звѣрь высокоумія. Почему, если отгонишь его осторожнымъ благоразуміемъ, то отгонишь съ нимъ и тщеславнаго духа во время Божіей службы. Когда нападаетъ на тебя духъ унынія; тогда подастъ онъ душѣ мысль, что псалмопѣніе обременительно, и противоборникомъ тщательности противопоставляетъ лѣность, чтобы, ускоривъ псалмопѣніе, дать плоти отдыхъ, напоминая о томъ, что по какой-то причинѣ она утомлена. Поэтому, когда бываемъ на бдѣніи ночью, не будемъ во время службы по унынію садиться, чтобы не пришли демоны, не собрали плевелы помысловъ, и не посѣяли ихъ въ сердца. Ибо, какъ скоро потеряемъ связь

псалмопѣній, собираемъ мы сонмище помысловъ. Проснувшись передъ службою, займемъ сердце помыслами свѣтлыми, чтобы приуготовиться съ бодрственною мыслию предстоять на псалмопѣнїи.

Г л а в а 9. Иногда псаломъ на бдѣнїи должно читать скоро, а иногда предполагается заняться пѣніемъ псалма; потому что и намъ необходимо преображаться соотвѣтственно кознямъ противника; посему, если когда душею владѣетъ уныніе, внушается побуждать языкъ къ скорости, а иногда сами враги вызываютъ на то, чтобы читать на распѣвъ; потому что умное око отъ свѣта, какъ отъ пищи, заимствуетъ силу, и умъ долго занятый видѣніемъ чего-либо возвышеннаго, по примѣру Елисею, приобрѣтаетъ болѣе острозрительное око. Когда востаетъ помысль враждебный сердцу твоему; не другаго помысла вмѣсто него ищи въ молитвѣ, но мечь слезъ изостри противъ помысла враждебнаго. Ибо такимъ образомъ въ борьбѣ нанесешь сильнѣйшїй ударъ, и скорѣе достигнешь того, что врагъ отступитъ отъ насъ. Люби украшать себя рукодѣльемъ, а паче молитвенною памятію (г); потому что одно не всегда, а другое непрестанно, доставляетъ пользу дѣланію. Не отлагай воздать молитвенный долгъ, слушаясь помысла, что

(А По рукописи читается *φιλοκάλεε σαυτόν ἐργαζώων χερῶν, καὶ μάλλον τῆς εὐχῆς τῆ μνήμῃ.*

пора заняться дѣломъ, и не приводи въ безпорядокъ дѣла, безпокою тѣло, чтобы не возмутить вмѣстѣ и сердце для молитвы. Какъ внѣшній нашъ человѣкъ дѣлаетъ своими руками, чтобы не обременить другаго; такъ и внутренній пусть работаетъ, чтобы не обременился умъ. Ибо помыслы тогда предлагаютъ душѣ собственную свою работу, когда найдутъ, что не занята она мыслями по Богу; воздѣлывай, какъ руководѣіе изъ человѣколюбія, такъ и мысль умственной силы изъ любомудрія, чтобы первое служило къ препитанію странныхъ и къ воспламененію твоему въ лѣности, а другое было вождемъ къ созерцанію и охлажденіемъ помысловъ. Смѣло будемъ нападать на услажденіе помыслами, обращая на нихъ весь гнѣвъ; чтобы иначе, съ удовольствіемъ принимая доставляемое ими, въ тойже мѣрѣ не сдѣлаться намъ списходительными и къ самымъ помысламъ.

Глава 10. Приготовь себя быть кроткимъ и браннолюбивымъ, кроткимъ съ соплеменникомъ, и браннолюбивымъ съ врагомъ; ибо на то и можетъ быть употреблена раздражительность, чтобы по враждѣ бороться съ зміемъ, а также къ тому служить скромность кроткаго, чтобы по любви быть великодушнымъ къ брату и вести брань съ помысломъ. Поэтому кроткій пусть будетъ и браннолюбивымъ, не распространяя кротости на обманчивые помыслы, и браннолюбія на близкихъ по естеству. употребле-

нія раздражительности не обращайъ въ противуестественное, чтобы, уподобляясь змию, раздражиться на брата, и спсходя къ помысламъ, вступать въ пріязнь съ зміемъ. Кроткій, если терпитъ что и бѣдственное, не оставляетъ любви; ибо ради любви оказываетъ великодушіе и доброту, все покрываетъ и терпитъ. Если дѣло любви—быть великодушнымъ; то не ея дѣло—раздраженно вести брань; потому что раздражительность возбуждаетъ печаль и негодованіе, а любовь уменьшаетъ и раздражительность, и печаль, и негодованіе. Если твердо шестіе твое въ любви; то ей паче внимай, а не тому, что оскорбляетъ тебя. Служи Богу, со страхомъ и любовію; со страхомъ, какъ Владыкѣ и Судіѣ, съ любовію, какъ челоувѣколюбцу и Питателю. Кто пріобрѣлъ добродѣтели любви, тотъ взялъ въ плѣнь негодныя страсти. И кто отъ Святой Троицы имѣетъ сіи три добродѣтели, вѣру, надежду, любовь; тотъ будетъ градомъ, который обнесень тріиною стѣною, и какъ бойницами укрѣпленъ сими добродѣтелями. Не въ томъ только оказывайся исполненнымъ любви, что не берешь у другаго, но пусть объ отреченія твоемъ отъ міра дознаютъ изъ того, что и свое отдаешь, ничего не жалѣя. Когда раздаешь вещественное, старайся ввергать чистыя сѣмена, чтобы вмѣсто пшеницы не возшла у тебя крапива. Когда даешь что—либо, памятуй о Богѣ, и подающемъ и пріемлющемъ, чтобы награды за

отреченіе отъ міра воздасть Онъ тебѣ съ похвалами.

Глава 11. Нестыжательный беззаботно наслаждается жизнью, а у любостыжательнаго всегдашняя болѣзнь — попеченіе о богатствѣ. Тогда отведешь въ плѣнь толпу помысловъ, когда не предашь сердца заботамъ о вещественномъ. Тогда и крестъ понесешь не развлекаясь, когда отречешься отъ пожеланія имѣть собственность. Помысль же о вещественномъ пророчитъ тебѣ и старость и болѣзни, чтобы упованіе твое на Бога раздѣлится съ упованіемъ на имущество. Кто намѣревается отречься отъ міра, тотъ да остѣнитъ себя вѣрою, да укрѣпитъ любовію, да утвердитъ надеждою; потому что вѣра — не оставленіе, но утвержденіе совершеннѣйшаго въ упованіи терпѣнія и въ любви жизни. Когда отречаешься отъ всякаго вѣшняго вещества; тогда обрати вниманіе на темные помыслы, укоряющіе тебя въ нищетѣ и скудости, представляющіе тебѣ и униженіе и безславіе. Убіицы сія стараются обманомъ привести тебя въ раскаяніе о такой славной добродѣтели. Посему, если разумно обратишь вниманіе на подвигъ, то найдешь скорѣе, что за сіе самое, въ чемъ укоряютъ тебя, соплетается тебѣ вѣнецъ. Ибо, отрекаясь отъ міра, для тѣхъ подвиговъ и отречаешься, за которые укоряешь себя. Поэтому не предавайся борьбѣ внутреннѣхъ помысловъ; потому что не въ началѣ отреченія восхваляется

конецъ, но при концѣ терпѣнія увѣнчиваются начала, и не за тѣлесное только упражненіе рукоплещуть подвигамъ, но борьбою помысловъ достигается правдѣ на вѣнецъ.

Г л а в а 12. Суди помыслы на судилищѣ сердца, чтобы по истребленіи разбойниковъ пришелъ въ страхъ и начальникъ ихъ. Ибо строгій изслѣдователь помысловъ есть вмѣстѣ и истинный любитель заповѣдей. Поэтому, когда сердцу твоему предстаетъ помыслъ неудобонизыскуемый, тогда наиболѣе усиленные труды употреби на него; ибо онъ, или убѣжить, не вынеся твоей горячности, какъ противной ему, или вытерпитъ оную, какъ свойственный пути правому. Иногда бываетъ, что демоны, внушивъ сердцу помыслъ добрый, и вскорѣ потомъ преобразившись, показываютъ видъ, что противятся оному, чтобы изъ протввленія сего заключить тебѣ, что знаютъ они помышленія сердца своего, даже не только тебѣ заключить, но и имъ быть въ правѣ судить совѣсть твою, какъ препобѣждаемую добромъ при сопротивленіи зла. А иногда также указываютъ тебѣ на собственную твою бдительность, чтобы подумалъ ты самъ о себѣ, что ты мудръ. Когда помыслы перенесутъ на то мѣсто, которое, по ихъ предположенію, любимъ, тогда заставляютъ раскаяваться объ этомъ, чтобы сдѣлать насъ во всемъ непостоянными и бесплодными. Потому не будемъ простираться съ мѣста на мѣсто, но предадимся лучше без-

молвію и трудамъ ; потому что по лѣности нашей помыслы берутъ надъ нами силу. Кто извѣдалъ искушеніе помысла , тотъ да пребываетъ на томъ мѣстѣ, на которое призванъ Богомъ ; а неизвѣдавшій сего находится еще въ бореніи. Переменная мѣста пусть дѣлается для житія болѣе духовнаго, а не болѣе спокойнаго. Терпѣніе, великодушіе, любовь въ скорбяхъ благодарятъ ; а уныніе, легкомысліе, самолюбіе любятъ покой. У человѣка безпокойнаго душа борется съ видѣніями чувствъ, а любитель покоя, охраняя чувства, борется съ помыслами.

Г л а в а 13. Поэтому вождь твой поведеніе чувствъ да подчинитъ постановленію закона , чтобы ни зрѣніемъ , ни слухомъ не наноситъ тебѣ гибельныхъ ударовъ душѣ своей. Состоя изъ двухъ сущностей, наблюдай, чтобы каждой предоставленъ бѣмъ свой чинъ , и когда одна беретъ верхъ, другая не противорѣчила. И мучителю не уступай права повелѣвать ; потому что, когда преданъ онъ будетъ огню, воздашь ты и послѣдній кодрантъ. Когда поборешь причины страстей, и обратятся онѣ въ бѣгство ; тогда да не возвеличиваетъ тебя лукавій помысль , чтобы тебѣ , повѣривъ духу лести , не лишиться ума. Но старайся высчитывать недовершенное въ томъ , надъ чѣмъ трудишься , чтобы прибитки преспѣній не были у тебя похищены внутренними врагами. Иные, бывъ восхвалены за преспѣніе , со временемъ вознера-

дѣли о трудахъ, и похвала прошла мимо, и труды пропали. Иные, будучи удручены бременемъ золь, почтены великими, и совѣсть души покрывась струпами, а болѣзнь отъ похвалы успилась, помыслы же, отвративъ душевнѣйшій взоръ отъ язвъ, похвалами отъяли труды. Когда самыя трудолюбивыя обогащаются почестями отъ людей, тогда демоны уготовляютъ и наводятъ безчестіе, чтобы, лишенные почестей, не перенесли безчестія и не вытерпѣли оскорбленій. Когда приносишь великое покааніе въ грѣхахъ, тогда демоны, возвеличивая подвиги въ трудахъ, умаляютъ грѣхи, и нерѣдко прикрываютъ ихъ забвеніемъ, или наводятъ на мысль, что они прощены, чтобы, положившись на труды свои, не почиталъ ты болѣе нужнымъ горько оплакивать свои паденія.

ГЛАВА 14. Кто вступаетъ въ битву, чтобы отсѣчь борющіяся съ нимъ страсти, тотъ вооружить на брань не одни страсти, но великое число воиновъ. Не забывай своего паденія, хотя и покаешься; но напоминаніемъ о грѣхѣ твоёмъ къ униженію твоему да служатъ плачь, чтобы тебѣ, униживъ себя, по необходимости отсѣчь гордость. Если кто изъ дѣлавшихъ непозволенное намѣренъ впредь жить хорошо; то худые свои поступки вполне да замѣнятъ противоположно соотвѣтственными лучшими. Ибо каждому пороку противопоставляющій противоположную дѣятельность поражаетъ змія стрѣ-

лами изъ разумаго колчана добродѣтелей. А самое острое оружіе у сего звѣря есть тщеславіе, подстрѣливающее труды. Кто предупредилъ оное тайными воинствованіями дѣлъ, тотъ близокъ къ тому, чтобы сразить главу самому діаволу. Ароматы грудовъ твоихъ запечатлѣй молчаніемъ, чтобы, будучи разрѣшены языкомъ, не стали окраденными въ славу. Скрывай языкъ свой въ дѣятельномъ прохожденіи подвижничества. Ибо молча, свидѣтелями жизни и трудовъ своихъ будешь имѣть достовѣрныхъ сожителей. У кого некому засвидѣтельствовать о настоящихъ трудахъ, тотъ да не свидѣтельствуетъ о себѣ собственнымъ языкомъ. Иные, сложивъ съ себя тяготу трудовъ, въ покровъ лѣности выставляютъ дѣла прошлаго времени, не совсѣмъ основательно, за немѣніемъ дѣлъ настоящихъ, употребляя ихъ вмѣсто очевидныхъ свидѣтелей. Какъ скрываешь отъ людей грѣхи свои, такъ скрывай отъ нихъ и труды свои; потому что противоборствуетъ тайнамъ сердца скрытность записаній, а возобновленія брани укрѣпляютъ тебя противъ нихъ. Если же ошибки скрываемъ съ осторожностію, а труды объ ихъ исправленіи открываемъ неосторожно; то въ обоихъ случаяхъ дѣлаемъ противное тому, что надлежало дѣлать. Ты стыдишься открыть срамоту, чтобы того, что полезно для души, не обратить въ поношеніе и уничиженіе? Бойся показывать и труды, чтобы обвиненіе въ челоуѣкоугодиіи не

принесло душевной гибели. Но если одному Богу открываешь постыдныя паденія ; то не открывай людямъ своихъ противоборствій онымъ, чтобы не были почтены побѣдными вѣнцами.

ГЛАВА 15. Отъ благодати пріавшіе силы къ трудамъ да не думаютъ, что имѣютъ ихъ по собственной своей крѣпости. Ибо виною всего добраго въ насъ есть слово заповѣдей, какъ и виною всего худаго—внушитель обманчиваго (е). Поэтому, какое добро ни сдѣлаешь, принеси благодареніе Виновнику добра. А если тревожитъ тебя чтò худое ; то повергни это главному виновнику худаго. Конецъ всякаго труда — принеси благодареніе Совершеннѣйшему, чтобы, когда приношеніе твое принесено законно, посрамлена была тѣмъ злоба. Кто къ дѣлу присовокупилъ благодарность, тотъ будетъ имѣть неокрадываемое сокровище сердца, соорудивъ двойную стѣну противъ грѣха. Достойнъ похвалы тотъ мужъ, который съ дѣятельностію сочеталъ вѣдѣніе, чтобы изъ обоихъ источниковъ орошалась душевная нива для произращенія добродѣтели. Ибо вѣдѣніе возноситъ умную сущность къ созерцанію совершеннѣйшаго, а дѣятельность умерщвляетъ *уды, яже на земли, блудъ, нечистоту, страсть, злобу, похоть злую* (Кол. 3, 5.). Посему, оградившіе себя всеоружіемъ и дѣятельности, и вѣдѣнія удобно уже наступаютъ

(е) По рукописи *ὁ τῶν ἀπειτηλῶν ἐποβολαίς.*

на демонское лукавство. Демоны воюють съ душею помыслами, а сильно бываютъ отражаемы терпѣніемъ, даже, видя сего мощнаго предводителя битвы, съ робостію вступають уже въ борьбу. Если хочешь вести брань съ полчищемъ демоновъ; то врата души своей загради безмолвіемъ, и ухо свое приложи къ словесамъ отечества, чтобы тогда, точнѣе дознавъ, пожечъ тебѣ тернія помысловъ. Когда внимаешь совѣтамъ отеческимъ; будь не судіею дѣль, но испытателемъ реченій.

Г л а в а 16. У подобныхъ помысловъ въ обычаѣ вниманіе твое обращать на дѣятельность совѣтующаго, чтобы тебя, поставивъ грознымъ его судіею, отворотить отъ полезнаго совѣта. Когда предлагаютъ тебѣ совѣтъ, хотя ты и свѣдуешь, не отвергай его. Ибо, если дѣятельное отрпѣнено отъ силы вѣдѣнія, то приводящему въ стройность обѣ добродѣтели потребна страшная правдивость въ судѣ. Кто не допускаетъ до слуха отеческую заповѣдь, тотъ преслушаетъ и заповѣдь закона. Не только съ наслажденіемъ говори о преспѣяніяхъ отцевъ, но и отъ себя требуй, быть самымъ трудолюбивымъ дѣлателемъ оныхъ. Кто тщательно разыскиваетъ, какой помысль какому труду противится, тотъ оказывается искуснымъ въ борьбѣ съ заблужденіемъ. Если въ цѣлой совокупности духовныхъ твоихъ трудовъ будетъ у тебя какого-либо недоставать; то вмѣсто него вкрадывается похи-

тившій его помыслъ. Помни о семъ, чтобы сердце соблюдало благоразуміе въ трудахъ, и чтобы забвеніе попеченія о трудахъ лучшихъ, окравъ его, не предало въ плѣнъ помысламъ; потому что забвеніе о семъ плѣненіи пролагаетъ путь пороку, такъ что оный, какъ скоро умъ окраденъ, входитъ въ него безпрепятственно. Умъ, въ которомъ похищена мысль о Богѣ, и который далекъ сталъ отъ памятованія о Немъ, погрѣшаетъ въ равной мѣрѣ и виѣшними чувствами. И таковой умъ не въ состояніи быть руководителемъ и слуха и языка, потому что внутри его не стало приверженности къ трудамъ. Когда одинъ любитъ выслушивать, какъ другой кого-либо поносить; тогда оба содѣйствуютъ двумъ содѣйствующимъ другъ другу духамъ; потому что выслушваніе о комъ-либо худаго дѣлается содѣйствующимъ осужденію, и на гибель сердцу любятъ они другъ друга.

Г л а в а 17. Заграждай уста свои для пересудовъ, чтобы не впасть тебѣ съ ними въ двоякое беззаконіе, и себя приучая къ опасной страсти, и другихъ неудерживая отъ злоязычія. Любящій насмѣхаться расхищаетъ въ душѣ, что есть въ ней лучшаго, клеветами подкапывая слабый слухъ. Кто бѣгаетъ языка, который злословитъ ближняго, тотъ и самъ избѣжитъ порока злословія. Кто съ пріятностію слушаетъ злословящаго, тотъ ушами всасываетъ звѣринный ядъ. Пусть ухо твое не вкушаетъ этого горькаго яда, чтобы и тебѣ

не растворить его какъ нибудь для другаго. Не огорчай слуха своего пересудами, чтобы тебѣ, когда проданъ будешь этой страсти, не стать рабомъ многострастія; потому что одна страсть, нашедши въ тебѣ мѣсто, въ туже ограду вводитъ и другія страсти. Владычественный умъ дѣлается рабомъ многихъ пороковъ, когда, сопрягшись съ страстію, отрѣшается отъ трудовъ. Кто старается разбирать насмѣшки другихъ, тотъ не разбираетъ самымъ дѣломъ поступковъ своихъ. Не смѣйся надъ кончившимъ жизнь, какъ надъ жившимъ нерадиво, чтобы, по привычкѣ судить живыхъ, не стать злымъ судією и мертвѣго. Не преслѣдуй падшихъ кичливымъ помысломъ, надмѣвающимъ тебя, какъ судію, но себя самого разбирай помысломъ тресвеннымъ и оцѣнивающимъ поступки твои. Падая воздыхай, а преспѣвая не надмѣвайся. Не величайся тѣмъ, что ты достоинъ не пренебреженія, чтобы вмѣсто украшенія не облечься тебѣ въ порокъ. Иные, не имѣя возможности сдѣлаться извѣстными по благоговѣнію, постарались пріобрѣсти извѣстность порокомъ. Другіе же, преисполнившись завистию, уничижаютъ утвердившихся въ добродѣтеляхъ, поражая ихъ вымышленными обвиненіями. Иные, прославившись въ народѣ дурнымъ поведеніемъ, принимаютъ на себя видъ житія честнаго, не для того, чтобы грѣховныя паденія свои оплакивать въ трудахъ, но чтобы заглушить укоризненную о нихъ молву. Но не при-

крашивайся для обольщающаго тебя, и не радуйся тому, что ты обольщенъ. Ибо, если приобрѣтешь одно имя ревностныхъ ; то работаешь не Богу, а людямъ. Не входи въ сближеніе съ живущимъ не въ трудахъ , хотя въ этомъ поставляетъ онъ великую для себя славу. Онъ другъ въ угодность лшцу, но время сдѣлается его обвинителемъ.

Г л а в а 18. Насмѣшника сдѣлай заботливымъ другомъ, чтобы найти тебѣ въ немъ покровъ для своихъ паденій ; а что достойно въ тебѣ зависти, то скрывай наипаче отъ завидующаго. Когда другъ твой, унижаемый похвалами трудамъ твоимъ, предается зависти, и даже при постороннихъ будетъ труды твои поражать словами тщеславія, чтобы распространяющуюся о тебѣ славу омрачить насмѣшками надъ тобою ; тогда не обращай вниманія на его зависть, и не терзайся этимъ, чтобы горькій ядъ не влился въ душу твою. Ибо дѣло сатаны — какъ его воспламенять завистию, такъ тебя убивать горестію. Лучше же будемъ смиряться предъ такими, *честію болша творяще* (Рим. 12, 10.), и ублажая за трапезою, чтобы укротить развирѣпѣвшій отъ ревности духъ. Не укоряй друга въ ревности какъ бы отъ другаго лица, чтобы, укоряя его какъ бы устами друга, себя самого выставить невиннымъ, и возвысить предъ нимъ какъ неукоризненнаго. Ибо это — превращеніе сатаны, который отъ лица змія хулитъ Всевыш-

няго, чтобы, какъ устами другаго выразившему ненависть свою къ Богу, самому не быть почитену ненавистникомъ. Не покушайся застигнуть брата въ паденіи, съ намѣреніемъ какъ бы поработить его себѣ, чтобы тебѣ самому не содѣлаться содѣйственникомъ сатаны. Кто пагъ, тотъ да не наблюдаетъ, что говорятъ, или въ чемъ падаютъ другіе, чтобы не одному быть падшимъ во зло; ибо и сіе было первымъ дѣломъ діавола по его паденіи; но пусть раскаявается въ неприличныхъ поступкахъ, признавая необходимыми противъ нихъ слезы скорби, и также да приобрѣтетъ первенствующій изъ трудовъ — безмолвіе, являющее ему видѣніе многочислыхъ добродѣтелей. Кто безмолвствуетъ языкомъ, тотъ да мужается противъ помысловъ; потому что мужество души выказывается не только въ безмолвіи устъ, но и въ твердости помысловъ, въ спокойномъ перенесеніи оскорбленій и обидъ; такъ какъ симъ при взаимныхъ встрѣчахъ отражаются страшные бичи діавола.

Г л а в а 19. Да будутъ соблюдаемы не уста только, но и сердце; ибо, когда умъ въ бездѣйствіи, тогда и душевное око омрачается окомъ угодливости. Да будетъ умъ твой слѣпъ для срамнаго (таковыхъ слѣпцевъ умудряетъ Богъ), острозрителенъ же для хорошаго, чтобы слѣпотствовать для худаго. Разумѣй же, что два отдѣльные рода блуда бываютъ совокуплены вмѣстѣ, блудъ тѣлесный и блудъ духовный.

Когда блудный помысль соединяется съ духомъ твоимъ, тогда душа твоя сродняется съ обольстительнымъ въ ней отпечатлѣніемъ. Демонъ принимаетъ на себя лице женское, чтобы привлечь душу съ соединенію съ нимъ. Безплотный демонъ принимаетъ на себя обликъ образа, чтобы непотребнымъ помысломъ ввести въ блудъ душу. Поэтому не увлекайся немѣющимъ существованности призракомъ, чтобы не сдѣлать чего-либо подобнаго и плотию. Обольщены были духомъ блуда всѣ таковыя, не отразившіе крестомъ внутренняго прелободѣнія духовъ. Воздержаніемъ отъ снѣдей поражай помыслы, чтобы говорили не о блудѣ, но о голодѣ. Молитвенное бдѣніе да источаетъ слезы, чтобы имѣть тебѣ помощь въ настоящей брани. Во время блудной брани отказывайся отъ приглашеній на пиршества. И услуживая прпшедшему страннику, его уюкой, а себя укрывъ ограды воздержаніемъ отъ пищи. Сугубая будетъ тебѣ награда за оба дѣла, если каждому изъ нихъ удѣлишь дѣятельность свою ради добродѣтели. Не ради чрева вкушай пищу съ братомъ, но ради Христа любовію водвори его съ собою. Пресыщеніе пищею пятаетъ помыслы, и упившійся напоеваетъ сонъ мечтою. Пріятность наслажденія умерла, какъ скоро пища прошла чрезъ гортань, но похотливость чрева оживаетъ въ этомъ гробѣ. Труды суровой жизни кончаются упокоеніемъ, а роскошное поведеніе кон-

чается воспламененіемъ. Кто приводитъ въ увяданіе пвѣтъ плоти, тотъ ежедневно во плоти помышляетъ о своей кончинѣ. Расчетливость сердца да соразмѣряется съ тѣломъ, чтобы, когда тѣло поражено, не страдать и ему самому. Для плоти довольно сокращать естественныя требованія; тѣлесное твоё упражненіе да имѣетъ въ виду устройство правовъ, чтобы научиться трудиться сердцемъ и вмѣстѣ трудиться душою.

Г л а в а 20. Отличающіеся въ подвижнической жизни блѣдностію лица да отрѣваютъ отъ себя людскую похвалу прежде, нежели она приходитъ, когда помысль еще до встрѣчи съ людьми влагаетъ въ сердце помышленіе о ней. Когда проведешь много времени, воздерживаясь отъ вина, елѣя и излишествъ; тогда помыслы, съ похвалою высчитывая время, внушаютъ (ж) тебѣ мысль ослабить труды ради тѣла. Поэтому симъ злонамѣреннымъ вычислителямъ говори напротивъ все, что можетъ служить къ испроверженію ихъ умысла. Одинъ изъ братіи, восхваляемый внутренними помыслами за труды свои противъ демоновъ, говорилъ словами псалма: *да возвратятся абіе стыдящіяся глаголющии ми, благо же благо же* (Псал. 65, 4.). Не терпи въ себѣ помысловъ, указывающихъ тебѣ на многолѣтнее пребываніе въ монашеской жизни, чтобы

(ж) По рукописи читается: *πρωτόπειπται*, а не *υμνάζουσι*.

не прекратили со временемъ трудовъ твоихъ, и тебѣ въ пустынномъ терѣннѣи не быть уловлену похвалъбою, но въ терѣннѣи убожества памятовать о себѣ, что ты рабъ неключимый. **О**дного терѣнливаго пустынножителя старца услывался нѣкто вывести изъ пустыни по глубокой его старости. Но старецъ сказалъ ему: «перестань принуждать меня; потому что мнѣ негодному нѣтъ еще позволенія возвратиться изъ заточенія». Когда же домогался я дознать отъ него слово ученія, сказалъ онъ: «трудолюбиво домогайся сперва врожденнаго страха, и тогда внутри себя найдешь опытное слово, которое научаетъ челоуѣка вѣдѣннѣи». Сей же старецъ, вопрошенный о страхѣ, отвѣтилъ такъ: «кто имѣеть попеченіе о памяти смертной, тотъ приводится и въ страхъ суда». Но причинѣ страха содѣлайся ежедневнымъ собесѣдникомъ божественныхъ писаній. **П**бо общеніемъ съ спми помыслами отгонншь (з) бесѣды. Кто изученіемъ божественныхъ писаній собираетъ сокровище въ сердце, тотъ легко изгоняетъ изъ него помыслы. **П**ри ночномъ чтенн на бдѣнняхъ, слушая божественныя писанія, не будемъ умерщвлять слуха сномъ, чтобы не предать душу въ плѣнь помысламъ, но жаломъ писаній будемъ прободать сердце, чтобы сокрушеніемъ попечитель-

(1) По рукописи вместо: εφοισεις читается: εφοικεις.

ности разсѣчь противоположно соотвѣтствующую нерадивость.

Г л а в а 21. Иные для славы, а не ради попеченія о душѣ, вступаютъ въ дружбу съ людьми благоговѣйными, чтобы себѣ самимъ безъ труда присвоить сіе украшеніе. Но кто воспламененъ любовію по причинѣ памятованія о небесномъ, тотъ изгоняетъ изъ мысли угодность земному. Свидѣтельство своей совѣсти не отвергаи помысломъ презрительнымъ и сладкорѣчивымъ въ случаѣ паденія. Не продолжай бесѣды съ человѣкомъ упорнымъ, чтобы, вооружившись страстію противъ страсти, не понести пораженія въ добродѣтели. Не возносись горделивымъ помысломъ, который надмѣваетъ противнымъ вѣтромъ. Не похвала языку говорящему бойко, но слава устами приводимымъ въ движеніе спокойно. Слушая слово, вопрошай умъ свой, и тогда разсудивъ дашь приговоръ. Не вводи въ обманъ ума своего неразсудительностію словъ, чтобы не ринулся стремглавъ хананейскій твой языкъ. Да не обольщаетъ тебя многорѣчивый духъ, потому что въ немъ гнѣздится хитрая ложь. Кто уязвляется злорѣчіемъ другихъ, и не повергаетъ его діаволу, тотъ возбуждаетъ противъ себя толпу своихъ помысловъ, и еще болѣе поощряетъ уготовлять на него стрѣлы тѣмъ самымъ, что падаетъ душа его, уязвляясь такимъ злорѣчіемъ. Когда по дѣламъ служенія идешь въ чужую сторону, не

будь готовъ пользоваться странноприметвомъ всякаго, признавая себя недостойнымъ славы, чтобы такимъ образомъ избѣжать помысла злословія, хотя бы и казалось, что говоритъ онъ правду (и), потому что нѣтъ любви. Терпя самое великое злословіе или тяжкую обиду, не будь злопамятенъ, но благословляй, ибо кто памятозлобствуетъ на демоновъ, тотъ не злопамятенъ на людей; но съ демонами заключаетъ миръ; кто памятозлобствуетъ на брата. Негодованіе и противленіе — пожаръ въ сердцѣ; а души не злопамятныхъ орошаются духовно. Огненные угли отбрасываютъ отъ себя искры; такъ и злопамятныя души извергаютъ лукавыя помыслы. Какъ укушеніе скорпіона производитъ самую жестокую боль, такъ и въ душѣ злопамятной заключенъ самый горькій ядъ.

Г л а в а 22. Памятозлобствуй на думовъ блуда и тщеславія, сихъ двухъ злобныхъ демоновъ противныхъ другъ другу; ибо одинъ бѣгаетъ лицъ, а другой радуется лицамъ. И демонъ непотребства, не терпя теплоты огненнаго свѣтоношенія трудовъ, быстро нападаетъ на подвижника во время подвига, внезапно осыпая его пелыстотами, и если отъ обольстительности удовольствій ослабѣетъ онъ въ воздержаніи, постепенно наступаетъ на него, собесѣдая съ сердцемъ его, чтобы оно, воспламенившись поро-

(и) По рукописи читается *καὶ ἰσχυρὰ τὰ ἐπιθυμῶσι τομίζουσι.*

ками, предалось сей бесѣдѣ, плѣшилось ею, и совершенно отложило ненависть ко грѣху. Демонъ же тщеславія, любящій скитаться и снискивать любовь народную, прѣкровенно представляеть душѣ трудолюбцевъ, за тѣ самые труды, въ которыхъ они упражняются, уловляя имъ славу. Если кто хочеть, съ Божіею помощію, преодолѣть ихъ; то пусть измождаетъ плоть противъ блуда, и смиряеть душу противъ тщеславія. Ибо такимъ образомъ удобно отразимъ суетную славу одного, и благоугодимъ тѣмъ Богу, а также испаримъ въ себѣ нечистыя мечтанія другаго, и содѣлаемъ сердце чистымъ отъ сластолюбія. Всего опаснѣе, если сердце погрязло въ навѣкъ къ удовольствіямъ; и потребно много трудовъ, чтобы на сей пажетѣ пороковъ пстрѣбить все до корня. Поэтому, не пріучай помысла входить въ собесѣдованіе съ удовольствіями: потому что въ сонмѣ пороковъ разжигается *огнь* (Псал. 105, 18.). Они, разгорячая тебя, доводятъ до заключенія, что трудно продолжать всеожженіе естества, что долговременна жизнь воздержанія, и продолжительно терпѣніе (i), приводятъ же на память тѣ срамныя мечты, какія представляются тебѣ въ видѣніи ночью, образуя въ тебѣ огненные кумиры прелести, и потомъ возжигая сильнѣйшій жаръ въ плоти закономъ

1) Слово *тѣ* догъ длены изъ рукописи.

грѣховнымъ, внутренно внушаютъ, что не въ силахъ ты дѣлать насиліе естеству, и хотя со-грѣшишь сего дня по нуждѣ, но на утро покаешься по заповѣдн. Ибо законъ челоувѣколюбивъ, прощаетъ грѣхъ кающимся. Они представляютъ тебѣ въ примѣръ, что нѣкоторые послѣ воздержанія пали, и снова покаялись, чтобы тѣмъ придать вѣроятность обольстительному своему совѣту, и чтобы, сокрушивъ (к) душу спмъ обратнымъ поканіемъ, храмъ цѣломудрія содѣлать домомъ блуда. Такъ сіи двуязычные змія насвистываютъ этотъ помысль въ потрясенной храминѣ сердца.

Г л а в а 23. А ты, челоувѣкъ воздержанія, подь предлогомъ покаяться снова не обольщайся неизвѣстными надеждами. Ибо многіе павъ немедленно похищены смертію, а другіе не въ силахъ были востать, привычкою къ удовольствіямъ связанные, какъ закономъ. Почему знаешь ты, челоувѣкъ, будешь ли живъ, и покаешься ли, что назначаешь себѣ годы жизни? И падая здѣсь, поблажаешь плоти своей, когда надлежитъ тебѣ паче предаться памятованію смерти, чтобы въ сердцѣ своемъ живо представлять страшное опредѣленіе суда, и тѣмъ угасить распаленное мудрованіе плоти. Ибо не угасишь шаче страстей, если къ плоти своей не првмѣшаешь трудовъ сокрушающихъ страсти. Не угасишь страстей

(к) По рукописи вместо: ἀνακλήσαντες читается: ἀνακλίσαιτες.

душевныхъ, если не одождишь прежде на сердце плодовъ любви. Страсти тѣлесныя ведутъ начало свое отъ естественныхъ потребностей плоти, и противъ нихъ нужно воздержаніе. А страсти душевныя порождаются отъ потребностей душевныхъ, и противъ нихъ потребна любовь. Любовь есть союзъ безстрастія, изглажденіе же страстей ; она приноситъ долготерпѣніе, охлаждаетъ кипящую раздражительность, внушаетъ смиреніе, унижаетъ гордыню. Любовь не имѣетъ ничего собезвѣннаго, кромѣ Бога ; потому что Богъ есть любовь. Кто недавно присоединился къ свѣтлому собору монаховъ, тотъ да отложить помыслы, присвояющіе ему добрую славу по родству его, чтобы взыскать ему не похвалы отъ людей, но ублаженія отъ заповѣдей. Но да вооружится онъ смѣлостію противъ демоновъ, внушающихъ боязнь. *Ибо не пріисте духа страха паки въ боязнь* (Рим. 8, 15.). Да не устрашаетъ онъ себя духомъ боязни, да не трепещетъ ночнаго шума, производимаго демонами, когда они не имѣютъ уже власти и надъ свиніями. Посему, выходя изъ кельи поздно вечеромъ, да не приходитъ онъ въ ужасъ, и да не устремляется бѣжать назадъ, какъ бы отъ нападающихъ демоновъ, но преклонивъ колѣна на томъ мѣстѣ, гдѣ пришелъ въ боязнь, да сотворитъ молитву. Ибо демоны не нападутъ на тебя, хотя и будутъ устрашать. А когда востанешь, ободрись сердцемъ, утѣшь себя псалмо-

нѣнїемъ, говоря: *не убоишия отъ страха пощипаго, отъ стрѣлы летящїя во дни: отъ вещи во тлїи преходящїя, отъ сряща и бѣса полуденнаго* (Исая. 90, 5. 6.). Ибо сдѣлавъ это одинъ разъ или и болѣе, скоро отгоняешь отъ себя духа боязни. Будучи не въ состоянїи вредить самымъ дѣломъ, демоны устрашаютъ душу мечтанїями, чтобы ихъ немощныхъ и безсильныхъ люди почли мощными и сильными.

Г л а в а 24. Не паряжайся въ красныя одежды, чтобы еще явственнѣе необлечься тебѣ въ демона тщеславія. Ибо не лѣнотою одеждъ украшаются добродѣтели, но лѣнотою души какъ золотомъ сіяютъ труды. Страхомъ же Божиимъ прикройся отъ казней суда, чтобы по страху огня облечься тебѣ въ неугасимую горячность, и скорѣе умудриться противъ злоухудожественности помысловъ; потому что страхъ — начало премудрости. Кто на опытѣ даетъ видѣть заблужденїе помысловъ, тотъ познаетъ будетъ не всѣми, а только тѣми, которые на себѣ испытали это; потому что путь къ вѣдѣнїю въ этомъ есть опытъ. Причина того и другаго есть жизнь дѣятельная; сїю занявшись съ большимъ трудолюбіемъ, и себя узнаемъ, и помыслы осудимъ, и Бога познаемъ. Кто дѣятельнымъ преселенїемъ и познавательнымъ вселенїемъ помысловъ безыскусственные помыслы умащаетъ искусствомъ, тому надлежитъ смотрѣть, чтобы не напоказъ для славы величать вѣдѣнїе. Если же

помысль, возвсплчпвая ихъ, поступаетъ хищнически, то подвижникъ да возметъ себѣ въ помощь пришельца (1) Иоѳора, который великому пророку Моусею изъ милости далъ мудройіи совѣтъ о судѣ. Силою помысловъ твоихъ да будутъ дѣла; потому что болѣе любомудрія въ томъ, что дѣлается, а не въ томъ, что говорится, равно какъ первое и труднѣе послѣдняго; при дѣятельности слова какъ бы молніеспосны, а когда нѣтъ дѣлъ, слова не блпстаютъ силою дѣлъ. Укоризна сѣдинамъ — слово юное и уста многорѣчивыя, искривляемыя смѣхомъ. Кто и смущаетъ и смущается напрасно, тотъ внѣ тишины и обуревается безъ бурп.

Г л а в а 25. Не заставляй языкъ безвремени гоняться за словами, чтобы и самому не потерпѣть того же, отъ кого не хочешь. Остерегайся запинать языкъ ближняго, чтобы и самому избѣжать діавольскаго запинанія. Остерегайся порицать паденіе брата твоего, чтобы не лишиться тебѣ состраданія, какъ иноземнику. Кто не имѣетъ доброты и любви къ брату, тотъ можетъ ли быть членомъ христоносной любви? Когда братъ придетъ къ тебѣ во время непрерывнаго твоего поста, не давай мѣста скукѣ по причинѣ помысловъ, внушающихъ тебѣ нарушеніе безмолвія, прекращеніе поста. Они дѣлаютъ, чтобы ты, взирая на брата твоего,

(1) По рукописи читается τὸν νεῖλον Ἰωθορ.

взираеть не какъ на самого Бога. Частыя надзирація братій называть будемъ не поводомъ къ смущенію, а паче споборничествомъ. Ввѣрмся ихъ ликостоянію противъ полчища сопротивника. Такъ соединившись привязанностію любви, отженемъ отъ себя порокъ, и дѣла рукъ вносить будемъ въ сокровищницу страшнолюбія. Будемъ принимать къ себѣ братій, не какъ милость имъ оказывая, но какъ платя должную дань, упросимъ ихъ принять наше угощеніе, какъ показалъ это Лотъ (Быт. 19, 1—3.). Иные страннымъ достоинствомъ и странно превозносятся; и когда зовутъ къ себѣ страшника, вовсе не упрашиваютъ его, но самое слово призыва произносятъ медленно съ кичливостію; и если страшникъ отказывается, порицаютъ его, какъ обидчика; потому возгорается отсего великое надменіе. Ибо помыслы, избодая душевное око, ослѣпляютъ, чтобы мы и наилучшими изъ заповѣдей пользовались, какъ можно хуже.

Глава 26. Когда помысль удерживаетъ тебя отъ того, чтобы приневоливать очень брата къ трапезѣ; тогда издѣвается онъ надъ тобою тѣмъ самымъ, что языкъ твой не приневоливается силою любви. Тебѣ помысль внушаетъ, можетъ быть, что братъ принадлежитъ къ числу бродящихъ, и что, удовольствовавшись хлѣбомъ, уйдетъ; а ему внушаетъ, что вовсе не нашелъ у тебя страшнолюбія; потому что помысль, на одно и то же дѣло смотря и такъ, и иначе, въ сердцѣ

каждаго влагаеть свое, чтобы въ одномъ пресѣчь странполюбіе, а въ другомъ произрастить злословіе. Авраамъ, сидя предъ кушею, если видѣлъ кого изъ проходящихъ, принималъ его самымъ дѣломъ. Живущимъ въ нечестіи предлагалъ трапезу; и принимая варваровъ, не обманулся въ надеждѣ принять Ангеловъ. Сладость странполюбія дознали всѣ, которые во время странствія находили у кого прибѣжище, когда и ласковое слово дѣлаеть трапезу сладостною для сердца. Поэтому съ великимъ тщаніемъ будемъ держаться странполюбія, ради собственной пользы, чтобы принять намъ у себя, не только Ангеловъ, но и Бога. Ибо Господь говоритъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѣ. 25, 40.). Нѣкто изъ упражнявшихся въ добродѣтели съ наибольшимъ вѣдѣніемъ далъ такой отвѣтъ: «отзывающіяся въ сердцѣ демонскія мечтанія обыкновенно уничтожаются тщательностію странполюбія и щедрыми услугами, оказываемыми съ усердіемъ, если только какимъ бы то нибыло образомъ освободился кто отъ вещественнаго. Если же дѣлается это со смиреніемъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ, то еще скорѣе избавляетъ отъ мечтаній страдающаго ими; потому что демоны весьма боятся смиренія, зная, что Владычнія это заповѣдь». Нѣкто изъ благоискуснѣйшихъ, ведя рѣчь о смиреніи, пересказалъ и слѣдующее: «весьма благоискусный отецъ уда-

рень былъ по ланитѣ бѣсноватымъ, который былъ въ сильномъ безуміи; и отецъ, немедленно обернувшись, поставилъ ему другую ланиту, съ готовностію принять ударъ. Бѣсноватый же, какъ бы пораженный молніею смиренія, вскричавъ, внезапно отскочилъ отъ отца».

ГЛАВА 27. Вотъ слова и святаго епископа Епифанія: «случилось, говоритъ онъ, что у одной вѣрной вдовицы сынъ имѣлъ въ себѣ пытливаго бѣса; припадки продолжались много времени, и никакія пособія не помогали: когда же мать его отъ слезъ пришла въ смиреніе, ея благодареніе облегчло страданіе. Кресту предавъ душу свою, молитвами исторгла она демона изъ отрока. Когда юноша блуждалъ по окрестнымъ мѣстамъ, а мать стала молиться дома, демонъ, громко произнеся имя ея, метался въ мукахъ. Она же, слыша это, не пошла сама на мѣсто дѣйствія, борецъ естества связуя смиреніемъ, но, привлеченная другими, приведена была насильно, и послѣ этого демонъ съ неистовствомъ усиливался предаться бѣгству. Посему она, не отступая и въ слезахъ обнявъ отрока, благодареніемъ и смиреніемъ ограждала его отъ демона, и когда горько возрыдавъ, принесла моленіе Христу, и наложила на сына крестное знаменіе, демонъ тотчасъ оставилъ отрока». Съ ненавистию демоны смотрятъ на тѣхъ, которые просяваютъ подчиненіемъ себя отцу, и скрежещутъ на нихъ зубами, потому что, живя въ

подчиненіи, беззаботно сопрягли они съ этимъ и отреченіе отъ міра. Имъ-то, тщательно отыскивая предлоги, готовятъ демоны огорченія, при встрѣтившейся причинѣ къ гнѣву, вкореняютъ въ нихъ негодованіе, а потомъ постепенно приводятъ въ воспаленіе и ненависть къ отцу за то, что будто бы онъ несправедливо наказываетъ и лицепріятець: дѣлаютъ же это демоны, чтобы, разными способами поколебавъ душу, похитить ее изъ отеческихъ объятій. Поэтому, кто пребываетъ въ подчиненіи у отца, тотъ да предастъ себя на обпды, и да побѣждаетъ ихъ смиреніемъ, да управляется долготерпѣніемъ и не вникаетъ помысламъ, роншущимъ на суровость и дерзость братіи.

Г л а в а 28. Наипаче же внушаютъ демоны, что свобода не можетъ быть сопряжена съ тяжкимъ рабствомъ, даже простираются и далѣе этого, чтобы, подвластнаго сдѣлавъ непокорнымъ, удобнѣе погрузить его въ вещественное. И однихъ стараются этимъ отлучить отъ отческаго попеченія, а другихъ иными способами, внутренно повторяя имъ: «работай, приобрѣтай, принимай странныхъ, чтобы сотворить себѣ доброе имя». Ибо съ добрыми сѣменами всѣвають по частямъ и худые плевелы, и въ началѣ пускаютъ челоуѣку услаждаться тщеславіемъ, трезвиться въ постоянномъ постѣ, усердно вставать на молитвы и церковныя службы, чтобы могъ онъ заключить изъ сего, что, оста-

ваясь подвластнымъ, не сдѣлался бы такимъ ; потому что тамъ и обиды, и печали, и смущенія, а здѣсь миръ, тишина, радость : тамъ строгость отца, страхъ, оцѣненіе , а здѣсь беззаботность , небоязненность , нестѣсненность. Такъ демоны, вводя въ обманъ подобными симъ помыслами, похищаютъ у человѣка умъ. Внезапно же напавъ на душу во время чрезъ мѣру продолжительнаго сна, напосеваютъ ее страхомъ, прерываютъ божественныя службы нерадѣніемъ и уныніемъ, наводятъ на мысль, что страннопріимство разстроиваетъ человѣка, употребляютъ всѣ обаянія порока, чтобы, ввергнувъ его въ уныніе, возбудить ненависть и къ самой жизни, а такимъ образомъ, обнаживъ отъ добродѣтелей, представить на позоръ Ангеламъ. Иногда демоны возвеличиваютъ труды въ помыслахъ, а иногда уничижаютъ ихъ, какъ ни къ чему не служащіе, чтобы въ одномъ случаѣ внушить высокоуміе, а въ другомъ посѣять отчаяніе. Въ тѣхъ же, которыхъ не могутъ довести до расслабленія, возвеличиваютъ труды, чтобы внушить имъ высокоуміе, а тѣмъ, которые не соглашаются предаться высокоумію, твердятъ одно то, что труды ни къ чему не служатъ, чтобы, приведя ихъ въ расслабленіе, всѣять въ нихъ отчаяніе.

Г л а в а 29. Посему, когда помыслы возвеличиваютъ труды, отринувъ ихъ съ презрѣніемъ, будемъ уничижать душу ; а также, когда ума-

ляются труды, какъ ии къ чему не служащіе, сколько есть сила, будемъ возвеличивать Христова милосердіе. Ибо, въ какой мѣрѣ болѣе и болѣе удручаешь свое тѣло, въ такой же пспытуй свою совѣсть. Познавай себя самого, ощущая тайныя расхищенія помысловъ, чтобы, оставаясь нечувствительнымъ къ тайнымъ ихъ грабительствамъ, не придти намъ въ омраченіе отъ мысли, будто бы добродѣтели пожинаяются одною суровостію жизни. Нѣкоторые, возмечавъ это, какъ пруги, поколебались въ умѣ; потому что демоны производятъ призраки, обольщаютъ видѣніями, а иногда расхищаютъ душу боязнію. Одному изъ братій, бодрствовавшему ночью, демоны представили страшныя мечтанія, впечатлѣвая не на внѣшнемъ только окѣ, но и во внутреннемъ зрѣніи. Носему умъ, боримый заботою о другой наступающей ночи, приходилъ въ опасность подвергнуться расхищенію мыслей, и брань постигала душу многія ночи. Но бѣдствующій успивался удержатъ внутри себя вождя мыслей, и предавъ душу Подателю души (м), укоряя самъ себя за дѣйствительныя свои паденія, подвизался. въ томъ, чтобы углубляться въ себя самого; потомъ, занимая душу помышленіями объ огнѣ на судѣ, приводилъ ее въ страхъ, чтобы, страхъ поражая страхомъ, отразить отъ себя боязнь. Сіе и произошло, какъ

(м) Вместо: τῆς εὐχῆς по рукописи читается: τῆς ψυχῆς.

сказывалъ претерпѣвшій эту брань. Ибо, когда демоны всякими способами устрашали душу, страждущій въ молитвѣ взыскивалъ Бога; тѣмъ развлекали душу мечтаніями, а онъ, собравъ бремя грѣхонадешій, открывалъ оное всевѣдущему Богу; тѣмъ снова развлекали молитвенное око, а онъ, вознаградивъ сіе страхомъ суда, уничтожалъ страхъ мечтательный, и какъ одинъ страхъ преизобиловалъ предъ другимъ, съ Божією помощію пренобѣждалъ онъ обольщеніе; потому что душа, смиряемая памятованіемъ грѣховъ и пробуждаемая страхомъ суда, извергала изъ себя демонскія страшилища. Все же это, и отгнаніе демонскихъ страшилищъ, и подкрѣпленіе падающей души, совершалось благодатию свыше; потому что Господь подкрѣпляетъ всѣхъ падающихъ, *и возводитъ вся низверженныя* (Псал. 145, 8.).

Глава 30. Иногда усиливается сотворить чистую молитву, и между тѣмъ не можемъ; а иногда также не принуждаемъ себя, и душа пребываетъ въ чистой молитвѣ; и первое происходитъ отъ нашей немощи, а послѣднее отъ благодати свыше, призывающей насъ войти въ душевную чистоту, тѣмъ же и другимъ вмѣстѣ поучающей насъ, не себѣ приписывать, если молимся чисто, но признавать Дарующаго сіе. *О чесоумъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣлмы* (Рим. 8, 26.). Когда усиливается содѣлать молитву чистою, и не можемъ, но омрачаемся;

тогда, омочивъ ланиты слезами, будемъ умолять Бога, чтобы разсѣялъ ночь брани, и возсіялъ свѣтъ въ душѣ. Когда живущій вмѣстѣ съ тобою братъ отлучится по дѣламъ службы; по обычаю молитвенному, обновляй о немъ память, но не мечтай о немъ сверхъ мѣры, чтобы демоны, у тебя заимствовавъ начало къ заботливости, и поощряя оную, не стали изощрять болѣе и болѣе, живо представляя тебѣ брата во время псалмопѣнія, и лишая въ Богѣ попеченія по Богу, чтобы, однимъ попеченіемъ отражая другое, какъ плѣнниковъ отвести насъ отъ наилучшаго, и отъ помышленія о сказанномъ: *возверзи на Господа печаль твою* (Псал. 54, 23.). Ибо демоны знаютъ, что, въ слѣдствіе излишней заботливости о братѣ возмутивъ владычественное въ насъ, дадутъ превратное направленіе самой печали, еще же извлекутъ у насъ и укоризны брату за медленность, будто бы отлучившійся по ревности къ дѣлу служенія возне радѣлъ о братѣ, и сіе дѣлають, чтобы многозаботливая любовь наша премѣнилась даже въ ненависть. При заботахъ нашихъ объ отлучившемся демонамъ обычно дѣлать и то, что въ тотъ самый день, въ который, какъ знаютъ они, прибудетъ отлучившійся, какъ въ зеркалѣ показываютъ намъ его въ сонномъ видѣніи, чтобы по сбывшемуся сну и при отлучкѣ другихъ заставить насъ снова ожидать пророчесственныхъ сновъ, которыхъ должно паче отвращаться и

весьма избѣгать, чтобы демоны не вводили оны-
ми въ заблужденіе душу и въ разсужденіи чего-
либо другаго.

Глава 31. Ибо они ничего не знаютъ на-
передъ, но что видятъ совершившимся, то по-
казываютъ и представляютъ въ мечтаніи. Не-
рѣдко, когда пребывали мы на безмолвіи, де-
моны, увидѣвъ идущаго къ намъ брата, напередъ
указывали его въ помыслахъ; и имъ не надобно
вѣрять, хотя, повидимому, говорятъ правду, по-
тому что съ самою правдою вносятъ ложь, что-
бы по сему частному случаю и на лежащихъ
намъ путяхъ опредѣлять мѣста засадъ. Какъ не
бывшее въ дѣлѣ золото, вложенное въ плавиль-
ную печь, дѣлается чище; такъ и новопосту-
пившій монахъ, переплавивъ нравы свои въ оби-
тели, отличается терпѣливостію. Ибо подъ рас-
поряженіемъ братій оканчиваетъ онъ обученіе
свое послушанію, и подъ десницею наказующаго
уготовляетъ природу къ долготерпѣнію. Поэто-
му, когда съ радостію будетъ принимать оскор-
бленія, и съ самоуничиженіемъ возлюбитъ сми-
реніе, тогда, ставъ выше противныхъ страстей,
начинаетъ потомъ подвизаться въ томъ, чтобы
преспѣвать добродѣтелями, но мѣръ болѣе и
болѣе даруемыхъ ему благодатію силъ. Какъ
опускающіеся въ основанія земли вырываютъ
тамъ золото; такъ нисходящіе до златоподобна-
го смиренія износятъ изъ него добродѣтели.
Тогда умъ ощутитъ упокоеніе, когда, отскъши

причины страстей, займется созерцаемъ ; а до отсѣченія страстей ощущаетъ онъ и трудъ и окаянство свое, съ непомощію исходя на борьбу съ сопротивными.

Г л а в а 32. Отшельничество, когда въ немъ соблюдается постепенность, охотно припимаютъ старцы, если только переходитъ кто къ этому, усовершенствовавшись въ добродѣтеляхъ еще въ общежитіи. И да испытаетъ таковой себя, можетъ ли онъ преуспѣвать въ отшельничествѣ. А если, находя сіе невозможнымъ, ослабѣваетъ въ добродѣтели, то пусть возвратится въ общежитіе, чтобы иначе, не имѣя силъ противостать умищреніямъ помысловъ, не лишиться ему разсудка. Какъ плачущей вдовѣ утѣшителями служатъ сыновья, такъ надшей душѣ утѣшеніе — труды ; они разсѣваютъ отчаяніе помысловъ, и посѣвываютъ вѣру въ покаяніе, провозглашаютъ Христова милосердіе, и оглашаютъ содѣянные грѣхи. Поэтому должны мы не по обычаю только заниматься трудами, но съ разумніемъ благодаренія, чтобы душа не оказалась лишеною такого любомудрія. Ибо, если въ каждомъ дѣлѣ уразумѣваемъ Дающаго конецъ трудамъ, то запечатлѣваемъ дѣло благодареніемъ. Какъ у младенца хлѣбъ старается унести молодой пестъ, такъ разумніе у сердца — лукавій помысль. Поэтому, не какъ младенцы будемъ смотрѣть на лукавство противныхъ дѣлъ, чтобы не предать имъ душу на расхищеніе. Какъ сверкающій

соимъ звѣздъ красить небо ; такъ осіявающая истина словесъ украшаетъ человѣка. Посему будемъ носить на языкѣ одинъ образъ истины, потому что Господь *вселяетъ единомысленныя въ домъ* (Псал. 67, 7.). Какъ сильныя молніи промчавшись предвѣщаютъ громъ ; такъ точная рѣчь, будучи произнесена, предвозвѣщаетъ вѣру. Посему будемъ стараться быть вѣрными истинѣ, чтобы приблизиться намъ и къ престольному граду добродѣтелей—любви. Какъ солнце золотарными лучами улыбается всей землѣ ; такъ любовь свѣтозарными дѣлами привѣтствуетъ всякую душу. Если приобрѣтемъ ее, то угасимъ страсти, и просіяемъ до небесъ. Всякій трудъ совершимъ, какъ скоро улучимъ святую любовь ; потому что безъ нея нѣтъ пользы ни въ чемъ настоящемъ, и гнѣвъ свирепѣетъ, и нравы грубѣютъ, и къ трудамъ по высокоумію примѣшивается слава. По смиренію души Давидъ постился со слезами ; и мы будемъ смирять душу постомъ.

Г л а в а 33. Кто подвизается въ самыхъ тяжелыхъ тѣлесныхъ трудахъ, тотъ пусть трудится не для похвалы, и не превозносится славою. Ибо демоны надмѣваются душою спми трудами, и суровость и подвигъ тѣла усиливаютъ славою, увлекаютъ принять на себя еще большіе труды, чтобы человѣкъ еще болѣе превозносился ; ведутъ съ нимъ внутреннюю бесѣду, внушая ему посредствомъ помысловъ : «какъ такой-то

подвизался нещадя себя, и такой-то приобрѣлъ себѣ великое имя, такъ что о немъ говорятъ и по смерти его; такъ и ты взойди на самую высоту подвижничества, чтобы стяжать себѣ славу, и чтобы имя твое содѣлалось великимъ, и по смерти твоей произносилось съ особенною похвалою». Посредствомъ сихъ-то, въ такой мѣрѣ обольщенныхъ помысловъ, не тѣлесными только трудами ведутъ съ тобою брань, но призываютъ паче въ спорничество, чтобы чрезъ нихъ коснуться души въ чемъ-либо болѣе опасномъ; ибо возводятъ человека до первосъдательства, возвышаютъ до права говорить, какъ учителю, чтобы за это молва отдавала ему первенство и въ великихъ трудахъ и въ вѣдѣніи. Влагаютъ же въ него соревнованіе и зависть къ тѣмъ, которыхъ преснѣянія прославляются, дѣятельность достойна удивленія, а близко къ ней и вѣдѣніе. Иногда же усыпляютъ въ немъ разжженіе плоти, съ хитрымъ намѣреніемъ не даютъ во внутренности мѣста нечистымъ помысламъ, чтобы человекъ подумалъ, будто бы духъ блуда пренобѣжденъ суровостію его жизни, сердце его близко къ свѣтлости святыхъ, и возшелъ онъ на самый верхъ святости. А въ разсужденіи яствъ, отъ которыхъ воздерживался, и постоянныхъ постовъ, опредѣляютъ ему годы, послѣ которыхъ въ правѣ онъ похвалиться, какъ доблестный, и превозноситься предъ братствомъ, какъ чѣмъ-то въ сравненіи съ нимъ низкимъ:

и такимъ образомъ заставляютъ его рассказывать о своихъ подвигахъ, въ которыхъ будто бы преуспѣлъ онъ собственными только силами, потому что сдѣлалъ то и то, подвизался и зло-страдалъ такъ и такъ, шмаю не дозволяя выговорить ему при этомъ: впрочемъ подвизался не я, а дѣйствовавшая во мнѣ помощь. Ибо не позволяютъ ему исповѣдать Бога помощникомъ въ томъ, чѣмъ заставляютъ его хвалиться, чтобы, такъ какъ собственными силами совершилъ все въ своихъ подвигахъ, то и похвалъ въ награду всецѣло требовалъ себѣ, и чрезъ это погрязъ во глубинѣ хулы, несмысленно величаясь, что самъ себѣ былъ онъ помощникомъ.

Глава 34. Посему, когда сердце такъ сильно бываетъ оглашаемо славою помысловъ, и и не противится этому, тогда оно не виѣ тайнаго отупѣнія смысла, а вождь разсудка въ опасности придти въ колебаніе, или отъ сновъ принимаемыхъ съ вѣрою, или отъ превращеній совершающихся въ бодрственномъ состояніи, или отъ видимаго въ преображеніи свѣта. Ибо такъ сатана для обольщенія нашего преобразуется въ Ангела свѣта, иногда показываетъ, что по-даетъ дарованія, чтобы ты палъ и поклонился ему, или возвѣщаетъ, что восхитятъ тебя, какъ новаго Илію, или обѣщаетъ сдѣлать святымъ. Иные, принявъ это съ вѣрою, уклонились отъ истины, и впали въ умоповрежденіе. Поэтому ты, молитвенникъ Святыя Троицы, зная, палъ

чѣмъ съ любовію трудисься, со всякимъ храненіемъ блюди сердце, чтобы обращая вниманіе на одни внѣшніе труды, не быть тебѣ коварно уловленнымъ въ трудахъ внутреннихъ. И такъ мое слово сказано тебѣ, чадо, изреченное же мною да блюдетъ сердце твое. Помни охраняющаго тебя Христа; не забывай достопокланяемой и единосущной Троицы, во славу Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ (и). Аминь.

(и) Ставословіе переведено по рукописи.

КЪ МОНАХУ ЕВЛОГІЮ

С Л О В О 2.

О ПОРОКАХЪ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХЪ ДОБРодѢТЕЛЯМЪ.

Г л а в а 1. Необходимымъ почитаю трудолюбію твоему представить вкратцѣ и пороки, противоположные добродѣтелямъ. Хотя до сихъ поръ, воздѣлывая разумъ, на уготовляемой къ сѣянію нивѣ исторгали мы тернія помысловъ; однако же достигли до этого *не отъ дѣль, иже сотворихомъ* (Тит. 3, 5.), *но образъ ильня здравыхъ словесъ* (2 Тим. 1, 13.), какія слышали отъ отцевъ, стали въ иномъ свѣдуши и изъ жизни дѣятельной. Все же сіе отъ благодати свыше. Она указываетъ грѣшникамъ козни оболъстителей, она предостерегаетъ и говоритъ: *что же имали, его же ильси пріялъ* (1 Кор. 4, 7.)? И чтобы, какъ пріявшіе, благодарили мы за это Подателя, а не себѣ самимъ приписывали, съ

мнимымъ самохвалствомъ отрицая дашіе, Апостоль говоритъ для сего: *еще же и пріимъ еси, что хвалишия, яко не пріимъ?* То есть, вы, бѣдные дѣлами, уже *обогастишестя*, вы, начавшіе учиться, уже *сыти есте* (8.). Въ такое обольщеніе впалъ недавно и я, какъ въ своемъ предположеніи, скрывая бѣдность дѣлъ, брать въ заемъ, такъ и въ памфреніи подавать совѣты, безъ всякаго порядка излагая науку о томъ, какъ должно обучаться. Впрочемъ, если имѣеть у васъ какую силу извиненіе, то удѣлите его и мнѣ, чтобы могли мы представить вкратцѣ противоположно соотвѣтственные добродѣтелямъ пороки, обозначивъ: что такое чревоугодіе, и вопреки ему воздержаніе, что такое блудъ и цѣломудріе, что такое сребролюбіе и нестяжательность, печаль и вопреки ей радость, что такое гнѣвъ и долготерпѣніе, уныніе и терпѣливость; что такое тщеславіе и нетщеславіе, зависть и независтливость, гордость и смиреніе. Сіи добродѣтели и пороки взаимно соотвѣтственны, противодѣйственны и противоположны. Представимъ ихъ вкратцѣ такъ:

Глава 2. Чревоугодіе есть мать блуда, питательница помысловъ, ослабленіе поста, ограниченіе подвижничества, страшлище, отклоняющее отъ цѣли, живое представленіе снѣдей и приправъ, неуправляемый молодой конь, необузданное неистовство, пріемникъ болѣзни, противленіе здравію, заваль проводниковъ, стѣсненіе

внутренностей, крайній предѣлъ насилій природѣ, таинникъ блуда, нечистота мыслей, немощь тѣла, тяжелый сонъ, печальная смерть. А воздержаніе есть узда чрева, бичъ ненасытности, правило соразмѣрности, обузданіе жадности, отреченіе отъ упокоенія, уставъ суровой жизни, укрощеніе помысловъ, око бдительности, избавленіе отъ воспламененія, пѣстунъ тѣла, столпъ трудовъ, стѣна добрыхъ навыковъ, умягченіе нравовъ, сокращеніе страстей, умерщвленіе членовъ, оживотвореніе душъ, уподобленіе воскресенію, постановленіе освященія. Блудъ есть плодъ сластолюбія, расслабленіе сердца, печь разжженія, увѣщеніе идоламъ, темное (о) дѣло, тѣнью покрытый образъ, воображаемое сочетаніе, во снѣ мечтаемое ложе, неошутимое сопребываніе, обманъ очей, безстыдство взора, постыжденіе молитвы, срамъ сердца, путеводитель къ невѣднію. Цѣломудріе же—риза истины, сѣкира непотребства, возница очей, назиратель помысловъ, обрѣзаніе мысли, отсѣченіе невоздержанія, новое насажденіе въ естествѣ, противоборникъ разжженію, содѣйственникъ въ дѣлахъ, сотрудникъ воздержанію, свѣтильникъ сердцу, указатель молитвы.

Г л а в а 3. Сребролюбіе есть идольская бережливость, прорицаніе толпы, приговоръ скупости, вычисленіе отложеннаго, богатство пора-

(о) По рукописи вмѣсто *δορυγενής* читается *δορυφανής*

бощенія, родъ неправды, тукъ болѣзней, гада-
 тель многолѣтія, обаятель трудолюбія, совѣтникъ
 бдительности, нищета чрева, малоцѣнность снѣ-
 дей, ненасытимое неистовство, многопопечитель-
 ный порокъ. Нестяжательность есть искоре-
 неніе сребролюбія, укорененіе несребролюбія,
 плодъ любви и крестъ жизни, неболѣзненное
 житіе, невозбуждающее зависти сокровище, не-
 знающее попеченій небо, неподвижное солнце,
 неизмѣримое вещество, необъятное богатство,
 коса пожинающая попеченія, евангельское дѣло,
 перушимое украшеніе, скоротечный подвижникъ.
 Печаль есть сожительница утратъ, собесѣдница
 неудачи, предтеча страшнической жизни, память
 родства, сообщница воздыханія, соученица уни-
 шія, жалоба на огорченіе, памятникъ обиды, по-
 мраченіе души, суровость нравовъ, опьяненіе бла-
 горазумія, усыпительное противоядіе, облако на
 лицѣ, червь въ плоти, паденіе (п) помысловъ,
 толпа порабощенія. Радость — пагуба печали,
 благодарность въ бѣдствіяхъ, молитвенное видѣ-
 ніе, радованіе въ трудахъ, веселіе благотвори-
 тельности, отпрыскъ отреченія отъ міра, приѣм-
 никъ страннолюбія, прибѣжище надеждъ, пища
 подвижниковъ, утѣшеніе плачущихъ, услажденіе
 слезъ, помощь въ скорби, воззваніе любви, со-
 гласіе великодушія. Глѣвъ—расхищеніе благораз-
 умія, разстройство состоянія, смущеніе естества,

(п) Въсто *лѣмъ* по рукописи читается *лѣмъ*.

свирѣпость лица, пещь въ сердцѣ, изрыгнутый пламень, законъ раздражительности, негодованіе на обиды, матеръ звѣрей, безмолвная борьба, рожекъ въ молитвѣ. Долготерпѣніе — оружіе благоразумія, судилище гнѣву, врачевство сердцу, урокъ дерзкимъ, тишина мятежнымъ, необуреваемая пристань, благодѣяніе печальнымъ, благость ко всѣмъ; оно хулимое благословляетъ, оскорбляемое радуется, оно—утѣшеніе утѣшеннымъ, зеркало надѣющимся, награда злострадающимъ.

Глава 4. Уныніе — воздушная пріянь, хожденіе кругомъ, ненависть къ трудолюбію, борьба съ безмолвіемъ, буря во время псалмопѣнія, лѣнь къ молитвѣ, расслабленіе въ подвигѣ, безвременное усыпленіе, непрестанно возвращающійся сонъ, тягота одиночества (р), ненависть къ келліи, противоборство трудамъ, противленіе терпѣливости, узда размышленію, невѣдѣніе писаній, причастница печали, часы показывающіе голодъ. Терпѣніе—отрѣшеніе отъ унынія, отреченіе помысловъ, попеченіе о смерти, размышленіе о крестѣ, пригвожденный страхъ, выбитое золото, законоположеніе скорбей, книга благодаренія, щитъ безмолвія, оружіе трудовъ, кипящая дѣятельность къ добру, начертаніе добродѣтелей. Тщеславіе — мечтаніе о случайности, приликъ трудолюбія, противленіе истинѣ, первая

(р) Въмѣсто: *marias* по рукописи читается *novias*.

причина ересей, желаніе первенства, оно послѣднее на привѣтствія, порабощено похваламъ, оно—многоличный духъ, тысячезубый звѣрь. Среда тщеславія соплетается съ гордостью и завистію, которыя одна въ другой и одна другой враждебны, и это—трепетная цѣль золь, трехсоставный растворъ страстей, тройственный языкъ еретиковъ. Нетщеславіе же есть дѣланіе смиренномудрія, отступленіе отъ угодливости, смѣженіе очей для похвалъ, созерцаніе вѣдѣнія, противленіе міру, здравіе душевнаго чувства, правило бережливости, таинникъ трудовъ, нелюбитель прославленія, въ тѣлѣномъ тѣлѣ сокровенное сокровище. Зависть—одежда гордости, совлеченіе смиренномудрія, корень пересудовъ, слѣпоты къ благодушію, лицемеріе въ дружбѣ, обманчивая свобода въ обращеніи, вражда къ любви, ревность къ одобряемымъ, смятеніе колебимыхъ, осмѣяніе прославляемыхъ, превращеніе очей. Кто же чистъ сердцемъ, кто не укоритъ себя въ томъ, что отвергъ, или не вполне исполнилъ, заповѣдь Божию, или возне-радѣлъ о ней? Но Христосъ во всякомъ дѣлѣ да приведетъ насъ къ успѣшному исполненію воли Его! Ему слава во вѣки! Аминь.

О РАЗЛИЧНЫХЪ ЛУКАВЫХЪ ПОМЫСЛАХЪ

27 ГЛАВЪ.

ГЛАВА 1. Изъ демоновъ, противниковъ нашихъ въ жизни дѣйствительной, первыми встаютъ на брань завѣдывающіе удовольствіями или пожеланіями чревоугодія, также внушающіе намъ сребролюбіе, и вызывающіе насъ на искательство славы у людей. Всѣ же прочіе, ходя въ слѣдъ за ними, берутся за тѣхъ, которые уловлены уже первыми. Ибо тому невозможно впасть въ руки духу блуда, кто не палъ отъ чревоугодія. Невозможно и гнѣву возмутить того, кто не боримъ неразумными вождельніями или явствъ, или денегъ, или славы. И невозможно избѣжать демона печали тому, кто, или лишился, или не могъ, получить всего этого. Человѣкъ не избѣжитъ гордыни — этого перваго дьявольскаго порожденія, пока не исторгъ *корня всльмъ злымъ — сребролюбія* (1 Тим. 6, 10.);

такъ какъ, по слову премудраго Соломона, *нищета мужа смиряетъ* (Притч. 10, 4.). Короче сказать, невозможно человѣку впасть въ руки демону, если не уязвленъ онъ прежде сказанными выше перваго ряда демонами. Почему и Спасителю представлялъ тогда діаволъ сіи три помысла, совѣтуя сперва камни содѣлать хлѣбами, потомъ, если падеть и поклонится, обѣщая цѣлый міръ, а въ третьихъ увѣряя, что, если послушается, то, ничего не потерпѣвъ отъ такого паденія, прославится. Господь же нашъ, ставъ выше всего этого, повелѣлъ діаволу идти назадъ, научая тѣмъ и насъ, что невозможно прогнать отъ себя діавола, не пренебрегши сихъ трехъ помысловъ.

Г л а в а 2. Всѣ демонскіе помыслы вносятъ въ душу представленія чувственныхъ вещей, и умъ, принявъ въ себя ихъ отпечатокъ, удерживаетъ въ себѣ образы сихъ вещей, а потомъ по самой вещи узнаетъ приблизившагося демона. Напримѣръ, если въ мысли у меня явится лице причинившаго мнѣ вредъ и безчестіе, то обличается симъ приразившійся помыслъ 'памятозлобія. Если также явится припоминаніе о деньгахъ или славѣ; то явно, что поэтому самому узнавъ будетъ и сокрушающій насъ помыслъ. Тоже бываетъ и при другилъ помыслахъ. По представляющемуся въ помыслѣ найдешь, какой демонъ приступилъ къ тебѣ, и внушилъ сіи мечтанія. Не говорю однако, что всѣ припоминанія

о таковыхъ вещахъ бѣваютъ отъ демоновъ, потому что и самъ умъ, приводимый въ движеніе человѣкомъ, воспроизводитъ обыкновенно представленія того, что было; но отъ демоновъ всѣ тѣ припоминанія, которыя влекутъ за собою неестественнымъ образомъ раздраженіе или вожделѣніе. Ибо умъ, въ слѣдствіе возмущенія сими двумя силами, мысленно прелободѣйствуетъ, и бываетъ ими боримъ, будучи не въ состояніи воспринять въ себя представленія о положившемъ ему законы Богѣ (с), и свѣтозарность сія появляется во владычественномъ умѣ только во время молитвы, по устраненіи всѣхъ представленій о вещахъ. Невозможно же человѣку отложить страстныхъ воспоминаній, если въ разсужденіи вожделѣнія и раздраженія не приложить попеченія, чтобы первое истребить постомъ, бдѣніемъ, возлежаніемъ на голой землѣ, а послѣднее укротить долготерпѣніемъ, непамятозлобіемъ, милостынями; потому что отъ сихъ двухъ страстей составляются всѣ почти демонскіе помыслы, ввергающіе умъ въ па~~д~~бу и гибель.

Г л а в а 3. Невозможно человѣку преодолѣть сіи страсти, если не презреть онъ совершенно и снѣди, и деньги, и славу, даже и собственное свое тѣло, чѣмъ страсти часто предприемлютъ наносить ему удары. Поэтому весьма необходимо подражать бѣдствующимъ въ морѣ, которые,

(с) Слово Θεου дополнено изъ рукописи.

по причинѣ стремительныхъ вѣтровъ и востающихъ волнъ, начинаютъ выбрасывать изъ корабля все, чѣмъ онъ снабженъ. Но при семъ должно обращать строгое вниманіе, чтобы выбрасывая, чѣмъ снабженъ корабль, дѣлать это не на показъ людямъ; потому что, такъ поступая, *воспріемлемъ мзду свою* (Матѳ. 6, 2.), и съ нами послѣдуетъ явное опаснѣйшее перваго крушеніе отъ сопротивныхъ дуповеній демона тщеславія. Почему и Господь нашъ въ евангеліи, поучая нашего кормчаго — умъ, говоритъ: *внемлите милостыни вашея не творити предъ чельовьки, да видими будете или: аще ли же ни, мзды неимате отъ Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. 6, 1.). И еще: *егда молитесь, не будите, якоже лицемерь, яко любятъ въ сонмищахъ и въ стогнахъ путьи стояще молитися, яко да явятся чельовкомъ: аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою* (5.). И еще сказуетъ: *егда поститесь, не будите, якоже лицемерь стѣнующе: помрачаютъ бо лица своя, яко да явятся чельовкомъ постящися: аминь глаголю вамъ, воспріемлютъ мзду свою* (16.) Напротивъ того, должно при семъ внимательно взирать на Врача душъ, какъ Онъ раздражительность врачуетъ милостынею, вожделѣніе приводитъ въ безспіе постомъ, и также очищаетъ молитвою умъ, и изъ сего создается новый чельовкъ, обновленный *по образу Создавшаго его* (Колосс. 3, 10.), въ кото-

ромъ, по причинѣ святаго безстрастія *и есть мужескій полъ, ни женскій* (Гал. 3, 28.), а по причинѣ единой вѣры и любви, *и есть Еллины ни Иудей, обрзаніе и необрзаніе, варваръ и Скиоъ, рабъ и свободъ, но всяческая во всѣхъ Христосъ* (Колосс. 3, 11.).

ГЛАВА 4. Спрашивается: какъ демоны въ сонныхъ мечтаніяхъ производятъ отпечатки и образы въ нашемъ владычественномъ? Подобное сему обыкновенно бываетъ съ умомъ, когда онъ, или видитъ глазами, или слышитъ ушами, или пріемлетъ что какимъ-либо чувствомъ, или занимаетъ пзъ памяти, которая производитъ отпечатки во владычественномъ не посредствомъ тѣла, но приводя въ движеніе то самое, что имѣло оно посредствомъ тѣла. Посему и демоны, кажется миѣ, производятъ отпечатки во владычественномъ, приводя въ движеніе память; потому что тѣлесные органы сномъ содержатся въ бездѣйствіи. А поэтому снова спрашивается: какъ же демоны приводятъ въ движеніе память? Конечно посредствомъ страстей. И сіе явствуетъ пзъ того, что чистые и безстрастные не терпятъ ничего подобнаго. Но возможно простое иѣкое движеніе **п**мяти (т), происходящее отъ насъ самихъ, или отъ святыхъ силъ, по которому входимъ во силъ въ общеніе, бесѣ-

(т) Слово: *памяти* дополнено изъ рукописи.

дуюмъ, и соприсшествуемъ со святыми. Впрочемъ должно принять во вниманіе, что, какіе образы пріемлетъ въ себя душа съ тѣломъ, такіе память приводитъ въ движеніе и безъ тѣла. И сіе ясно видно изъ того, что часто испытываемъ это и во снѣ, когда тѣло покоится. Ибо, какъ можно вспоминать о водѣ и при жаждѣ, и безъ жажды; такъ можно вспоминать о золотѣ съ любостыжательностію, и безъ любостыжательности. А тоже сказать должно и объ иныхъ вещахъ. Но что умъ въ представленіяхъ находить тѣ или другія отличія, сіе служитъ признакомъ злоухищренія демоновъ. А вмѣстѣ надлежитъ знать и то, что демоны для произведенія мечтаний употребляютъ и внѣшнія вещи, напримѣръ: для плывущихъ шумъ волнъ. Намѣренію демоновъ очень способствуетъ наша раздражительность, возбужденная не въ естественной мѣрѣ; и она дѣлается весьма годною для всякаго ихъ злоухищренія. Почему ни одинъ изъ нихъ не отказывается возмущать и ночью и днемъ сію раздражительность. А когда демоны видятъ, что она связана кротостію, тогда, по справедливымъ предлогамъ, немедленно даютъ ей свободу, чтобы, ставъ болѣе стремительною, способствовала къ возбужденію звѣрскихъ ихъ помысловъ. Почему необходимо не возбуждать раздражительность ни чѣмъ-либо справедливымъ, ни несправедливымъ, и нападающимъ демонамъ не давать опаснаго меча, что, какъ знаю, дѣлають часто

многіе, и по маловажнымъ предлогамъ воспламеняются болѣе подлежащаго.

Г л а в а 5. Изъ чего, скажи мнѣ, такъ скоро приходишь въ бореніе, если пренебрегъ ты и снѣди, и славу и деньги? На что кормишь пса, давъ обѣтъ не имѣть у себя ничего? А если онъ лаесть, и нападаетъ на людей, то явно, что имѣешь у себя что нибудь, и хочешь это сберечь. И я увѣренъ, что таковій далекъ отъ чистой молитвы; ибо знаю, что раздражительность губительна для таковой молитвы. А сверхъ того дивлюсь, что забыты и святые: и Давидъ, который взываетъ: *престани отъ гнѣва, и остави ярость* (Псал. 36, 8.); и Екклесіастъ, который предписываетъ: *отстави ярость отъ сердца твоего, и отрини лукавство отъ плоти твоея* (Еккл. 11, 10.); и Апостолъ,—который повелѣваетъ воздѣвать ко Господу *на всякомъ мѣстѣ преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія* (1 Тим. 2, 8.). Почему же неизвлекаемъ для себя урока изъ этого знаменательнаго и древняго обычая у людей, изгонять изъ дому псовъ во время молитвы, который даетъ разумѣть, что въ молящихся не должно быть раздраженія? И еще сказано: *ярость змѣевъ вино ихъ* (Второз. 32, 33.); а отъ вина воздерживались Назореп. Да и нѣкто изъ языческихъ мудрецовъ утверждалъ, что желчь и бедро не вкушаются богами, самъ неразумѣя, какъ думаю, что говорилъ; ибо полагаю, что желчь есть

символь гнѣва, а бедро — скотскаго вождельнія. О томъ же, что не должно заботиться объ одеждахъ или яствахъ, излишнимъ почитаю и писать; потому что воспретилъ сіе Самъ Спаситель нашъ въ евангеліи, говоря: *не пецѣйтесь душою вашею, что ясте, или что пите, или во что облечетесь* (Матѣ. 6, 25.). Вполнѣ свойственно сіе язычникамъ и невѣрнымъ, отвергающимъ Владычній промыслъ и отрицающимъ Содѣтеля; а христіанамъ совершенно чуждо что-либо подобное, какъ увѣреннымъ, что и два врабія, продаваемые за одніи ассарій, состоятъ подъ смотрѣніемъ святыхъ Ангеловъ. Между тѣмъ въ обычаѣ у демоновъ съ нечистыми помыслами влагать и помыслы заботливости, чтобы отъ столпившихся въ обители разума помышлений уклонился Иисусъ, и слово, подавляемое терніями заботливости, осталось *безъ плода* (Матѣ. 13, 22.).

Г л а в а 6. Поэтому, отложивъ помыслы заботливости, возвергнемъ *на Господа печаль* нашу (Ис. 54, 23.), *довольно сущими* (Евр. 13, 5.), ведя убогую жизнь и прикрываясь убогою ризою, съ каждымъ днемъ будемъ совлекаться сихъ отцевъ тщеславія. А если кто почитаетъ неприличнымъ носить убогую ризу; то пусть посмотритъ на святаго Павла, который *въ зимъ и наготь* (2 Кор. 11, 27.) ожидалъ себѣ *вѣнца правды* (2 Тим. 4, 8.). Но поелику Апостоль *міръ сей наименовалъ позоромъ* (1 Кор. 11, 9.)

и позорищемъ (1 Кор. 9, 24.); то внищемъ, возможно ли облекшемуся въ помыслы заботливости достигать *почести вышняго званія* (Фил. 3, 14.); или исходить на брань къ *началомъ и ко властемъ, и къ мѣродержителямъ тмы века сего* (Ефес. 6, 12.)? А я, вразумляемый тѣмъ, что познаемъ чувственно, не знаю, возможно ли это; потому что я борца конечно зашплетъ и задержитъ хитонъ, а равно и умъ зашплетъ помыслы заботливости; такъ какъ истинно слово, повелѣвающее уму пребывать при собственномъ своемъ сокровищѣ. Ибо сказано: *идиже есть сокровище твое, ту будетъ и сердце твое* (Матѳ. 6, 21.).

ГЛАВА 7. Изъ помысловъ, одни пресѣкаютъ, другіе пресѣкаются, и лукавые пресѣкаютъ благіе, а также благіи пресѣкаются лукавые. Поэтому Духъ Святый взираетъ на помыслъ первоначально установившійся, и по нему насъ осуждаетъ, или приѣмлетъ. Смыслъ же сказаннаго мною таковъ. Имѣю нѣкій помыслъ страннолюбія, и имѣю его ради Господа, но онъ пресѣкается привзошедшимъ искусительнымъ помысломъ, внушающимъ быть страннолюбивымъ ради славы. И обратпо: имѣю помыслъ страннолюбія, чтобы виднымъ быть людей, и онъ пресѣкается привзошедшимъ лучшимъ помысломъ, который добродѣтель нашу направляетъ паче ко Господу, а не для людей понуждаетъ насъ дѣлать. Посему, если въ самыхъ уже дѣ-

дахъ останемся при первыхъ помыслахъ, хотя и искушаютъ насъ вторые; то примемъ воздаяніе только за первоначально установившіеся помыслы; потому что, какъ человѣки, и боримые демонами, не имѣемъ силъ, правой помысль удерживать навсегда не растлѣннымъ, а также, приобрѣтя сѣмена добродѣтели, не извѣдать когда-либо и лукаваго помысла. Впрочемъ, если какой-либо изъ пресѣкающихъ помысловъ замедлитъ, и утвердится въ области искушаемаго; то по оному уже помыслу будетъ дѣйствовать движимый имъ человѣкъ. Между помыслами ангельскими, человѣческими, и бывающими отъ демоновъ, какъ дознали мы по многому наблюденію, различіе таково: помыслы ангельскіе прежде всего доведываются о естествѣ вещей, и изслѣдываютъ духовный ихъ смыслъ; напримѣръ: для чего сотворено золото, почему оно разсыяно въ видѣ песка гдѣ-то въ дольнихъ частяхъ земли, и отыскивается съ великимъ усиліемъ и трудомъ, а когда найдено, промывается водою, ввергается въ огонь, а потомъ передается въ руки художниковъ, дѣлающихъ изъ него для скиній *свѣтильникъ* и *кадильницу*, *чашницы* и *фіалы* (2 Парал. 4, 21.), изъ которыхъ по благодати Спасителя нашего не піеть уже нынѣ царь вавилонскій (Даніил. 5, 3.), по въ которыхъ Клеона приносятъ горящее отъ силъ тапствъ сердце (Лук. 24, 32.). Помысль же демонскій не вѣдаетъ и не сознаетъ сего, по

безстыдно внушаетъ одно пріобрѣтеніе чувственнаго золота, и предсказываетъ будущія отъ него наслажденіе и славу. А помысль человѣческой ни пріобрѣтенія не ищетъ, не доведывается и о томъ, что знаменуетъ золото, но вноситъ въ умъ одинъ чистый образъ золота, отдѣльно отъ страсти любостыжанія. Тотъ же законъ, по сему правилу таинственно припоровляемый, будетъ имѣть мѣсто и въ разсужденіи другихъ вещей.

Г л а в а 8. Есть демонъ, называемый скитающимся: онъ большею частию прѣходитъ къ братьямъ подъ утро, и умъ отшельника водить изъ города въ городъ, изъ вса въ вса, изъ дома въ домъ, при чемъ умъ сначала имѣетъ однѣ свиданія, сходится съ кѣмъ-либо изъ знакомыхъ, вступаетъ въ долгіе разговоры, нарушивъ для встрѣчающихся свой уставъ, и мало по малу дѣлается далекимъ отъ боговѣднїа и добродѣтели, прѣходитъ въ забвеніе о своемъ обѣтѣ. Посему, отшельнику должно наблюдать за симъ демономъ, съ чего онъ начинается, и на чемъ останавливается; потому что не даромъ, и не какъ случилось, дѣлаетъ онъ этотъ длинный кругъ, но съ намѣреніемъ разстроить состояніе отшельника, чтобы умъ его, распаленный всѣмъ этимъ, и упоенный многими встрѣчамъ, впалъ во власть демону блуда, или ~~какому~~ гнѣва, или демону печали, которые наиболѣе дѣлаютъ вреда свѣтлости его состоянія. А мы, если только имѣемъ въ виду ясно узнать всю хитрость сего

демона, не вдругъ будемъ вступать съ нимъ въ бесѣду, и объявлять, что съ нами дѣлается, какъ мысленно производить онъ свиданія, и какъ постепенно увлекаетъ умъ къ смерти; потому что иначе бѣжитъ отъ насъ демонъ, такъ какъ не терпитъ онъ, чтобы видѣли, какъ онъ дѣлаетъ это, и мы нимало уже не узнаемъ того, что дознать старались. Напротивъ того дозволимъ ему день или два продолжать свое дѣло, чтобы, въ точности дознавъ коварный его замысль, потомъ обличивъ словомъ, обратить его въ бѣгство.

Глава 9. Но когда во время искушенія произойдетъ, что умъ возмутившись не видитъ въ точности, что дѣлается, тогда по отшествіи демона слѣлай слѣдующее: оставшись на единѣ самъ съ собою, припомниай, что съ тобою происходило, чѣмъ ты началъ, и до чего дошелъ, и на какомъ мѣстѣ уловленъ былъ духомъ блуда, или гнѣва, или печали, и какъ опять случилось все, что съ тобою было, въ ясности дознай это, и хорошо запомни, чтобы тебѣ, когда демонъ придетъ къ тебѣ, обличить его и указать скрываемое имъ мѣсто, и не слѣдовать за нимъ болѣе. Если же хочешь довести его и до неистовства, то обличи тотчасъ, какъ явится, назови и первое мѣсто, гдѣ приступилъ къ тебѣ, и второе, и третье; тогда сильно раздражится демонъ, не терпя стыда. Доказательствомъ же, что говорилъ ты съ нимъ благовременно, бу-

дѣтъ то, что бѣжнть отъ тебя помысль: ибо невозможно уже устоять ему, когда обличаемъ явно. А за симъ побѣжденнымъ тобою демономъ послѣдуютъ самый тяжелый сонъ, омертвѣніе съ великимъ охлажденіемъ вѣждей, непрестанная зѣвота, тяжесть и онѣмѣніе въ плечахъ; но все это, по усильной молитвѣ, прекратитъ Духъ Святый.

ГЛАВА 10. Ненависть къ демонамъ весьма содѣйствуетъ нашему спасенію, и способствуетъ дѣланію добродѣтели. Но сами въ себѣ не въ силахъ мы воспитать ее, какъ нѣкое доброе порожденіе; потому что искажаютъ ее думи сластолюбія, и снова призываютъ душу къ пріязни и близости. Сно-то пріязнь, лучше же сказать, пенсѣльную заразу, Врачъ душъ врачуетъ оставленіемъ; ибо попускаетъ намъ ночь и день терпѣть отъ демоновъ нѣчто страшное. И тогда душа снова возвращается къ первоначальной ненависти, научаемая говорить ко Господу, словами Давида: *совершенною ненавистію возненавидѣхъ я: во врага быша ми* (Пс. 138, 32.). Ибо тотъ совершенною ненавистію ненавидитъ враговъ, кто не согрѣшаетъ ни въ дѣйствительности, ни мысленно, что служитъ признакомъ перваго и самаго великаго безстрастія.

ГЛАВА 11. О демонѣ же, который дѣлаетъ душу безчувственною, должно ли что и говорить? Ибо боюсь писать о немъ, и о томъ, какъ душа выходитъ изъ собственнаго своего

состояніи ; потому что , во время пришествія этого демона, она отлагаетъ и страхъ Божій и благоговѣніе, грѣха не вмѣняетъ въ грѣхъ, беззаконія не почитаетъ беззаконіемъ, о мученіи же и судѣ вѣчномъ помнитъ, какъ о пустыхъ реченіяхъ, и посмѣвается надъ смѣ огненоснымъ подлинно трясеніемъ, и хотя исповѣдуетъ Бога, но что повелѣно Имъ, того не вѣдаетъ. Ударяешь ты въ персп, когда душа стремится ко грѣху, и она не чувствуетъ этого ; говоришь ей отъ нисаніи, и она въ совершенномъ ослѣпленіи , и не слышитъ ; представляешь ей укоризну людей, и она ни во что вмѣняетъ людскіи стыдъ, и вовсе непонимаетъ его, на подобіе свнцы, смѣжившей глаза и пробивающейся сквозь ограду. Но сего демона, отъ котораго, *еще не быша прекратилася днѣ оны, не бы убо спаслася всяка плоть* (Матѳ. 24, 22.), наводятъ на насъ закоснѣвшіе въ насъ помыслы тщеславія. **И** хотя помыслы сіи рѣдко проражаются къ братіямъ, однако же демонъ бываетъ и въ нихъ, чему причина очевидна. **И**бо при бѣдствіяхъ другихъ, или удрученныхъ болѣзнями, или бѣдствующихъ въ темницѣ, или подвергающихся внезапной смерти, въ бѣгство обращается сей демонъ ; потому что душа мало по малу приходитъ въ сокрушеніе и состраданіе, и отъемлетъ слѣпота, пронсшедшая отъ демона. Но мы лишены этого, по причинѣ пустыни и по рѣдкости у насъ немощныхъ.

ГЛАВА 12. Сего напаче демона обращающа въ бѣгство, Господь повелѣлъ въ евангелии, навѣщать больныхъ и посѣщать находящихся въ темницѣ; пбо говоритъ: *болень бѣхъ, и постыте Мене: въ темницѣ бѣхъ, и прїидосте ко Ми* (Матѳ. 25, 36.). Сверхъ того должно знать, что, если кто изъ отшельниковъ, впалъ во власть сему демону, и не прїнялъ блудныхъ помысловъ, или не оставилъ дома отъ унынія (у); то онъ прїялъ шедшія съ небесъ цѣломудріе, и терпѣніе, и блаженъ сподобившись такового безстрастія. А тѣ, которые, давъ обѣтъ жить благочестиво, предпочитаютъ водворяться съ мїрянами, да остерегаются сего демона. Но я сказать, или написать, о немъ что-либо болѣе стыжусь и людей.

ГЛАВА 13. Всѣ демоны учатъ душу сластолюбїю. Одиъ демонъ печали не беретъ дѣлать это, даже растроиваетъ помыслы объ удовольствїяхъ, уже прївзошедшихъ въ душу, пресѣкая въ ней и псушая печалью всякое наслажденїе; такъ какъ *мужу печальну засышутъ кости* (Притч. 17, 22.). Нападая умѣреннѣе демонъ сей дѣлаетъ отшельника благопослушнѣе; потому что убѣждаетъ его не терпѣть ничего мїрскаго, и избѣгать всякаго удовольствїя. Когда же нападаетъ съ большимъ ожесточенїемъ; тогда порождаетъ помыслы, которые совѣтуютъ отшель-

(у) По рукописи читается τὸν οἶκον ἀπὸ ἀκηδίας οὐ καταλείπει.

нику пзвести душу свою, или понуждающе его бѣжать далеко отъ мѣста. Сіе помыслилъ и потерпѣлъ нѣкогда и святыи Іовъ, тревожимый симъ демономъ; ибо сказалъ: *аще бы возможно было, самъ быхъ себе убилъ, или молилъ быхъ много, дабы ми то сотворилъ* (Іов. 30, 24.). Сего-то демона символомъ служить ехидна. Этотъ звѣрь, котораго ядъ, данный въ маломъ приемѣ, дѣлаеть недѣйствительными яды другихъ звѣрей, неумѣренно же принятый убиваетъ принявшее его живое существо. Сему демону предалъ Павелъ учинившаго беззаконіе въ Коринѣ; потому и пишетъ къ Коринѣянамъ, говоря: *тщательно утвердите къ нему любовь, да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковой* (2 Кор. 2, 7. 8.). Но этотъ мучащій людей духъ можетъ сдѣлаться для нихъ и добрымъ снабдителемъ покаянія. Почему и Іоаннъ Креститель уязвимыхъ симъ демономъ и прибѣгающихъ къ Богу называлъ рожденіями ехидны, говоря: *кто сказа вамъ бѣжати отъ будущаго гнѣва? Сотворите убо плодъ достоинъ покаянія: и не начинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама. Глаголю бо вамъ, яко можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму* (Матѹ. 3, 7—9.). Впрочемъ всякій, кто подражаетъ Аврааму, и пшелъ отъ земли своей и отъ рода (Быт. 12, 1.), сталъ слыше и сего демона.

ГЛАВА 14. Если кто преодолялъ раздражи-

тельность, то преодолюеть онъ демоновъ; а если кто порабощенъ сеіи страсти, то вовсе чуждъ онъ монашеской жизни и далекъ отъ путей Спасителя нашего; такъ какъ сказается, что самъ *Господь* нашъ научаетъ *кроткія путемъ Своимъ* (Пс. 24, 9). Потому и неуловимымъ дѣлается умъ отшельниковъ, прибѣгающіи въ юдоль кротости; ибо ни одной добродѣтели не боятся такъ демоны, какъ кротости. Ее приобрѣлъ и великій оубій Моусей, названный кроткимъ *паче всѣхъ чловѣкъ* (Числ. 12, 3). И святыи Давидъ сказалъ, что она достойна поминовенія Божія; ибо говоритъ: *помяни Господи Давида, и всю кротость его* (Пс. 131, 1). Да и Самъ Спаситель повелѣлъ намъ быть подражателями Его кротости, говоря: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29). А если кто воздерживается отъ яствъ и питій, но возбуждаетъ въ себѣ раздражительность лукавыми помыслами; то подобенъ онъ кораблю, который преплываетъ море, имѣя кормчимъ демона. Потому, сколько есть силъ, должно обращать вниманіе на этого нашего пса, и обучить его, терзать однихъ волковъ, но не поядать овецъ, оказывая *всяку кротость ко всѣмъ чловѣкомъ* (Тит. 3, 2).

ГЛАВА 15. Одни изъ другихъ помысловъ, помысль тщеславія многовещственъ, объемлетъ цѣлую почти вселенную, всѣмъ демонамъ отво-

ряетъ двери, ставъ, какъ бы нѣкимъ лукавымъ предателемъ добраго города. Потому весьма унижаетъ умъ отшельника, наполняя его множествомъ понятій и вещей, дѣлая вредъ его молитвамъ, которыми старается онъ врачевать всѣ язвы души своей. Этотъ помысль возвращаютъ всѣ побѣжденные демоны, и снова чрезъ него получаютъ они доступъ въ души, дѣлая въ подлинномъ смыслѣ *последняя горшка первыхъ* (Лук. 11, 26.). Отъ сего-то помысла рождается и помысль надменія, низрпнувшій съ небесъ на землю *печатъ уподобленія и вѣнецъ доброты* (Иезек. 28, 12.). Но бѣги отъ сего помысла, не останавливайся на немъ долго, чтобы не предать *живота* нашего *шумъ*, и *житія* нашего *немилостивымъ* (Притч. 5, 9.). Обращаетъ же въ бѣгство сего демона усильная молитва, и то, чтобы добровольно не дѣлать и не говорить (Ф) ничего такого, что имѣло бы цѣлю проклятую славу. Когда умъ живущихъ въ отшельничествѣ пріобрѣтетъ нѣсколько безстрастія; тогда, добывъ себѣ коня тщеславія, немедленно мчится онъ по городамъ, упоеваясь неумѣренною похвалою славы. И тогда-то, по смотрѣнію Божию срътивъ его духъ блуда, и заключивъ въ одномъ изъ свинныхъ загоновъ, научаетъ его не оставлять болѣе одра прежде совершеннаго выздоровленія, и не подражать тѣмъ нетерпѣливымъ боль-

(Ф) Слово сіе дополнено изъ рукописи.

нымъ, которые, имѣя еще въ себѣ остатки недуга, пускаются въ путешествія, отваживаются на безвременныя купанья, и впадаютъ въ прежнія болѣзни. Поэтому, оставаясь лучше на мѣстѣ, будемъ внимательны къ себѣ, чтобы, преуспѣвая въ добродѣтели, содѣлаться намъ неудобоподвижными къ пороку, обновляясь же въ вѣдѣніи, приобрѣсти множество различныхъ познаній, и снова возвысившись въ молитвенномъ состояніи, яснѣе узрѣть свѣтъ Спасителя нашего.

Глава 16. Всѣхъ коварствъ демонскихъ описать я не въ состояніи, и злоухищренія ихъ перечислять стыжусь, боясь простоты будущихъ моихъ читателей. Однако же послушай и хитрости духа блуда. Когда приобрѣтеть кто безстрастіе вождельвательной части, и скверныя помыслы станутъ уже охлаждѣвать; тогда вводитъ онъ мужчинъ и женщинъ, которые обращаются между собою вольно, и дѣлаетъ отшельника зрителемъ срамныхъ вещей и тѣлодвиженій. Но это искушеніе не изъ числа продолжительныхъ; потому что прилежная молитва и самый суровый образъ жизни, съ бдѣніемъ и упражненіемъ въ духовныхъ размышленіяхъ, разсѣваютъ оное, какъ безводное облако. Но иногда этотъ вселукавый касается и плоти, доводитъ ее до неразумнаго воспламененія, примышляетъ тысячи и другихъ ухищреній, которыя нѣтъ нужды дѣлать пзвѣстными и предавать письмени. Но противъ та-

кихъ помысловъ весьма дѣйствительно и возбужденное противъ демона воскипѣніе раздражительности; демонъ напротивъ боится сей раздражительности, когда приводится кто въ возмущеніе помыслами, и растроиваетъ его умышленія. Сіе-то и значать слова: *гнѣвайтесь и не согрѣшайте* (Пс. 4, 5). Полезно врачество сіе, если прилагается къ душѣ въ подобныхъ симъ искушеніямъ. Сему демону подражаетъ и демонъ гнѣва, и онъ представляетъ въ призракахъ, будто бы кто-либо, или родители, или друзья, или родные, или домашніе терпятъ обиды отъ недостойныхъ, и возбуждаетъ въ отшельникахъ раздражительность, почему мысленно представшимъ произносятъ, или причиняютъ, они что-либо недоброе. И на таковыя призраки нужно не обращать вниманія, но скорѣе отвлекать отъ нихъ умъ, чтобы, долго останавливаясь на нихъ, не сдѣлаться подвижнику, во время молитвы, дымящеюся головою. А искушеніямъ симъ подвергаются люди раздражительные, напротивъ же отъ всего воспламеняющіеся гнѣвомъ; они далеки отъ чистой молитвы и отъ вѣдѣнія Спасителя нашего Іисуса Христа.

Глава 17. Помышленія вѣка сего Господь, какъ овецъ доброму пастырю, передалъ чловѣку; ибо сказано: *внѣкъ далъ есть въ сердце его* (Екклес. 3, 11.), сочетавъ въ помощь ему раздраженіе и вожделѣніе, чтобы раздраженіемъ обращалъ въ бѣгство умышленія волковъ, а вожд-

дѣлѣніемъ любилъ овецъ, подвергаясь нерѣдко дождямъ и вѣтрамъ. Сверхъ этого Господь далъ ему и законъ, какъ пасти овецъ, и *льсто злачное*, и *воду покойную* (Пс. 22, 2.), и псалтирь, и гусли, и *жезлъ* и *палицу* (4.), чтобы отъ паствы сей и питался, и одѣвался онъ, и собиралъ *сѣно нагорное* (Притч. 27, 25.). Ибо сказано: *кто пасетъ стадо, и отъ млека стада не ястъ* (1 Кор. 9, 7.)? Посему, отшельнику должно день и ночь стеречь это стадо, чтобы какое-либо помышленіе не было уловлено звѣрями, или не попало въ руки разбойникамъ, а если бы и случилось что-либо подобное въ дебри, немедленно психицать *изъ устъ* у льва или медвѣдцы (1 Цар. 17, 34. 35.). Бываетъ же уловлено звѣремъ помышленіе о братѣ, если оно въ насъ пасется вмѣстѣ съ ненавистію, помышленіе о женщинѣ, если питается нами вмѣстѣ съ сквернымъ вождѣніемъ, помышленіе о серебрѣ и золотѣ, если водворяется вмѣстѣ съ лобостязательностію, даже помысленія о святыхъ дарованіяхъ, если пасутся въ умѣ съ тщеславіемъ. Тоже будетъ и съ другими помышленіями, если расхищаются они страстями.

Г л а в а 18. Должно же не днемъ только наблюдать за помышленіями, но и ночью стеречь ихъ неуспынно. Ибо случается, что воображающій что-либо срамное и лукавое губить свою собственность. Сіе-то и означаетъ сказанное святымъ Іаковомъ: *овцы звѣроядныи не прине-*

сохъ тебѣ: азъ воздаяхъ отъ мене самого татбины денныя, и татбины пощныя. Быхъ во дни жегомъ зномъ, и студѣнію въ пощи: и отхождаше сонъ отъ очію моею (Быт. 31, 39. 40.). Если же отъ утомленія придетъ на насъ и какое-либо уныніе, то, возшедши нѣсколько на камень вѣдѣнія, займемся псалтирію, ударяя добродѣтелями въ струны вѣдѣнія, и снова будемъ пасти овецъ подъ горою Синайскою, чтобы Богъ отецъ нашихъ и намъ воззвалъ *изъ купины* (Исх. 3, 1. 4.) и даровалъ слова знаменій и чудесъ. Какъ разумное естество, умерщвленное грѣхомъ, воскрешаетъ Христосъ созерцаніемъ всѣхъ вѣковъ: такъ Отецъ Его душу, умерщвленную Христовою смертію, возстаетъ вѣдѣніемъ себя самой. Сіе-то и означаетъ сказанное Павломъ: *аще узрохоль со Христомъ, вѣруель, яко и живи будель съ Имъ* (Римл. 6, 8.). Когда умъ, сошедши съ ветхаго человѣка, облечется въ человѣка богатнаго, тогда состояніе свое во время молитвы узрѣтъ онъ, подобнымъ сапфиру, или небесному цвѣту, что писаніе именуетъ *и льетомъ* Божиимъ, какое видѣли старцы подъ горою Синаемъ (Исх. 24, 10.).

Г л а в а 19. Когда, наступивъ на тебя, который-либо изъ враговъ нанесетъ тебѣ язву, и тебѣ желательно, по написанному, обратить мечъ его въ сердце его (Исал. 36, 15.), тогда поступай, какъ сказываемъ. Разбери самъ съ собою

пущенный имъ помысль, каковъ онъ, изъ чего составился, и что въ немъ особенно поражаетъ умъ. Смысль же словъ моихъ таковъ. Пусть пущень имъ въ тебя помысль сребролюбія. Разбери же его, и размотри принявшій его умъ, понятіе о золотѣ, самое золото и страсть сребролюбія. Потомъ спроси: что же изъ этого есть грѣхъ? Умъ ли? Но какъ ему быть грѣхомъ? Онъ образъ Божій. Не понятіе ли о золотѣ? Но и это скажетъ ли кто вмѣющій умъ? Не самое ли золото есть грѣхъ? Почему же оно сотворено? За сѣмъ остается, что не есть ни самостоятельная по сущности вещь, ни понятіе о вещи, а также и не безплотный умъ, напротивъ же того есть какое — то челоуѣконенавистное услажденіе, поражаемое свободою, и прпнуждающее умъ во зло употреблять Божіи твари, — услажденіе, которое отвѣчь въ насъ предоставлено Божію закону. И какъ скоро разберешь ты это, разсѣется помысль, разлагаемый въ собственномъ его воззрѣніи, и демонъ бѣжитъ отъ тебя, какъ скоро мысль твоя смъ вѣдѣніемъ восхпщена будетъ на высоту.

ГЛАВА 20. Если же не хочешь воспользо-ваться мечемъ вѣдѣнія, а желаешь прежде покорить его съ помощію пращи своей: то брось и ты камень пзъ пастушескаго своего *тобольца* (1 Цар. 17, 49.), и взыщи слѣдующаго умозрѣнія: почему Ангелы и демоны приражаются къ нашему міру, а мы не приражаемся къ ихъ

мірамъ? Ибо ни Ангеловъ не можемъ мы приблизить болѣе къ Богу, ни демоновъ не преднамѣреваемся сдѣлать болѣе нечистыми. Спроси также, какъ *деница восходящая завтра спадетъ на землю* (Ис. 14, 12.), и *мнитъ море яко мгроварищу, и тартаръ бездны, якоже пльнника, возжигаетъ же бездну, якоже пещь мѣдную* (Іов. 41, 22. 23.), всѣхъ возмущая своею злобою, и надъ всѣмъ желая начальствовать? Умозрѣніе о сихъ предметахъ жестоко уязвляетъ демона, и обращаетъ въ бѣгство все его полчище. Но сіе бываетъ только для тѣхъ, которые достигли нѣкоторой чистоты, и прозираютъ нѣсколько въ законы сотвореннаго. Нечистые же не знаютъ сего умозрѣнія, и если бы, научившись у другихъ, вздумали сообщать кому, то не будутъ услышаны отъ множества пыли и сильнаго шума, во время брани производимаго страстями. Ибо, безъ сомнѣнія, нужно стану иноплемениковъ успокоиться нѣсколько, чтобы одинъ Голіаѳъ вышелъ во срѣтеніе нашему Давиду. Такъ и въ разсужденіи всѣхъ нечистыхъ помысловъ будемъ употреблять это различеніе и этотъ родъ брани.

Глава 21. Изъ нечистыхъ демоновъ одни искушаютъ человѣка, какъ человѣка, а другіе приводятъ человѣка въ смятеніе, какъ жпвотное безсловесное. И первые, приражаясь къ намъ, влагають въ насъ мысли тщеславія, или гордости, или зависти, или осужденія, которыя не

касаются ни одного изъ безсловесныхъ. А другіе, приближаясь къ намъ, возбуждаютъ сверхъестественное раздраженіе, или вожделѣніе; потому что страсти сіи общи намъ и безсловеснымъ животнымъ, скрываясь въ насъ подъ природою разумною. Потому и Духъ Святыи тѣмъ, которые впадаютъ въ человѣческіе помыслы, вѣщаетъ: *Азъ ряхъ: бози есте и сынове Вышняго вси: вы же яко челоуцы умираете, и яко единъ отъ князей падаете* (Пс. 81, 6. 7.). Но что говоритъ тѣмъ, которые приходятъ въ движеніе неразумно? *Не будите яко конь и мекъ, илже нсть разума: броздами и уздою челоусти ихъ востягнеши, не приближающихся къ Тебѣ* (Пс. 31, 9.). *Душа же согрѣшающая, та умретъ* (Иезек. 18, 20.). Явно, что люди умирающіе, какъ люди, людьми и погребены будутъ, а умерщвляемые, или падающіе, какъ безсловесныя содѣлаются снѣдно неяситей и врановъ, которыхъ птенцы, одни призываютъ Господа (Пс. 146, 9.), а другіе *валяются въ крови* (Іов. 39, 30.). *Илпай уши слышати, да слышитъ* (Матѹ. 11, 15.).

Г л а в а 22. Когда нѣкоторые изъ нечистыхъ помысловъ скорѣе другихъ обратятся въ бѣгство, будемъ доискиваться причины, отъ чего сіе произошло, по рѣдкости ли вещи, и потому, что трудно достать вещество, или по нашему безстрастію, не возимъли надъ нами силы враги? Напримѣръ: если кому изъ отшельниковъ,

по внушенію демона, придетъ на мысль, что ввѣрится ему духовное правленіе въ первенствующемъ городѣ; то явно, что не долго будетъ онъ занять сямъ помысломъ, и причина сему, по сказанному, извѣстна. Если же кто представитъ себѣ, что дѣлается правителемъ какого ни есть города, и разсудитъ о семъ подобно первому; то блаженъ онъ за свое безстрастіе. Подобнымъ образомъ окажется, что такой же способъ изслѣдованія имѣеть мѣсто и въ разсужденіи другихъ помысловъ. Сіе же необходимо знать для нашего усердія и силы, чтобы извѣстно намъ стало, переступили ли мы за Иорданъ, и близко ли къ граду Финиковъ (Второз. 34, 3.), или находимся въ пустынѣ, и быють насъ иноплеменники? Ибо весьма разнообразнымъ и изобрѣтательнымъ на обольщенія кажется мнѣ демонъ сребролюбія. Онъ перѣдко, стѣсняясь строгимъ отреченіемъ отъ міра, вдругъ притворяется домостроительнымъ и нищелюбивымъ, радушно принимаетъ непробывшихъ еще странниковъ, отправляетъ на служеніе къ другимъ нуждающимся, посѣщаетъ темницы въ городѣ, выкупаетъ продаваемыхъ, присоединяется къ богатымъ женищинамъ, указываетъ, кому должны сдѣлать добро, а также и инымъ, у кого влагалнице полно, даетъ совѣтъ отречься отъ міра, и, такимъ образомъ постепенно обольщая душу, подчиняетъ ее помысламъ сребролюбія, и передаетъ демону тщеславія:

Г л а в а 23. И сей-то демонъ вводитъ множество прославляющихъ главнаго виновника сихъ распорядженій, и представивъ ему, что пные заводятъ по немногу разговоръ о священствѣ, предсказываетъ потомъ скорую смерть настоящаго іерея, и присовокупляетъ, что, употребивъ тысячи средствъ, не избѣжать ему избранія. Такъ бѣдный умъ, связанный сими помыслами, препирается съ тѣми, которые не одобряютъ выбора, а одобрившихъ съ готовностію осыпаетъ дарами, хвалитъ ихъ за признательность, а иныхъ, подающихъ протвннй голосъ, предаетъ судьямъ, и требуетъ изгнать ихъ изъ города. Потомъ за этими помыслами, вошедшими внутрь его и вращающимися въ умѣ, предстаеъ вдругъ и демонъ гордыни, частыми молніями бороздитъ воздухъ въ келіи, насыпаетъ крылатыхъ зміевъ, и послѣднее зло — лишаетъ челоѣка ума. Но мы, пожелавъ гибели симъ помысламъ, съ благодареніемъ будемъ жить въ нищетѣ. *Ничто же бо внесохомъ въ міръ сей, явль, яко ниже изнести что можемъ: имѣюще же пищу и одяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 7, 8.), помня, что сказалъ Павелъ: *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (10.). Всѣ нечестые помыслы, надолго оставаясь въ насъ по причинѣ страстей, доводятъ умъ до пагубы и гибели. Ибо, какъ мысль о хлѣбѣ на долго остается въ голодномъ по причинѣ голода, и мысль о водѣ въ жаждущемъ по причинѣ жажды, такъ и мысли объ

имѣніи и деньгахъ держатся въ нихъ долго по причинѣ любостыжательности, и мысли объ яствахъ и о скверныхъ помыслахъ, раждающихся отъ яствъ, держатся долго по причинѣ страстей. Подобное сему откроется и въ разсужденіи помысловъ тщеславія, также и другихъ помысловъ. Но умъ, подавляемый такими мыслями, не можетъ предстать Богу и увѣичаться вѣнцемъ правды. Сими-то помыслами низвлекаемый, и оный упоминаемый въ евангеліи окаянный умъ отрекся отъ вечери вѣдѣнія Христова (Лук. 14, 15. 18—20.). А также и связанный по рукамъ и ногамъ и вверженный *во тму кромльшную* имѣлъ изъ сихъ же помысловъ сотканное одѣяніе, которое звавшій призналъ недостойнымъ брачнаго пира (Матѳ. 22, 11—13.). Поэтому брачное одѣяніе есть безстрастіе разумной души, отвергшейся мірскихъ похотей. Какая же тому причина, что долго остающіяся въ насъ помышленія о вещахъ чувственныхъ растлѣваютъ вѣдѣніе, сказано о семъ въ главахъ о молитвѣ.

ГЛАВА 24. У демоновъ, противящихся дѣятельной жизни, начальствуютъ три предстоятеля, за которыми слѣдуетъ все полчище сихъ Филистимлянъ; они-то первые стоятъ на браня, и нечистыми помыслами вызываютъ душу на грѣхъ. Они завѣдываютъ пожеланіями чревоугодія, они влагаютъ въ насъ сребролюбіе, и они вызываютъ насъ искать человѣческой славы. По-сему, вождѣвая чистой молитвы, наблюдай за

раздражительностию, и, любя цѣломудріе, владѣй чревомъ, не давай утробѣ своей въ сытость хлѣба, притѣсній ее и въ водѣ. Бодрствуй въ молитвѣ, и памятозлюбіе держи отъ себя далеко, Слова Духа Святаго да не оскудѣваютъ у тебя, и въ двери писаній (х) толцы руками добродѣтелей. Тогда возсіяетъ въ тебѣ безстрастіе сердца, и звѣздоподобнымъ узришь въ молитвѣ умъ. Изъ мыслей однѣ въ нашемъ владычественномъ кладутъ свой отпечатокъ и образы, а другія доставляютъ только вѣдѣніе, не оставляя въ умѣ ни отпечатка, ни образа. Сказанное: *въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу* (Іоан. 1, 1.), влагаетъ въ сердце нѣкую мысль, но не производитъ въ немъ ни образа, ни отпечатка. А сіе: *пріемъ хлѣбъ*, — оставляетъ въ умѣ образъ, и также слово: *преломи* (Марк. 14, 22.), — производитъ въ умѣ отпечатокъ. Сказанное: *видѣхъ Господа сядяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Ис. 6, 1.) оставляетъ въ умѣ отпечатокъ, исключая словъ: *видѣхъ Господа*, въ которыхъ самое изреченіе оставляетъ, повидимому, отпечатокъ въ умѣ, означаемое же имъ не оставляетъ никакого отпечатка. Исаія пророческимъ окомъ видѣлъ, что естество разумное, возвышенное дѣятельною жизнью, пріяло въ себя вѣдѣніе, и именно Боговѣдѣніе. Ибо сказается,

(х) Слово писаній дополнено по рукописи.

что Богъ возсѣдаетъ тамъ, гдѣ познается. Поэтому и престоломъ Божиимъ называется чистый умъ. Называется же и престоломъ безчестія жена, то есть душа ненавидящая правду; а безчестіемъ души—грѣхъ и невѣжество. Поэтому мысль о Богѣ не изъ числа оставляющихъ въ умѣ отпечатокъ, но принадлежитъ къ мыслямъ не оставляющимъ въ умѣ отпечатка. Посему молящемуся должно всячески отрѣшиться отъ всего оставляющаго въ умѣ отпечатокъ. Спросишь: что имѣетъ мѣсто въ разсужденіи тѣлъ и помысловъ о нихъ, то имѣетъ ли также мѣсто и въ разсужденіи вещей безтѣлесныхъ и ихъ понятій, а иначе ли умъ пріемлетъ въ себя отпечатокъ, взирая на умъ, а иначе взирая на понятіе объ умѣ? Изъ сего-то и познаемъ, сколько духовное вѣдѣніе поставяетъ умъ выше мыслей, оставляющихъ въ немъ отпечатокъ, представляетъ же его Богу не имѣющимъ на себѣ отпечатковъ, потому что помысль о Богѣ не въ числѣ оставляющихъ отпечатки. Также изъ умозрѣній, неоставляющихъ въ умѣ отпечатка, одни означаютъ сущность вещей безтѣлесныхъ, а другія — понятія о нихъ. И въ разсужденіи вещей безтѣлесныхъ бываетъ не то же, что и въ разсужденіи тѣлъ. Пбо мысли о тѣлахъ одни оставляютъ отпечатокъ въ умѣ, а другія не оставляютъ, здѣсь же ни одна мысль не оставляетъ въ умѣ отпечатка.

Г л а в а 25. Когда демонъ тревоугодія послѣ

великихъ и усиленныхъ бореній не возможетъ растлѣть нанечатлѣннаго въ душѣ воздержанія : тогда ввергаетъ умъ въ вожделѣніе высочайшаго подвижничества, почему представляетъ ему на видъ скудную Данилову жизнь и служившія нищею *сымена* (Дан. 1, 16.), напоминаятъ и о нѣкоторыхъ другихъ отшельникахъ, цѣлую жизнь такъ жившихъ, или начавшихъ такъ жить, и по-нуждаетъ содѣлаться ихъ подражателемъ, чтобы, погнавшись за неумѣреннымъ воздержаніемъ, не успѣлъ человекъ и въ воздержаніи соразмѣрномъ ; потому что не способно къ тому тѣло по собственной своей немощи. Конечно же демонъ восхваляетъ за сіе тѣло и предаетъ проклятію сердце. И справедливымъ признаю для подвижниковъ не слушаться демона сего, и не удерживаться вовсе отъ хлѣба, елея и воды. Ибо вотъ образъ жизни по испытанію братій самый прекрасный — вкушать и сего не въ сытость и однажды въ день ; для меня было бы удивительно, если бы кто, пресыщаясь хлѣбомъ и водою, возмогъ пріять вѣнецъ безстрастія. Безстрастіемъ же называю не сокрушеніе грѣха въ его дѣйственности (ибо это называется воздержаніемъ), но сокрушеніе его, пресѣкающее въ умѣ страстные помыслы, которое святыи Павелъ наименовалъ духовнымъ обрѣзаніемъ *Иудея, иже въ тайнѣ* (Римл. 2, 29.). Если же кто теряетъ бодрость, слыша сказанное ; то да приведетъ себѣ на память *сосудъ избранъ* (Дѣян.

9, 15.) — Апостола, въ гладѣ и жадѣ совершившаго свое теченіе. Но демону чревоугодія подражаетъ и противоборникъ истины — демонъ унынія, внушая терпѣливому мысль о самомъ строгомъ отшельничествѣ, призывая стать соперникомъ Иоанна Крестителя и начатка отшельниковъ — Антонія, чтобы, не перенесши долговременнаго и вышечеловѣческаго отшельничества, бѣжалъ подвижникъ со стыдомъ, оставивъ мѣсто, а онъ могъ наконецъ въ похвалѣ себя сказать: *укрѣпихся на него* (Ис. 12, 5.).

Г л а в а 26. Нечистые помыслы къ приращенію своему пріемлютъ и вещественное, и простираются на многое; ибо по великой горячности страсти преплываютъ мысленно великія моря, не отрекаются совершать дальнія путешествія. Очистившіеся же сколько набудъ помыслы бываютъ гораздо ихъ тѣснѣе, и по немощи страсти не простираются на многое. Почему приходятъ болѣе въ противосестественныя движенія, и по слову премудраго Соломона, *время нѣкое виль глумятся* (Притч. 7, 12.), и собираютъ *тростіе* для незаконнаго *плноодѣланія* (Ис. 5, 12. 7.), да спасутся *аки серна отъ тенеть, и яко птица отъ съти* (Притч. 6, 5.). Ибо удобнѣе очистить нечистую душу, нежели очистившуюся и снова уязвленную возвратить опять къ здравію, потому что не допускаетъ сего демонъ печали, но во время молитвы носитъ всегда предъ зѣнницами кумиръ грѣха.

ГЛАВА 27. Демоны не знаютъ сердца нашего, какъ думаютъ нѣкоторые изъ людей, потому что Сердцевѣдецъ одинъ, *свѣдый умъ чело-вѣкъ* (Иос. 7, 20.), *и создавый наединѣ сердца ихъ* (Пс. 32, 15.). Но по произносимому слову и движеніямъ тѣлеснымъ познаютъ демоны многія сердечныя движенія, о чемъ намѣревался я теперь поговорить яснѣе, но удержалъ меня святыи іерей, сказавъ, что подобныя вещи не стоятъ того, чтобы дѣлать ихъ общезвѣстными и говорить о нихъ въ слухъ непосвященнымъ; такъ какъ, продолжалъ онъ, и бывшіе вмѣстѣ съ снѣдъшимъ въ засадѣ, по закону, подлежатъ отвѣтственности. Впрочемъ скажу: поелику демоны по таковымъ знакамъ узнаютъ сокровенное въ сердцахъ, и берутъ отъ сего поводъ дѣйствовать противъ насъ, а мы перѣдко обличали нѣкоторыхъ злорѣчивыхъ, не питая въ себѣ къ нимъ любви, то посему стали и мы добычею демона памятозлобія, и снова возымѣли противъ нихъ тѣ лукавыя помыслы, которые, какъ извѣстно намъ, составились прежде. Посему—то справедливо обвиняетъ насъ и Духъ Святыи: *судя на брата твоего клеветалъ еси, и на сына матери твоея полагалъ еси соблазнъ* (Пс. 48, 20.), отворялъ дверь помысламъ памятозлобія, приводилъ въ смятеніе умъ во время молитвы, представляя всегда лице врага своего, и даже боготворя его. Пбо конечно, на чтоъ взираетъ умъ молясь, то достойно того. чтобы признать

се богомъ. Но будемъ возлюбленные бѣгать болѣзни осужденія, не станемъ ни о комъ никогда вспоминать худо, и при воспоминаніи о ближнемъ не будемъ отвращать взоровъ; потому что всякое наше тѣлодвиженіе съ любопытствомъ наблюдаютъ лукавые демоны, и ничего не оставляютъ въ насъ незамѣченнымъ, ни восклоненія на ложе, ни сидѣнія, ни стоянія, ни слова, ни выхода, ни взгляда, на все смотрятъ пристально, все употребляютъ въ дѣло, *весь день* поучаются на насъ *лѣстивыи* (Пс. 37, 13.), чтобы во время молитвы оклеветать смрещный умъ, и угасить въ немъ блаженный свѣтъ. Смотри, что и святыи Павелъ говоритъ Титу: *во ученіи цѣлость, слово здравое, незазорное: да противный посрамится, ничто же ильа глаголати о насъ укорно* (Тит. 2, 7. 8.). А блаженный Давидъ даже молятся, говоря: *избави мя отъ клеветы чловѣческой* (Пс. 118, 133.), чловѣками, по разумности природы, именуя и демоновъ. Да и Спаситель въ евангеліи всѣвающаго въ насъ плевели грѣха называлъ: *врагомъ чловѣкомъ* (Матѹ. 13, 28.) отъ котораго да избавимся по благодати Христа и Бога нашего. Ему подобаетъ честь и слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О

На евангельское изреченіе: *иже имать влагалище, да возметъ, такожде и мѣхъ: а иже не имать, да продастъ ризу свою, и купитъ ножъ* (Лук. 22. 36.),

Г л а в а 1. Предлагаемое изреченіе съ перваго взгляда заключаетъ въ себѣ, кажется, большое противорѣчіе, и противно прочимъ наставленіямъ Господа; но въ смыслѣ возвышенномъ оно, какъ представляетъ полезное для поучаемыхъ, такъ показываетъ благопопечительность Поучающаго, а именно, что наставленія Свои душевнымъ возрастамъ для пресыщенія и усовершенія по мѣрѣ возрастанія, дѣлаетъ Онъ сообразными съ каждымъ состояніемъ. Ибо почему повелѣваетъ теперь взять ножъ тѣмъ, которые научены уже подставлять ланиту ударяющимъ? Почему велитъ продать ризу и купить ножъ тѣмъ, которые, по принятіи ими заповѣди не имѣтъ двухъ одеждъ, и дѣйствительно имѣли у себя одну,

бывшую на нихъ ризу? Ужели Господу угодно было, чтобы Апостолы ходили нагими, что по общему призванію непристойно, и несогласно съ преданіями Господа? Некушійся о душевной ихъ свободѣ, и неимѣніемъ своей собственности доставлявшій имъ жизнь безначальную, не могъ также вознрадѣть о благоприличіи, повелѣвая ходить съ обнаженнымъ тѣломъ. Ибо, какъ не свойственно лобомудрію — простираться за предѣлы потребнаго и обременять душу излишними суетными заботами, такъ безумно и чуждо состоянію цѣломудрія—отказывать тѣлу въ служеніи ему необходимымъ. Посему должно присекаеть рѣшеніе, сообразное тому и другому повелѣнію, и показать, что прямо слѣдуетъ изъ обонхъ заповѣдей, а именно, что новоначальнымъ прилична первая заповѣдь, а совершеннымъ—вторая. Ибо, если и непристойно имѣть обнаженное тѣло, въ смыслѣ буквальномъ; то въ смыслѣ созерцательномъ не только сіе благоприлично, но и крайне полезно. Поэтому, кто защищаетъ буквальный смыслъ сего изреченія, тотъ можетъ представляющееся въ немъ затрудненіе устранить такъ: Апостоламъ, приступающимъ еще къ богочестію, Господь заповѣдалъ нестяжательность, желая, чтобы занимались они только изученіемъ божественныхъ уроковъ, но и зная, что для несовершенныхъ только опасно пріобрѣтеніе имущества, преусиѣвшимъ и потерпящимъ уже вреда отъ имущества позволяетъ

небоязненно пользоваться имѣніемъ, такъ какъ они не пристрастны уже къ деньгамъ, подобно многимъ другимъ, и не преодолеваются прелестью сребролюбія, и говоритъ: *егда послалъ вы безъ вѣдѣнія и безъ мѣры, еда чего лишени бысте?* А теперь говорю вамъ: *иже имать вѣдѣнія, да возметъ, такожде и мѣру* (Лук. 22, 35.). Ибо въ началѣ должно имъ было, не нося ничего при себѣ, извѣдать на опытѣ силу Учителя, которая имъ каждый день безъ ихъ заботъ подавала потребное для тѣла, и даже не это одно, но и сказанное нами не задолго прежде,—чтобы, дѣятельно обучившись нестяжательности, приобрѣли неизмѣняемый къ ней навыкъ, постепенно преуспѣвая въ безпристрастіи къ себѣ самимъ; потому что сребролюбіе погубило многихъ; оно низринуло въ пропасть предательства и Иуду, который привыкъ къ деньгамъ, по причинѣ вѣреннаго ему для служенія вѣрнымъ *ковчежца* (Іоан. 12, 6.).

Глава 2. Но не знаю уже, чѣмъ защитится отстаивающій буквальный смыслъ въ словахъ: кто имѣетъ ножъ, да возметъ, а кто не имѣетъ, да продастъ ризу и купитъ ножъ; когда Господь вездѣ требуетъ, чтобы ученики его были мирны и кротки. Посему посмотримъ, какимъ образомъ это повелѣніе, хотя оно относительно къ тѣлу и въ смыслѣ буквальномъ невозможно, въ дуловномъ смыслѣ возможно и полезно. Приближаясь уже къ страданію и готовясь войти на

крестъ, какъ по злоумышленію Іудеевъ, такъ и по собственному изволенію ради спасительнаго домоостроительства, говоритъ сіе ученикамъ Господь, приготовляя къ борьбѣ съ противящимся истинѣ, но не къ борьбѣ по маловажнымъ предлогамъ предприемлемой, гдѣ расположеніемъ борющихся управляетъ раздраженіе, а къ состязанію въ подвигѣ, который внушенъ Богомъ по пламенной ревности къ богочестію. Ибо Господь видѣлъ уже, что безстыдные псы Іудей съ неистовствомъ встаютъ противъ божественнаго ученія, и спѣшатъ положить конецъ спасительной проповѣди, а потому, возставя учениковъ своихъ на сей подвигъ съ Іудеями, повелѣваетъ имъ отложить прежнюю кротость, вооружась же сильнымъ словомъ идти на обличеніе покушающихся низложить истину. Хотя христіанину прежде всего необходимо необходимое одѣяніе, приличное имени его званія; потому что не менѣе одежды украшаютъ христіанина степенная безмятежность духа и правъ скромный; однако же во время борьбы съ противниками необходимо ему и оружіе слова. Посему, говоритъ Господь, въ то время, когда посылалъ Я васъ учителями къ Израилю, хорошо вы дѣлали, выказывая мирное состояніе духа, и такимъ поведеніемъ привлекая непокорныхъ къ послушанію, кротостію доводя ихъ до благопокорности; потому что для убѣжденія дѣйствительнѣе сильнаго слова правая жизнь, въ себѣ самой представляющая знающе-

му оную убѣдительный поводъ признать себя посрамленнымъ. По посылку по Моемъ вознесеніи враги истины нападутъ на нее: то каждый изъ имѣющихъ понеченіе о нравственномъ благоустройствѣ, да отложитъ тщаніе о соблюденіи мира, и да уготовится къ состязанію; ибо нѣтъ никакой несообразности для важнѣйшаго оставить на время менѣе важное, и отложивъ кротость сдѣлаться вонтеземъ.

Глава 3. Сіе совѣтуетъ и Пророкъ говоря: *кроткій да будетъ храбръ* (Иош. 3, 11.). И какъ пророческому слову: *раскуютъ мечи своя на орала, и копія своя на серпы* (Ис. 9, 4.), то есть, по прекращеніи брани со страстями душевныя силы содѣлаютъ земледѣльческими орудіями, такъ и на оборотъ, когда призоветъ брань, хорошо сложить съ себя подобающее украшеніе, уготовиться же на борьбу, и взять въ руки мечъ за Господни заповѣди, созлѣкшись п рпзы нравственныхъ добродѣтелей, если должно будетъ сражаться нагому; ибо таковой, можетъ быть, въ сраженіи будетъ безопаснѣе облеченнаго въ ризу. Сіе дастъ видѣть Пророкъ, сказавъ: *и погибнетъ бѣгство отъ скоротекущаго, и крпкій не удержитъ крпности своей, и храбрый не спасетъ души своей, и быстрый ногама своимъ не уцльметъ* (Амос. 2, 14. 15.), присовокупляетъ онъ: *нагъ поблгнетъ въ той день* (16.). Господу угодно, чтобы таковымъ нагимъ былъ продающій ризу и покунающій ножъ, не отрекаясь, по

причинѣ истины означаемаго, отъ того, что по буквальному смыслу кажется неблагоприличнымъ. Ибо, желая, чтобы люди сообразовались всегда съ тѣмъ, что для нихъ полезно, даетъ перѣдко и противоположные совѣты, какъ сказали мы уже предварительно, иногда научаетъ принимать заупречѣнія и не оказывать негодованія, иногда же повелѣваетъ носить мечъ, показывая воинственный видъ, вызываясь на брань, и до вступленія въ оную устрашая враговъ однимъ видомъ. И когда одинъ пророкъ повелѣлъ воинскія оружія передѣлать въ земледѣльческія орудія, вскорѣ послѣ него другой пророкъ даетъ напротивъ повелѣніе земледѣльческія орудія передѣлать въ воинскія оружія. Одинъ говоритъ: *раскуйте мечи своя на орала, и копія своя на серпы*, а другой: *разсѣчите рала ваша на мечи, и серпы ваша на копія* (Иов. 3, 10.). И совѣты сѣи, хотя противны по буквѣ, но не противны по разумѣнію. Ибо одинъ внушаетъ, что должно дѣлать начинающимъ брань со страстями, а другой, что дѣлать обратившимъ враговъ въ бѣгство. Поэтому до времени хорошо быть облеченнымъ въ одежду, и потомъ совлечься одеждъ, когда потребуется вмѣсто ризы пріобрѣсти ножъ. потому что для безопасности не столько служитъ риза, сколько ножъ; въ одеждѣ — украшеніе, а не безопасность; а ножъ — великое охраненіе сражающемуся. Посему же таковая риза полезна только до времени, достигшему совер-

шенства и восшедшему на кровь умозрѣнія, вос-
 прещается возвращаться назадъ. Ибо Господь
 ясно учитъ, говоря: *уже на кровь, да не слодитъ*
взяти ризъ своихъ (Мато. 24, 17. 18.).

ГЛАВА 4. Но есть в крови превозношенія,
 восходящихъ на которые порицаетъ пророческое
 слово, говоря: *что бысть, яко нынѣ возлезосте*
вси на храмины тщетныя (Ис. 22, 1.)? Ибо
 эта хранина была не высота добродѣтели, имѣ-
 ющая прочное основаніе, но надменіе пустой
 гордыни, скользкое для того, кто утверждаетъ
 свое пребываніе на таковой высотѣ. А кровъ
 истины стоять незыблемо, имѣть непоколебимую
 добродѣтель, назданную на умѣренномъ обра-
 зѣ мыслей, съ него невозможно упасть: пото-
 му что самый вѣнецъ крова безопасенъ, вос-
 шедшаго горѣ, какъ въ раю, хранитъ нагимъ и
 невиннымъ. Если же кто не совлекаетъ съ себя
 таковой ризы по умрениі брани со страстями,
 и труда о нравственныхъ добродѣтеляхъ не за-
 мѣняетъ стараніемъ приобрѣсти силу слова, даже
 не хочетъ освободить тѣло отъ безвременнаго
 труда, когда прошелъ уже мимо досаждающей
 тѣлу слястолюбіемъ; то подвергается онъ уко-
 ризнѣ, какъ отлагающей, когда уже не должно,
 продажу ризы и покупку пожа. И сіе можно
 слышать отъ приточника, который говоритъ:
отъили ризу свою, преиде бо досадитель (Прптч.
 27, 13.). Ибо не менѣе строгости въ дѣятель-
 ной жизни изнуряетъ тѣло рачительность подвиг-

га въ божественныхъ словесахъ, даже еще болѣе способствуетъ трудящемуся о чистотѣ; потому что мысль не имѣетъ времени возвращаться назадъ и заниматься страстями, готовыми его потревожить, такъ какъ помысль непрестанно устремленъ къ лучшему. Трудъ строгаго жптія, изнуря тѣло, даетъ еще, можетъ быть, время страстямъ подвинуть праздную мысль къ тому, что составляетъ собственное вещество страстей. Умозрѣнiе же, содера првлеченнымъ къ себѣ всецѣлый умъ, не даетъ мѣста, не говорю страсти, но даже и человѣческому помыслу, призывающему, можетъ быть, и къ необходимой потребности. Не только страстное сластолюбiе препобѣждаетъ услажденiе умозрѣнiемъ, въ которомъ съ полезнымъ срастворено прiятное, но и естественную нужду. Зная сiе, и Павелъ говоритъ: *тѣлесное обученiе в малѣ есть полезно: а благочестiе на все полезно есть* (1 Тим. 4, 8.): такъ свидѣтельствуеть о пользѣ перваго при времени, а послѣднему приписываетъ всегдашнюю и постоянную пользу; потому что тѣлесный подвигъ прекращается въ будущемъ вѣкѣ, а вѣдѣнiе прiемлетъ приращенiе въ совершенствѣ, простираясь отъ видѣнiя уповаемыхъ благъ *зерцаломъ въ гаданiи* въ видѣнiю *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12.).

Г л а в а 5. Поэтому, тѣлеснаго упражненiя должно совлечься, какъ ризы, и трудовъ онаго, какъ цѣны за продажное для приобрѣтенiя меча

благочестія, который будетъ полезенъ къ охраненію и ириведенію въ безопаcность того, что есть у насъ. Этотъ мечъ дѣлается п похвалою,— похвалою, то есть не пагубною гордынею кичливаго высокоумія, но благодарнымъ ощущеніемъ помощ Божіей, какъ сказано кому-то: *защититъ помощникъ твой, и мечъ хвала твоя: и солжутъ тебѣ враги твои, и ты на вышю ихъ наступиши* (Второз. 33, 29.). Такъ продается риза, такъ покупаается ножъ: продается рпза, служа къ приобрѣтенію того, чего не было прежде, и сама оставаясь въ способности дѣйствовать, хотя, по смотрѣнію, и прекращаетъ свою дѣйственность. Пбо способность дѣйствовать, хотя и не приводитъ въ исполненіе предстоящаго ей дѣланія, однако же, имѣя крѣпкую силу, когда захочетъ, обыкновенно дѣйствуетъ безпренятственно, подобно тому художнику, который полноту своего знанія показываетъ на веществахъ, и при недостаткѣ оныхъ остается празднымъ, между тѣмъ какъ знаніе его безмолвствуетъ, а не уничтожается. Почему же совлекшійся таковой рпзы, и снова, по сипсложденію къ несовершеннымъ, прицужденный употребить ее въ дѣло, такъ говоритъ: *сволечохся рпзы люея, како облечуся въ ню* (Пѣс. Пѣс. 5, 3.), если не оставалась таковая рпза, не выказывая своей дѣйственности, однако же сохраняя силу способности дѣйствовать? Почему продавшій рпзу непременно покупааетъ ножъ, и первой

не уничтожая, и приобретаая послѣдній. Да и какой покупаетъ онъ ножъ? Тотъ, о которомъ говоритъ Христосъ: *не придохъ воуверещи миръ, но мечъ* (Матѣ. 10, 13.), мечемъ называя слово проповѣди. Ибо, какъ ножъ раздѣляетъ сросшееся, и связанное тѣло разсѣкаетъ на части, такъ слово проповѣди, вносимое въ домъ, во всякомъ изъ нихъ соединенныхъ на зло невѣріемъ отсѣкало друга отъ друга, отдѣляя сына отъ отца, дочь отъ матери, невѣстку отъ свекрови, разсѣкая самую природу, показывало цѣль Господня поведѣнія, а именно, что для великой пользы и во благо людямъ повелѣлъ Онъ Апостоламъ взять ножъ.

Г л а в а 6. Посему Петръ немедленно отвѣчаетъ, говоря, что два у нихъ ножа, о которыхъ Господь сказалъ, что ихъ достаточно для подлежащаго подвига. Ножи же сн, какъ говоритъ Апостоль, суть обличеніе противопологаемаго и утѣшеніе вѣрующихъ. Ибо въ посланіи къ Титу такъ вручаетъ ихъ учителямъ, говоря: *да силенъ будетъ и утѣмляти во здраволь ученіи и противящихся обличати* (Тит. 1, 9.), чѣмъ и раздѣляетъ слово на два вида; ибо иной видъ — слово ученія къ вѣрнымъ, и иной — слово истины къ врагамъ: и одно есть обличеніе лжи, а другое — подтвержденіе истины. А что мечемъ называетъ слово, это явно для всякаго: такъ какъ на памяти у каждаго часто повторяемое изреченіе писанія: *живо сло-*

во *Божіе* и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра (Евр. 4, 12.). Ибо и здѣсь говорится о двоякомъ дѣйствіи слова. Но иный можетъ назвать двумя мечами ясность и истину: ибо когда сочетаются онѣ въ словѣ, достаточно ихъ къ тому, чтобы покорять противящихся. Сему-то и первосвященникъ на словѣ, которое было у него на персяхъ, имѣлъ таинственно возложенныя: *явленіе и истину* (Исх. 28, 30.), — явленіе для уясненія сказуемаго, и истину для изложенія лжи. Потому и Петръ, открыто употребивъ ножъ, когда урѣзалъ ухо рабу архіереову, оказывается совершившимъ это вмѣстѣ и таинственно и назнаменательно. Ибо Апостолы въ началѣ проповѣди исполняли и предписываемое закономъ, когда къ Двери, т. е. къ Рекшему: *Азъ есмь дверь* (Іоан. 10, 7.), приводили утверждавшихъ о себѣ, что возлюбилъ они владычество закона, и взявъ *шило* обученія, старались *провертѣть* рабскій слухъ въ свободу послушанія (Втор. 15, 17.). Когда же Иудеи признали себя недостойными жизни вѣчной, и настала нужда обратиться уже къ язычникамъ; тогда Апостолы глаголомъ Духа совершенно отсѣкаютъ имъ слухъ, какъ недостойнымъ уже слова свободы за непокорность. Ибо сказать: *вамъ бы льно первыя глаголати слово Божіе* (Дѣян. 13, 46.), — значило *провертѣть* рабскій слухъ въ свободу; а потомъ присовокупить: *по неже недостойны творите сами себе вѣчному*

животу, обращаемся во языки — значило совершенно отсѣчь имъ слухъ.

ГЛАВА 7. Тоже самое говоритъ Иудеямъ и Павелъ: *уже закономъ оправдаетесь, отъ благодати отпадете* (Гал. 5, 4.). Ибо отпасть отъ благодати значило тоже, что и быть отсѣченными отъ слова слободы. Почему и Господь говоритъ: *шедше научите вся языки* (Матѣ. 28, 19.), по урѣзаніи уха у Иудеевъ отверзая къ послушаію ухо язычниковъ. О семъ за долго прежде и издревле свидѣтельствуется и ветхозавѣтное писаніе, ясно пророчествуя о томъ и другомъ, а именно, что у Иудеевъ урѣзано будетъ ухо, и что оно приложено будетъ язычникамъ. Ибо и Іезекиль говоритъ іудейскому соименцу: *поздри твоя и уши твоя обрѣжутъ* (Іезек. 23, 25.): потому что не пріяли благоуханія мѹра Христова, подобно той, которая говоритъ: *въ волю мѹра Твоего течемъ* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 3.), и по урѣзаніи и отлѣтіи у нихъ главныхъ орудій чувствъ не пожелали, какъ овцы, слушать гласа Пастыря. А Исаія вводитъ самую церковь изъ язычниковъ, которая говоритъ: *приложи ми ухо еже слышати, и наказаніе Господне отверзаетъ уши моя* (Ис. 50, 4. 5.). Такъ языческой церкви Господь приложилъ ухо, и ухо яе урѣзалъ у церкви іудейской. И сіе достаточно сказано о предавшихъ ризу и взявшихъ пожь. Посмотримъ же, все ли мы, когда носимъ такую ризу, носимъ ее право? Ибо объ пныхъ

написано: *яко всякую одежду собранну лестію, и ризу съ примиреніемъ отдадутъ* (Ис. 9, 5.), а о другихъ: *ризы своя связующе ужами, завьсы творяху держащіяся требища* (Ам. 2, 8.). Посему не имѣютъ ли у насъ лестію собранной одежды тѣ, которые, въ ересяхъ подстерегая простодушныхъ, одѣваются въ ризы правственныхъ добродѣтелей, но облакаются въ нихъ, какъ въ чужія, не въ правду, а болѣе для соблюденія добраго о нихъ мнѣнія, и преобразуются, принимая на себя видъ кроткій и скромный, чѣмъ и уловляютъ въ погибель попадающихъ на сію уду?

Г л а в а 8. Они-то въ будущемъ вѣкѣ съ *примиреніемъ отдадутъ* таковыя ризы; потому что не воспріимутъ награды за труды, но понесутъ за обманъ наказаніе и мученіе отъ Бога, отмщающаго *на вся обмеченныя въ одьянія чуждыя*, какъ гозоритъ Онъ у Пророка (Соф. 1, 8.). Ибо все, что дѣлается не ради самаго добра, а ради чего-либо инаго, не только остается безъ награды, но и подлежитъ отвѣтственности, а иначе когда устроятся этимъ козни видящимъ, служа гибельною приманкою для простодушныхъ. Какъ тщеславіе дѣлаетъ бесполезнымъ трудъ добродѣтели, и лишаетъ трудившагося вѣчныхъ наградъ, само для себя служа малоцѣнною наградою за великіе труды, скоропреходящею похвалою за трудные подвиги, скорогибущею почетомъ, выдающею прежде, нежели со-

зрѣть, какъ должно ; такъ образъ благочестія, притворно пріемлемый для обмана, дѣлаетъ трудъ не напраснымъ только, но и опаснымъ, осуждаемымъ не на лишеніе только награды, но на продолжительное и крайне мучительное наказаніе. Такъ нѣкимъ, изнурившимъ себя и понесшимъ таковой трудъ, Апостоль сказалъ: *только пострадаете туне? аще точію и туне* (Галат. 3, 4.), словомъ: *туне* означивъ лишенія награды, а словами: *аще точію и туне*—достопаечивность ожидаемаго мученія. *Держащіяся же требица завѣсы, узами связующе ризы*, творять, можетъ быть, и нѣкоторые изъ служителей Церкви, которые лицемѣрно подражаютъ священнодѣйствующимъ непорочно подъ покровомъ внутри святилища. Ибо иное есть завѣса (*καταπέτασμα*), и иное покровъ (*παράπετασμα*), хотя сходство названій скрываетъ различіе вещей. Завѣса вѣшается, гдѣ нѣ есть, на время, по необходимости, чтобы не совершать открыто предъ глазами всѣхъ, что требуетъ сокровенности, и она съ обѣихъ сторонъ прикрѣпляется на перекось вязами отъ правой руки къ лѣвой, не имѣя ничего надъ собою сверху ; а покровъ спускается на вязяхъ, прикрѣпленныхъ сверху, какъ и самое имя, по словопроизводству, показываетъ паденіе ткани сверху, и можетъ быть, означается имъ мы, когда пріемлемъ на себя трудъ въ добродѣтеляхъ ради Владыки, видящаго въ тайнѣ,

укрывая совершаемое отъ очей человѣческихъ долу, обнаруживаемъ Единому зрящему свыше.

Глава 9. И Предложеніе имѣеть причину горѣ, завися отъ благоугожденія Богу, подобно и покровъ свѣшпвается простираясь съ верху. Дѣлая добро, священнодѣйствуемъ мы подъ покровомъ. Но когда, выставляя на видъ образъ цѣломудрія или нестяжательности, въ тайнѣ дѣлаемъ противное, и распространяя завѣсу ужамп грѣховъ, иной образъ отпечатываемъ въ себѣ, а инымъ прикрываемся сверху, притворною наружностію придавая честный видъ скрытному стыду, и обманомъ уловляя взоры людей, чтобы прославиться благочестіемъ и добродѣтелию; тогда подъ завѣсою ташнѣ къ укоризнѣ нашей то, что, если откроется, заслужить осужденіе. Ибо какъ добродѣтель, совершаемая въ тайнѣ, имѣеть похвалу отъ Бога, а совершаемая язно, громко провозглашается; такъ и пороку, пока сокрытъ, угрожаютъ только наказаніе и мученіе, а когда обличенъ, готово конечное осужденіе. Но хотя здѣсь не явны таковыя развращенныя начннанія, прикрываясь благочестною наружностію, однако же непремѣнно обнзжены будутъ тамъ, когда отнимется у нихъ мнимая ихъ слава, обнаружится же, и сама собою возсіяетъ, истинна. Ибо о нихъ-то, можетъ быть, говорить Исаія: *откроетъ Господь срамоту (тѣ бжїма) ихъ въ день оиъ* (Ис. 3, 18.). Но упражняющіеся въ добрѣ не все таковы, хотя нѣкоторые для

уловленія славы человѣческой, званіе благочестія проходятъ нечисто. И по причинѣ обманщиковъ не должно клеветать и на рачительныхъ. Ибо дѣйствительно посвятившіе себя добродѣтели, и дѣламъ не солгавшіе своему обѣту, но и сокровенное уподобившіе видимому, у которыхъ наружность служитъ истолкованіемъ самой вещи, и которые не кажутся только тѣмъ, за что выдаютъ себя, но каковыи пменуются, таковыи въ дѣйствительности, или стараются лучше, не во мнѣніи другихъ, но сами въ себѣ, таковыми быть, три помощи все испытующаго, даже и глубины сердечныя, и воздающаго каждому по собственнымъ его дѣламъ, а не по предзанятому о немъ понятію. А съ другой стороны и изъ нихъ также нѣкоторые уклоняются отъ истинной цѣли, превозносясь и думая, что собственными силами усвоили себѣ украшеніе добродѣтели.

Глава 10. Ибо рѣдкое и крайне трудное дѣло — попести величіе добродѣтели, не превознесишь мыслию, не надмившишь преснѣжаніями, пребывъ смиреннымъ и, какъ говоритъ нѣкто, безкваснымъ; потому что безквасное и вблизи огня не надувается, но пребываетъ въ смиренномъ видѣ, и скромно о себѣ думающій не превозносится, упражняясь въ добродѣтели, благоговѣніемъ удерживаемый отъ надменія кичливости. Имъ законодатель даетъ совѣтъ имѣть предъ очами страхъ Божій, поставивъ его на-

всегда пѣступомъ неразумнаго превозношенія и святымъ наставникомъ въ цѣломудрїи. Ибо повелѣніе на воскресїяхъ ризы дѣлать рясны изъ пряденія снѣга (Числ. 15, 38.), и взирающимъ имѣть въ этомъ всегдашнее наоминаніе о божественныхъ заповѣдяхъ, какъ мнѣ кажется, знаменательно даетъ разумѣть сіе самое; потому что, какъ рясна — начало ризы, такъ начало премудрости страхъ Господень. Посему его-то должно искать на всякой вершинѣ добродѣтели (потому что вершины скользки, маломысленныхъ со-вращаютъ въ высокоуміе), — чтобы непрестанно колеблясь предъ очами души, сдерживалъ онъ отъ надменія преуспеяніями и научалъ доблестнаго, что, хотя и самъ онъ истратилъ себѣ ризу, однако же Богъ далъ ему мудрость для такового истратанія, и виновнику познанія, а не дѣлателью, подобаетъ восписывать всю силу. Такимъ образомъ и добродѣтель будетъ блистательнѣе, будучи признаваема дѣломъ Божиимъ, и прїобрѣтеніе ея для прїобрѣтающаго пребудеть приводимо въ безопасность страхомъ Божиимъ, какъ всегда охраняемое благоговѣніемъ къ самому Богу нашему. Ему слава и держава во вѣки! Аминь!

СКАЗАНИЯ

О ИЗВІЕНІИ МОНАХОВЪ НА ГОРЬ СИНАЙСКОЙ И О
ПЛЪНЕНІИ ѲЕОДУЛА СЫНА НИЛОВА.

СКАЗАНИЕ ПЕРВОЕ.

Святый Нилъ послѣ недавней потери Ѳеодула, не
внимая утѣшенно собесѣдниковъ, оплакиваетъ предъ
ними горе свое.

Скитаясь послѣ нашествія варваровъ, пришелъ
я въ Фаранъ, и слышу (ц) нѣкоторые, проходя
мимо, славятъ пустынную жизнь, и въ разгово-
рѣ между собою соплетаютъ ей множество по-
хвалъ: а именно, что она исполнена тишины,
свободна отъ всякаго мятежа, даетъ въ безмол-
віи просторъ душѣ любомудрствующей о види-
момъ, и чрезъ видимое простираясь далѣе, воз-

(ц) Изъ двухъ чтеній: *τις ἀκούστας μου* (какъ въ рукописи) и
τις ἀκούστος μου (какъ напечатано), здѣсь предпочтено последнее.

водитъ ее до приближенія къ боговѣдѣнію — этому крайнему предѣлу желаній и окончательному блаженству, по еднoгласному признанію всѣхъ мудрыхъ отъ вѣка.

Когда же внимательно посмотрѣлъ я на нихъ заплаканными глазами, и весьма болѣзненно вздохнулъ, потому что сдѣлалъ въ сильномъ смущеніи отъ постигшихъ меня горестей, и на лицѣ моемъ явны еще были свидѣтельства моего бѣдствія; они, желая, можетъ быть, поговорить со мною, поворотивъ съ прямой дороги, уклоняются ко мнѣ, садятся кругомъ, заключивъ меня въ среднѣ, и не много помедливъ, когда увидѣли, что молчу и вздыхаю, неотступно и вмѣстѣ съ участіемъ начинаютъ спрашивать о причинѣ смущенія. А я при этомъ требованіи вздохнулъ еще горестнѣе; потому что вопросъ снова привелъ въ сильное движеніе успокоившуюся нѣсколько память, и понудилъ помыслъ представить себѣ дѣло какъ бы теперь совершающимся, такъ какъ разговоръ о происшествіи долженъ былъ отпечатлѣть въ мысли то самое, что чувствомъ извѣдано на опытѣ.

Въ сказанномъ ли нами печально что тебя, старецъ, какъ ложное, говорили они, и сидишь ты, оплакывая несправедливость нашего мнѣнія? или есть у тебя своя какая нибудь скорбь, близкая къ нашему разговору, и сѣтуешь ты, въ тайнѣ терзаемый воспоминаніемъ? Что не легко твое страданіе, ясно говорить о семъ твоя унылость,

показывающая внутренно мучающую тебя печаль; признакомъ ея служатъ слезы.

Такое обращеніе мужей сихъ едва разрѣшило связанный языкъ мой. Чтòжь мнѣ сказать? отвѣчалъ я. И для чего дамъ вамъ отвѣтъ, когда облако печали не позволяетъ хорошо вникнуть въ сужденіе о томъ, чтò истинно? Одного я мнѣнія съ вами; зная пользу пустыни, весьма дивлюсь ей; посему, препобѣжденный любовію къ ней, принудилъ себя оставить все: домъ, отечество, родство, друзей, домашнихъ, имѣніе. Но пустыня и погубила, чтò всего было для меня любезнѣе, она-то, какъ видите, оставила меня одного, лишеннаго всякаго утѣшенія; и хвалить ее не позволяетъ мнѣ болѣзненное чувство постигнаго меня горя, преодолевшаго и могущество любви (ч). А когда одна страсть превозмогаетъ другую; тогда вовсе не даетъ она мѣста побѣжденной, непременно хочетъ имѣть полное начальство, и какъ чего-то непріязннаго избѣгаетъ того, чтобы призвать кого въ общеніе (ш).

Но вотъ простота моя! пускаюсь любомудрствовать, оставивъ и сѣтованіе о сынѣ, и разсудокъ мой нашелъ себѣ для этого время, хотя донынѣ боялся и подумать о чемъ-либо иномъ,

(ч) Въместо *τῆ παύσεως* по рукописи читается: *τῆ πόθης*.

(ш) Последняя рѣчь начинающаяся словами *а когда одна страсть* и пр. не читается по рукописи.

кромя Оеодуловой смерти. Ибо вотъ непрестанно передо мною призракъ, такъ и иначе въ разныхъ видахъ смерти представляющій мнѣ умерщвление сына: вижу, думается, какъ онъ отъ удара, гдѣ былъ, упалъ вдругъ, и мечется по землѣ: слышу, кажется, болѣзненный его голосъ, и въ умѣ только представляю все это, что лучше было бы видѣть собственными глазами своими.

Увы, жалкое чадо мое, хотя живъ еще ты, хотя умеръ! Какое горькое рабство, если избѣжалъ ты смерти! Какое и гроба тебѣ недавшее погребеніе, если поразилъ тебя варварскій мечъ! Что буду оплакивать въ твоёмъ рабствѣ? О чемъ буду проливать слезы въ твоей смерти?

Если ты живъ еще и въ рабствѣ (но никакая вѣроятность не позволяетъ этого и думать; потому что варварская рука когда не готова на убійство, чтобы услужить звѣрскому гнѣву, жаждущему всегда человѣческой крови?): то каково твое положеніе? Безъ сомнѣнія, ежедневные побои, незнающіе сострадательности приказы, безошадные угрозы, жизнь звѣроподобная и кровожадная, самыя тяжелыя, выше силъ твоихъ, работы, и помыслить о побѣгѣ не дающая стража, безнадежность свободы, ежедневный страхъ смерти, всегда вблизи мечъ; потому что имъ только умѣетъ варваръ измѣрять свое пегодованіе; нѣтъ у него на готовѣ ни бича, ни жезла для ударовъ, и за малый и за великій

проступокъ извѣстно ему одно наказаніе—смерть; иногда нѣтъ и вины, иногда разсвирѣпѣль варваръ отъ упоенія, или предался неразумной стремительности, и какъ наученъ привычкою, не задумавшись, забавляется гибелью другихъ.

А если умеръ ты, сынъ; то гдѣ и когда тѣло твое подверглось заклапію, откуда излился потокъ твоей крови? Какъ тренеталъ (ш) ты, обливаясь съ перстію смѣшанною кровію, и бѣдныя ноги твои на позоръ видящимъ блись въ предсмертныхъ содроганіяхъ? Какъ умолялъ ты убивающаго варвара, жалобными тѣлодвиженіями думая смягчить его жестокость? Человѣческое слово, трогательными звуками изображая прошеніе, преклоняетъ на жалость и раздраженную душу; но вы оба не понимали языка другъ друга. Гдѣ было мѣсте твоего паденія? Какіе звѣри растерзали члены твои? Какія птицы напятались твоею плотію? Какое изъ свѣтилъ при восхожденіи своемъ увидѣло сокровенности чрева твоего, явственно узрѣло излившіяся внутренности? Чтò преодолѣло твердые звѣринныя зубы, или оказалось въ остаткѣ по ихъ пресыщеніи (ъ), или стало недоступнымъ ихъ силѣ, то лежитъ теперь на солнцѣ подъ открытымъ небомъ, и по причинѣ необитаемости мѣста не удостоилось честнаго погребенія.

(ш) По рукописи читается: *ἔλαπιδες*, а не: *ἔλαπιδες*.

(ъ) По рукописи читается: *κόρον* вмѣсто: *κόρον*.

Если бы кто принесъ и отдалъ мнѣ это, или привелъ и поставилъ меня у этихъ останковъ ; то конечно имѣлъ бы я хотя малое утѣшеніе въ горѣ, какъ съ живымъ и чувствующимъ сталь бы бесѣдовать съ оставшимися членами, хотя кость, или часть плоти и волосовъ была бы предъ глазами у меня. Кого не вдругъ поражаетъ бѣдствіе, тѣ и въ самомъ несчастіи находятъ много утѣшенія, и подлинно вкушаютъ послѣднюю отраду, когда долго ходятъ за больными родственниками, много времени насыщаются ихъ лицезрѣніемъ, сидятъ при нихъ, когда борются они со смертію, слышатъ послѣднія слова умирающихъ, провожаютъ, когда выносятъ умершихъ, и смотрятъ, какъ кладутъ послѣднюю печать на могилѣ. Все это много немалого утѣшенія доставляетъ плачущему: проводы, погребеніе, сострадательность друзей облегчаютъ печаль. А я чѣмъ подобнымъ утѣшу себя въ горѣ? И рода смерти его не знаю, не имѣю и представленія о мертвомъ, которое бы отпечатлѣлось въ воображеніи при его кончинѣ. Чьи черты не преданы памяти зрѣніемъ, тотъ представляется намъ въ образахъ непостоянныхъ и неопредѣленныхъ, которые, такъ и иначе отпечатлѣваясь въ мысли, мучатъ ее, обманывая превращеніями сихъ мысленныхъ отпечатлѣній.

Какая неизвѣстность бѣдствія ! Какая неопредѣленность горя ! Не знаю, что и оцѣлывать, неизвѣстно мнѣ, о чемъ и сѣтовать. Пролить

ли слезы о мертвомъ, или о живомъ, о заключенномъ въ узы, или объ умерщвленномъ? О потерпѣвшемъ горькое рабство, или о подвергшемся болѣзнямъ смертнымъ? Плѣнникъ долженъ ожидать себѣ всякаго оскорбленія, когда бы и не думалъ, подвергается онъ наказаніямъ, воля господина властна сдѣлать о немъ всякій приговоръ.

До нынѣ все со мною раздѣлялъ ты, сынъ, а плѣнъ теперь испыталъ одинъ. Со мною раздѣлялъ ты дальнее путешествіе, бѣдствовалъ на чужой сторонѣ (ы), терпѣлъ злостраданія въ пустынѣ, во всемъ, что ни предпринималъ, подражая Исааку въ послушаніи его отцу. Почему же теперь разлучило тебя со мною послѣднее бѣдствіе, и одинъ ты исчерпываешь горести плѣна? Для чего оказано мнѣ это человѣколюбіе, и избѣжалъ я смерти, не извѣдавъ острія меча? Почему и меня разящая рука не присовокупила къ прочимъ мертвецамъ, но пощажень я для испытанія болѣшихъ бѣдъ, по зависти лишень скорого избавленія отъ горя, и вдали отъ тебя проливаю болѣзненные слезы?

Но поелику вижу, продолжалъ я, что состраждете вы мнѣ, и тѣ же питаете чувствованія, какія имѣю и самъ я страждущій, чему доказательствомъ служатъ и напряженное ваше вни-

(ы) Сие допущено изъ рукописи

маніе и частыя воздыханія ; то расскажу вамъ о себѣ подробно, не распространяясь въ словахъ ; имѣете ли только досугъ выслушать меня, и не призываетъ ли васъ какая необходимость къ удовлетворенію собственнымъ своимъ потребностямъ (ъ)? Ибо тяжель бываетъ рассказъ для души развлеченной, когда есть у ней помысль о чемъ-либо озабочивающемъ болѣе, нежели то, что слушаетъ.

Но въ лицѣ и въ голосѣ давъ замѣтить, что вопросъ этотъ имъ непріятенъ, сказали они: «какое же препровожденіе времени можетъ быть предпочтено сему—уврачевать скорбное сердце и избавить отъ печали болѣзную душу? Какъ облако перестаетъ быть темнымъ, источивъ изъ себя дождевыя капли, и постепенно теряетъ свою мрачность, очищаясь отъ водянаго тумана ; такъ и душа облегчаетъ свою горестъ, описывая свои бѣдствія и рассказомъ о причинахъ печали истощая въ себѣ непріятное ощущеніе. Горестъ, пока о ней молчишь, обыкновенно мучить, какъ и мокрота въ воспалинной ранѣ, въ которой гной (ѣ) непрестанно требуетъ себѣ выхода, и не имѣетъ пути, чтобы выдти вонъ и очистить парывъ».

(ъ) Въ рукописи читается: *εὶ σχολήν πρὸς τὴν ἀκρόβουλον ἄγετε, καὶ μὴ τις ἑμῶς ἀνάγκη πρὸς δικαίαν χορείαν κληθεῖ.*

(ѣ) По рукописи читается: *τῷ τραύματος* вмѣсто: *τῷ πάθους*, и *τῷ πλοῦ* вмѣсто: *τῷ ποιοῦ.*

Поэтому признали они справедливымъ, чтобы я рассказывалъ. И симъ-то начинаю мою повѣсть.

СКАЗАНИЕ ВТОРОЕ.

Святый Ниль рассказавъ, что̀ привело его съ сыномъ въ пустыню, и кратко упомянувъ о недавнемъ убиеніи святыхъ, на возраженіе собесѣдниковъ, что избиеніе сіе не согласно съ путями Божія промысла, многими примѣрами изъ священно́й исторіи доказываетъ противное.

Два родилось у меня сына, друзья: тотъ котораго сидя здѣсь оплакиваю, и другій, оставшійся при матери. По рожденіи ихъ оставилъ я сожителство съ супругою, разсудивъ, что и двоихъ достаточно, для продолженія ли то рода, для услугъ ли подъ старость. Для всякаго же разумнаго существа призналъ я приличнымъ, не до пресыщенія предаваться удовольствіямъ, и дозволеніемъ закона не злоупотреблять въ оскорбленіе природы, но, какъ можно скорѣе, полагать себѣ въ этомъ предѣлъ; какъ скоро услужилъ кто намѣренію (э) Сотворшаго, который

(э) Въсто: *тѣ σκότω*, по рукописи читается: *тѣ σκόπω*.

установилъ бракъ для размноженія рода, а не для удовлетворенія страсти. Иначе же, когда въ послѣдствіи силы увянутъ, пожеланія угаснутъ, сама собою наступитъ старческая тишина, преспѣяніе въ цѣломудріи принишется уже не ревности произволенія, а необходимости возраста. Ибо не извѣдавшій брани никогда не воздвигнетъ себѣ побѣднаго памятника, и по окончаніи борьбы ни одинъ борецъ не можетъ хвалиться побѣдою и тѣмъ, что онъ не палъ, когда некому было уже съ нимъ бороться. Но честь подвижнику, когда, во цвѣтѣ лѣтъ, въ жару вождельнія, въ пылу страстей, разумокъ его одерживаетъ верхъ надъ пожеланіями, сильное влеченіе къ супружескому сожитію, хотя оно и законно, подавляетъ въ себѣ, свидѣтельствуя тѣмъ, что полномочную власть имѣетъ онъ надъ собою.

Но меня влекло какое-то сильное желаніе къ симъ мѣстамъ, въ которыхъ теперь потерпѣлъ я утрату; весь окрыленъ былъ я помысломъ о безмолвіи; кромѣ этого не могъ ни о чемъ иномъ думать, ни на что и посмотрѣть. Ибо, когда любовь къ чему нибудь овладѣетъ душею, тогда съ великою силою отвлекаетъ ее отъ всего, даже весьма достойнаго ея вниманія, уносятъ же къ тому, что возлюбила, такъ что не смотритъ она на трудъ и утомленіе, не принимаетъ во вниманіе ни оскорбленій, всѣмъ усердно служить, добровольно отдаваясь въ полную

власть пожеланію, и съ пріятностію несеть на себѣ иго подчиненія, по самопроизвольной и охотно принятой необходимости.

Сія-то любовь предписывала мнѣ идти въ путь, и не могъ я противорѣчить повелѣвавшей такъ самоуправно: беру дѣтей (а они были еще очень малы), привожу къ матери, и одного отдаю ей, а другаго удерживаю при себѣ; сказываю ей, на что я рѣшился, и строго подтверждаю, что не переменю намѣренія. Она же, и прежде не пріучившись противорѣчить, и тогда по лицу моему увидя, что не послушаю просьбы, но, и принужденія не вынося и слезъ не удерживая, соглашается на мое путешествіе, уступивъ больше необходимости, нежели самымъ дѣломъ одобревъ мое произволеніе. Ибо видя, что рѣшеніе мое непремѣнно, и представляя себѣ скорбь разлуки, не позаботилась о своей печали, но поставила для себя цѣлію угодное мнѣ, и пожелала уступить побѣду въ томъ, въ чемъ не могла одержать побѣды, если бы и хотѣла.

Но знаете, какова разлука для тѣхъ, которые единожды навсегда по закону соединены союзомъ брака, по таинственному смотрѣнію Сочетавшаго содѣлались единымъ тѣломъ. Какую боль причиняетъ мечь, разсѣкающій тѣло, такую же причиняетъ и разлука для ставшихъ единою плотію. Дивился я тогда силѣ вождельнія, когда видѣлъ, что препобѣждало оно и природу и долговременную привязанность. Объ этой силѣ за-

ключилъ я потому, что разрѣшала она не разрѣшимыя узы, которыя можетъ расторгать одна смерть, дѣлая расторженіе сіе неболѣзненнымъ, потому что приводитъ въ безчувствіе. А въ живыхъ чувство дѣлаетъ болѣзнь сію еще невыносимою, напоминая и о привычкѣ и о расположеніи другъ къ другу, если только вождельніе высшаго блага не притупитъ вдругъ жага прежняго пожеланія.

Такое вождельніе содѣлало меня любителемъ сего безмолвія, и путеводило до вождельнной пустыни. И пустыня долгое время давала мнѣ возможность проводить жизнь съ пріятностію, наслаждаясь великою тишиною, при попутномъ вѣтрѣ направлять себя къ цѣли, пока, не знаю откуда и какъ, приблизившаяся буря не воздвигла этого волненія, которое подвергло крушенію сіи ладіи, несшія на себѣ тысячи святыхъ тѣлъ,—подвергло крушенію, но не потопленію, разбило ихъ, но не причинило вреда ихъ грузу: потому что, все пріобрѣтенное куплею кормчіе сіи взявъ съ собою, привели ладіи изъ моря къ небу, одни отнадшія доски оставивъ въ добычу разбойникамъ.

Какая же причина избіенію святыхъ? сказали собесѣдники. Почему неукоризненно служащіе Богу преданы на погибель нечестивымъ, ставъ игралищемъ варварской руки? Почему въ бездѣйствіи оставалась сила Промысла, взирая въ молчаніи на таковое злодѣяніе, не воспрепят-

ствовала, хотя и могла, сему нашествію, не поразила слѣпотою приближавшихся злоумышленниковъ, не изсушила незаконныя десницы, простертыя на святыхъ, что, какъ повѣствуетъ писаніе, неоднократно бывало для блаженныхъ мужей? Ибо нѣкогда Вавилоняне, несправедливо ополчившіеся на Езекию, возвратились ни съ чѣмъ. Не въ силахъ были причинить обиду притѣсняемымъ, утратили многихъ изъ собственнаго своего воинства, и когда въ цѣломъ станѣ предались всѣ сну, весьма малое число живыхъ оказалось поутру, потому что сто восемьдесятъ пять тысячъ преданы были смерти, и никто не могъ сказать, какъ они убиты, и кто ихъ умертвилъ. Такое безмолвное пораженіе было дѣломъ одного Ангела въ одну ночь; ряды вооруженныхъ мертвецовъ лежали, и казались болѣе спящими, нежели умершими, не имѣли на себѣ ранъ отъ меча, но не имѣли въ себѣ и жизни, дѣйствительно же стали мертвы, хотя и не показывали на себѣ слѣдовъ убіенія,—чѣмъ въ великое недоумѣніе приводили своихъ. Каждый пробуждаясь толкалъ своего сосѣда, но тотъ былъ неподвиженъ; кликалъ его, но онъ оставался безгласенъ: осматривалъ его тѣло, и оно не было язвлено; искалъ дыханія въ ноздряхъ, и не оказывалось тамъ искомаго; наконецъ возсіявшее поутру солнце объяснило постигшее бѣдствіе, въ цвѣтѣ лица умерщвленныхъ показавъ признаки смерти. А также пришедшіе къ

Елиссею Ассириане и искавшіе святаго, чтобы убить его, и Содомляне, приступавшіе къ Лоту дому для поруганія Ангеловъ, поражены были слѣпотою и преданы въ посмѣяніе тѣмъ, кого искали, стали игралищемъ тѣхъ, кому хотѣли причинить обиду. Одни въ разслабленіи ошупью искали двери, другіе не знали, куда идутъ за вождемъ: хотя подлѣ нихъ былъ ими искомый, однако же не въ силахъ были къ нему приблизиться, на подобіе больныхъ и увѣчныхъ; облечены были въ полное оружіе, но оно оставалось въ бездѣйствіи, какъ у лишенныхъ или силы или членовъ для воинскихъ отправленій, потому что взоръ, предводительствующій ими, или совершенно умеръ, или погруженъ былъ въ глубокомъ снѣ. Поэтому за однимъ безоружнымъ слѣдовало множество плѣнныхъ враговъ, и могло бы легко быть уничтожено на стремнинахъ и въ пропастяхъ, если бы то было въ намѣреніи и произволеніи ведущаго: но они спаслись, когда попечительною Пророка возвращено имъ зрѣніе, и могли они увидѣть путь ведущій въ собственное ихъ отечество. Въ другое время, когда нечестивый царь, прогнѣвавшись на Пророка, обличавшаго его беззаконіе, простеръ на него вооруженную руку, меченосная рука его осталась простертою въ обличеніе убійственнаго изволенія, и поднятая вверхъ была суха, какъ у статуи, которая не можетъ дать себѣ иного положенія, кромѣ того, какое полу-

чила въ началѣ отъ вылившаго ее художника. И сіе было для того, чтобы пророческое тѣло не потерпѣло обиды, какую готовила ему незаконная рука, служа несправедливому гнѣву, И такъ почему же умершіе нынѣ умерли какъ безпомощные? Воля убійць удобно совершила дѣло, никто и нигдѣ не противопоставилъ имъ препятствія?

Должно ли теперь, сказалъ я, вести рѣчь о промыслѣ? Да и кто въ состояніи постигать суды Божіи, чтобы при такомъ разнообразіи событій доказать правдивость Божія домостроительства? Всякій человѣческой разсудокъ, если внимательно входитъ въ такое изслѣдованіе, теряется, препобѣждаемый трудностію уразумѣнія, не находя благовидной причины, какую можно было бы приложить къ событіямъ. Ибо и древле бывало много подобнаго, и козни людей лукавыхъ достигали своего конца, а правосудіе пока молчало, не наказывая дерзкихъ и медля отмщеніемъ; потому что изслѣдованіе всего этого, безъ сомнѣнія, предоставляется времени суда. Почему Авеля, благочестіе котораго засвидѣтельствовано Богомъ, позавидовавъ убилъ Каинъ, и тѣмъ опечалилъ родителей, никогда еще не видѣвшихъ мертвеца и совершенно незнавшихъ опытно смерти, разгнѣвалъ Бога тѣмъ, что отважился на сіе первое убійство, въ новой твари уменьшилъ едва начавшій размножаться родъ, не пожалѣлъ брата, съ которымъ раздѣлялъ общее

и рожденіе и воспитаніе, не захотѣль имѣть утѣшенія въ уединеніи, будучи долженъ жить одинъ на такой широтѣ земли, потому что людей было не много, и не утѣшали они другъ друга своею многочисленностію? Почему беззаконная Іезавель велѣла побить камнями Навуея, неуступавшаго ей во владѣніе виноградника? Почему отъ одного меча Доикова пало триста шестьдесятъ три іерея? И еще въ Іерусалимѣ овладѣвшими имъ врагами избито безчисленное множество праведныхъ и предано на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, о которыхъ пѣснопѣвецъ, оплакивая ихъ, сказалъ: *положиша трутня рабъ Твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ Твоихъ звѣремъ земнымъ: проліяша кровь ихъ яко воду окрестъ Іерусалима, и не бѣ погребайи* (Псал. 78, 2. 3.). Почему умирали лики Пророковъ и Апостоловъ, по злоумышленію беззаконныхъ претренныя плюю, усѣченныя мечемъ, побитыя камнями, когда не только не сдѣлали ничего достойнаго смерти, но еще были всегда благодѣтелями умертвившихъ? Не буду говорить о невинномъ возрастѣ младенцевъ, изъ которыхъ одни при Фараонѣ потпяемы были въ рѣчной водѣ, присужденные на сію смерть изъ опасенія, чтобы не умножилось юношество, а другіе при Иродѣ, чтобы не воспитанъ былъ въ тайнѣ подозрѣваемый имъ царь, жалкимъ образомъ убиты мечемъ, прежде нежели вкусили сладостей жизни испытавъ бо-

лѣзни смертныя. И при всемъ этомъ безмолвствовала Судія, невозбранно попустивъ своевольствовать дерзости убійць. потому что день суда назначилъ для нихъ предѣломъ воздаянїя за содѣянное, и до тѣхъ поръ оказываетъ долготерпѣніе, и преступленіе законовъ, и отвѣтственность за это, соблюдая до онаго времени. Но касаться сихъ ученій, какъ сказалъ я предварительно, не соотвѣтствуетъ ни настоящему времени, ни моимъ силамъ. Много нужно времени, и искусный потребецъ языкъ, чтобы согласить это съ правдою Божіею.

Но что теперь побуждаетъ сказать меня горе мое, то скажу; можетъ быть и для меня будетъ это легче, когда облегчится нѣсколько нестерпимое мое мученіе; потому что не могу перенести воспоминанія о томъ, что видѣлъ на самомъ дѣлѣ. Не знаю, какъ перенесъ я это, когда извѣдалъ на самомъ опытѣ, потому что всячески избѣгаю болѣзненнаго о семъ воспоминанія. Готовъ я досадовать на глаза мои, которые стали виновниками преслѣдующихъ меня образовъ, будучи принужденъ постоянно видѣть ихъ передъ собою; непрестанно ощущаю уязвляющее меня горе, — ночью въ сновидѣніяхъ, а днемъ въ помыслахъ, причиняющихъ жестокою скорбь, потому что, когда я сплю, не имѣю беспечальнаго сна, какъ многіе послѣ дневныхъ заботъ во время сна находятъ успокоеніе; и тогда смущаетъ меня представленіе совершив-

шагося, въ ясныхъ призракахъ показываесть только что убитаго и еще тренещущаго, какъ бы новымъ горемъ обновляя прежнюю скорбь.

Но для послѣдовательности, дающей удобство слову, нужно сперва описать житіе святыхъ въ этихъ мѣстахъ и сказать о жизни нападшихъ варваровъ, чтобы цѣлый составъ исторіи имѣлъ связную стройность, и не было опущено ничего такого, о чемъ необходимо знать любующимъ; потому что умолчанное огорчаетъ ревнующихъ о приобрѣтеніи свѣдѣній, равно какъ неудача въ достиженіи того, что было желатель-но, всегда оскорбляетъ, пока познанное неудов-летворить желанію.

СКАЗАНИЕ ТРЕТІЕ.

Правы и религія Аравитянъ; также добродѣтели и труды святыхъ пустынниковъ, подвизавшихся при горѣ Синайской.

Итакъ упомянутый выше народъ обитаетъ въ пустынь, простирающейся отъ Аравіи до Египта между Чернымъ моремъ и рѣкою Іорданомъ, не занимаясь никогда ни искусствомъ, ни торговлею, ни земледѣіемъ, но въ одномъ мечѣ находя способъ къ пропитанію. Варвары сіи,

или охотясь за пустынными животными, проводят жизнь, питаюсь мясомъ, или грабя встрѣчающихся на дорогахъ, гдѣ устрояютъ имъ засады, чѣмъ случится, удовлетворяють необходимой потребности. Когда же бываетъ недостатокъ въ томъ и другомъ и совершенное оскудѣніе въ необходимомъ для жизни; тогда употребляютъ въ пищу вьючныхъ животныхъ (а это одnogорбые верблюды), и ведутъ жизнь звѣрскую, питаюсь почти сырымъ мясомъ. Ибо когда для цѣлаго родства, или для живущихъ въ одной кущѣ, закалаютъ верблюда, тогда, въ легкомъ жару на огнѣ смягчивъ жесткость мяса, чтобы безъ большаго только усилія, уступало оно терзающимъ зубамъ, ѣдятъ оное, такъ сказать, какъ псы.

Не зная Бога, ни умомъ познаваемаго, ни рукотвореннаго, поклоняются они утренней звѣздѣ, при восхожденіи ея приносятъ въ жертву лучшее изъ добычи, когда послѣ разбойническаго набѣга бываетъ у нихъ что нибудь годное для заклениа. Но стараются наипаче приносить въ жертву дѣтей, отличающихся красотой и цвѣтущимъ возрастомъ, совершая сіи жертвенныя приношенія предъ утромъ на складенныхъ въ кучу камняхъ.

Сіе-то, друзья мои, краіше меня мучить и смущаетъ; боюсь, чтобы и сынъ, имѣя видъ пріятный и привлекательный, симъ беззаконнымъ не оказался. по ихъ мнѣнію, пригоднымъ

для сего обычнаго имъ нечестія, и тѣло чистой души не было принесено въ жертву за нечистыхъ убійственнымъ демонамъ, ставъ искупительнымъ и очистительнымъ, какъ думаютъ они, приношеніемъ за нихъ, приобыкшихъ не щадить таковыхъ человѣческихъ жертвъ. Ибо не знаютъ они жалости къ умерщвляемымъ дѣтямъ, хотя бы тѣ стали умолять ихъ жалобнымъ голосомъ.

А когда нѣтъ на жертву дѣтей, бѣлаго цвѣтомъ и не имѣющаго недостатка верблюда, заставивъ преклонить колѣна, и протянувшись всѣ длинною цѣпью, троекратно обходятъ вокругъ лежащаго животнаго. Шествіе же сіе и пѣснь сложенную ими въ честь звѣзды предназначаетъ кто-либо или изъ царствующихъ, или изъ жрецовъ, почтенныхъ по престарѣлому возрасту. Онъ-то послѣ третьяго обхожденія, когда народъ не кончитъ еще пѣсни, и въ устахъ всѣхъ слышны заключительныя слова пѣснопѣнія. извлеки мечъ, сильно поражаетъ верблюда въ шею, и первый съ цоспѣшностію отвѣдываетъ крови, такъ подходя и прочіе, одни отрѣзываютъ ножами по малой части отъ дара даже съ волосами, другіе отсѣкаютъ и полищаютъ, какой случится, кусокъ мяса, иные же простираются до внутренностей и утробы, ничего изъ жертвы не оставляя неупотребленнымъ въ пищу, чтобы ничего не могло увидѣть возшедшее солнце; потому что не отказываются ни отъ костей,

ни отъ мозговъ, препобѣждая жесткость постоянствомъ и твердость старательностію. Таковъ-то у варваровъ законъ жизни и богослуженія. Такъ живя въ пустынѣ, переходятъ они съ мѣста на мѣсто; располагаются станомъ тамъ, гдѣ есть привольный кормъ скоту, и гдѣ можно найти обильную воду.

Но не многія мѣста въ этой пустынѣ, гдѣ тѣлесной потребности можно удовлетворить обиліемъ воды, избрали для себя проходящіе шоческую жизнь, и одни построили себѣ хижины, другіе живутъ поселясь въ подземельяхъ и пещерахъ. Не многіе изъ нихъ, зная приготовленіе пищи изъ хлѣбныхъ зеренъ, бесплодіе этой пустыни прилежаніемъ могутъ принудить къ произращенію жита, малымъ заступомъ воздѣлывая небольшое количество тощей земли, сколько нужно, чтобы прожить со скудостію. Многіе же, возлюбивъ наскоро уготовляемую и безъискусственную трапезу, употребляютъ въ пищу дико растущіе овощи и древесные плоды, и навсегда распростились съ хлопотами поваровъ и хлѣбопекровъ, чтобы, потративъ много времени на услуженіе тѣлу, не стать нерадивыми къ занятію чѣмъ-либо болѣе необходимымъ, но чистымъ умомъ трезвенно служить Богу, не обременяя помысла упоеніемъ плоти и запахомъ вареній не льстя сластолюбію чрева.

А нынѣ такъ усилилось ненасытное сластолюбіе, что и зрѣніе и обоняніе и вкусъ заставляеть

служить прихоти смѣшиваніемъ соковъ въ различные по запаху, цвѣту и качеству составы, уразноображивающіе то, что служитъ къ воспламененію сластолюбія. Для людей лакомыхъ недостаточно разности во вкусѣ и различія въ запахѣ съѣстныхъ припасовъ, если не будетъ раздражать позыва къ пожеланію пищи разнообразіе въ цвѣтѣ вареній, чтобы прежде вкушенія услаждалось зрѣніе желтымъ, бѣлымъ или водянисто-чернымъ цвѣтомъ. А чтобы услаждалось также и обоняніе, надобно примѣшивать къ вареніямъ самыя благоуханныя благовонія, и чтобы вкушасяе пріятно еще было гортани, для услажденія ея должны быть смѣшиваемы вещи разныхъ качествъ, сладкое и пряное нужно срастворять съ горькимъ (ю) и соленымъ. Но надобно и зрѣніе не лишать наслажденія. Для этого желтякъ (я), сарачинское пшено, шафранъ, молоко изъ орѣховъ и другія многія различно окрашивающія вещества живописными смѣсями приправляютъ цвѣтъ кушанья, чтобы этотъ господинъ—чрево по всему признавалъ тщательность приуготовленія, повѣривъ сказаннымъ чувствамъ, какъ опытнымъ судіямъ, умѣющимъ хорошо оцѣнить ощущасяе имп.

Но не таковъ былъ образъ жизни упомянутыхъ выше пустынниковъ; не за удобствами

(ю) По рукописи вмѣсто *сѣфѣн* читается *сѣфѣйн*.

(я) Растеніе называсяе иначе куркума.

гнались они, и не только отказывали себѣ въ томъ, что пріятно по качеству, надъ всѣмъ, что сверхъ потребности, посмѣваясь какъ надъ напраснымъ и бесполезнымъ, но и во многомъ изъ того, чѣмъ изобилуютъ, ревность къ воздержанію простерли на самое количество, принимая пищу въ такой только мѣрѣ, чтобы не умереть вопреки волѣ Жизнодавца, и чрезъ это не понести утраты въ наградахъ за дѣланіе добраго въ жизни сей. Поэтому, одни прикасаются къ пищѣ только въ день воскресный, продолженіе всей седмицы проводя въ неяденіи, другіе избрали средній путь, предлагая трапезу дважды въ седмицу, иные же вкушаютъ пищу чрезъ день, показывая своею рачительностію, что желали бы они ни въ чемъ не имѣть нужды, и жить не вкушая пищи, но покоряются законамъ природы, едва склоняемые къ тому нуждами тѣлесными, и тогда только снисходя къ удовлетворенію сей потребности, когда дознаютъ, что жизненная сила совершенно изнемогаетъ и не въ состояніи услуживать добродѣтели въ предстоящихъ трудахъ. Ибо въ каждомъ такова ревность къ ангельскому житію, что свойству Ангеловъ, ни въ чемъ не имѣть нужды, хочеть онъ подражать тѣмъ, чтобы довольствоваться малымъ, и старается недостатокъ природы препобѣждать избыткомъ усердія.

Не въ обращеніи у нихъ *златица* Кесарева (Матѳ. 22, 19.): потому что не знаютъ ни купли,

ни продажи. Каждый даромъ доставляетъ другому нужное, и въ даръ за то получаетъ, чего недостаетъ ему. Овощи, древесные плоды и въ рѣдкость хлѣбъ взаимно удѣляются другъ другу съ щедростію, въ знакъ любви даже въ избыткѣ употребляющею то, что у кого есть; придаетъ же ей цѣну не разнообразіе вещей, но великодушіе въ расположеніи, и въ малыхъ дарахъ весьма ясно показывая богатство усердія.

Напротивъ того никогда не имѣетъ тамъ мѣста зависть, обыкновенно всего чаще слѣдующая за преслѣбніями; и кто менѣе благопсуксень въ добрыхъ дѣлахъ, того не побуждаетъ къ ненависти превосходство другаго, болѣе, нежели онъ, отличающагося добрыми дѣлами, какъ и послѣдняго не надмеваетъ гордость къ превозношенію надъ первымъ, внушая высоко думать о своихъ успѣхахъ; потому что преимуществующій высоту добродѣтели, приписывая все Божіей силѣ, а не своимъ трудамъ, добровольно смиряетъ себя, какъ не самодѣтель добраго, но орудіе дѣйствующей благодати. А менѣе преслѣбній въ добродѣтели, можетъ быть по тѣлесной немощи, по неволѣ унижаетъ себя, вмѣняя безсиліе не немощи естества, а нерадѣнію воли. И такимъ образомъ одинъ предъ другимъ, и всѣ предъ всѣми, смиренны, и каждый старается имѣть преимущество не въ высокомъ о себѣ мнѣніи, но въ свѣтлости жизни. Для сего-то, бѣжавъ общ-

таемой вселенной, поселились они въ пустынь, преспѣянiя свои являя единому Богу, отъ Котораго ожидаютъ дѣлающимъ награды за труды, дѣлiи же своихъ по Богу не являютъ людямъ, которыхъ похвала причиняетъ обыкновенно утрату и усердiя и наградъ, ослабляя первое высокоумiемъ, до нерадѣнiя, и умаляя послѣднiя обольщенiемъ славы. Ибо кто ищетъ челоуѣческой славы за то, что онъ дѣлаетъ, тотъ, получивъ награду, какой искалъ, лишается награды истинной, не имѣя уже права требовать себѣ иной награды кромѣ той, какую прiобрѣлъ (е). И какъ великiе труды совершилъ онъ, будучи превозмогаемъ челоуѣческою славою, то лишается славы вѣчной и истинной.

Живутъ же они не близко другъ къ другу, но довольно далеко, помѣщаясь въ келiяхъ одинъ отъ другаго въ разстоянiи двадцати и болѣе стадiй (v), не по челоуѣконенавидѣнiю, или дикости права (ибо возможно ли сiе въ людяхъ столько благорасположенныхъ другъ къ другу, какъ было о семъ сказано?), но желая въ великомъ безмолвiи прiобучить нравы свои, какъ благоугождать Богу, и стараясь безъ развлеченiя совершать собесѣдованiе свое съ Богомъ. Преусиѣтъ же въ этомъ среди многолюд-

(е) По рукописи читается сiе такъ: *ἄλλον ἀπέντι ἔχων ἐυλόγως ἀπαιτῆν, παρὸν ἐκιδρόσαστο.*

(v) Около 3½ верстъ.

ства и народнаго стеченія или трудно, или и невозможно; потому что шумъ окружающихъ отвлекаетъ помысль отъ напряженной внимательности, заставляетъ останавливаться, надъ чѣмъ не должно, а отъ того, къ чему приобучилъ кто себя долговременнымъ навыкомъ, отвлекаться болѣе пріятнымъ, нежели полезнымъ.

Но въ воскресные дни собираются они въ одну церковь, сближаясь другъ съ другомъ черезъ недѣлю, чтобы совершенное также разлученіе со временемъ не пресѣкло единомыслія, постепенно приводя въ забвеніе взаимныхъ обязанностей другъ къ другу; потому что продолжительное одиночество дѣлаетъ обыкновенно нравъ дикимъ, долговременною привычкою отучая отъ общительности и единенія любви. Посему вмѣстѣ приобщаются они божественныхъ тайнъ, услаждаютъ другъ друга упражненіемъ въ приличныхъ бесѣдахъ, умащаютъ одинъ другаго нравственными совѣтами.

Въ нихъ-то особенно имѣетъ нужду для своихъ подвиговъ доблестная жизнь, для которой необходимо приводить въ извѣстность сокровенныя козни сопотвнниковъ, чтобы не уловлены были ими иные, не знающіе хитраго способа сей брани. Ибо кому недостаетъ самаго вещества для приведенія чего-либо въ дѣло, въ тѣхъ и грѣхъ не приходитъ въ дѣйственность, и вся брань совершается въ мысли. Здѣсь и смерть

постигаетъ скоро и непримѣтно, даже тѣмъ, которые видятъ одну виѣшность, не можетъ быть засвидѣтельствована, какъ состоящая въ согласіи только произволенія.

Посему упражнявшіеся въ подвигѣ, руководя неопытныхъ и едва начинающихъ бореніе, совѣтуютъ воздержаніемъ противостать страсти чревоугодія; потому что страсть сія нападаетъ на душу, раздражая бѣшеное неистовство похотливости, испытывая силы едва вступившихъ на поприще, устоятъ ли на ономъ, незыблемо утвердивъ колѣна свои, и крѣпко ли они ополчены, и не могутъ ли скоро отдаться въ руки сопротивникамъ. Ибо кто преданъ сластолюбію, тотъ скоро пренобѣждается и связуется сладострастіемъ, преодолѣніемъ себя въ меньшемъ обѣщая большее паденіе. И въ разсужденіи сего-то проходящимъ еще дѣтскіе подвиги подають совѣты старѣйшіе предъ ними, и по продолжительности времени и по долговременной борьбѣ содѣлавшіеся опытными въ подвижничествѣ, и ясно узнавшіе, какъ разрѣшаются таковыя узы сопротивныхъ.

И сіи совершеннѣйшіе, какъ себѣ самимъ, такъ и другъ другу, воспрещаютъ тщеславіе и гордость, совѣтуя остерегаться ихъ, какъ подводныхъ близъ пристани камней, которые, послѣ великихъ трудовъ въ плаваніи и послѣ борьбы съ волнами, подвергаютъ послѣдней и гибельной опасности не потерпѣвшихъ крушенія среди

треволненія страстей и при обуреваніи нечистыми помыслами. Ибо застигаемые бурей въ моряхъ, по причинѣ одна за другою катящихся волнъ и бушеванія вѣтровъ, боясь близкихъ опасностей, принуждены бываютъ бодрствовать и трезвиться, но иногда около самой пристани, гдѣ нѣтъ уже волненія, по безопасности ослабѣвъ помысломъ, сокрушаются о сокрытыя мелн, при самомъ устьѣ пристанища теряя вдругъ всю куплю, не погубленную среди морскихъ обуреваній. Такъ и тѣ, которые не уступали прираженіямъ искушеній, но въ подвигахъ и терпѣніи миновали ихъ невредимо, нерѣдко, послѣ побѣды; или смѣло положившись на снисканное искусство въ преспѣваніяхъ, или по високоумію превознесшись нѣсколько надъ другими, повидимому, болѣе нерадивыми, подобно борцамъ у самыхъ вѣнцевъ и наградъ падаютъ такимъ паденіемъ, послѣ котораго невозможно востать и поправиться, или подобно пловцамъ, по совершеніи онаго дальняго и страшнаго плаванія, теряющимъ грузъ, вдругъ безвременно губятъ съ усиленіемъ мало по малу добытое богатство и по причинѣ сей утраты, подпадаютъ укоризнамъ за нерадѣніе.

Но какъ тщеславіе справедливо лишаетъ наградъ за дѣла, и самое дѣланіе содѣлываетъ бесполезнымъ для трудящихся: такъ гордость вмѣстѣ съ утратою приносить и великую опасность въ самомнѣніи, отвергая, что Богъ — по-

мошникъ во всемъ добромъ, и себѣ приписывая силу преспѣянiя въ добрѣ. Посему такъ говорить о нихъ Пророкъ: *собирайи мзды, собира во влагалнице дираво* (Агг. 1, 6.); едва вложенныя онѣ уже выпадаютъ, не оставаясь на долго во влагалницѣ, но скоро проходя по оному; потому что отверстiе, въ которое выпадаютъ, гораздо шире принимающаго въ себя влагаемое. Таково тщеславiе; у него прiобрѣтению сопутствуетъ потеря, во время самаго дѣла грубостию расположенiя уничтожаетъ оно дѣлаемое. О гордыхъ же говорить приточникъ: *Господь гордымъ противится* (Притч. 2, 34.), отвергнутого противопоставляя непрiязненнымъ врагомъ отвергающихъ. Посему отшельники, представляя себѣ гражданъ этой пустыни, Моисея и Илю, поучаются ихъ некичливости, признавая справедливымъ подражать добродѣтели тѣхъ, въ чьей обитають странѣ. Ибо и Моисея не привело въ высокоумiе величiе власти, и Илю не надмало до высокоумiя чудо при жертвоприношенiи; но, всегда сохраняя тотже образъ мыслей, не измѣнялись они съ перемѣною обстоятельствъ.

Въ сей пустынѣ Моисей, избѣгая египетскихъ козней, и пася овецъ Иоворовыхъ, содѣлался зрителемъ чуднаго видѣнiя, дознавъ тогда, что вѣтви купины крѣпче всепоядающаго огня, и видѣвъ, какъ трава зеленѣетъ среди пламени, а въ послѣдствii предводительствуя народомъ, на сей же горѣ сталъ онѣ законодателемъ тогда

іудейскаго только, а нынѣ и всякаго, народа ; потому что благодать по естественному средству простирается на весь челоѣческій родъ, и уставы житія, хотя нѣкогда, до уясненія своего, оставались сокрытыми подъ спудомъ буквы, бывъ поставлены на свѣщникѣ, возсіяли для всѣхъ.

А Илія пришелъ сюда, спасаясь бѣгствомъ отъ Іезавели. И уснувъ на этой землѣ, когда всталъ, нашелъ ячменный хлѣбъ и *чванецъ воды* (3 Цар. 19, 6.) ; и жилъ въ этой пещерѣ, прикрывая тѣло милотію, симъ древнимъ одѣяніемъ предковъ, и увидѣлъ здѣсь Бога въ *хладъ тонколъ* (12.), и услышалъ гласъ, возвѣщающій, чему опредѣлено быть.

Но послѣднимъ и первымъ признакомъ твердости и терпѣнія сихъ пустынниковъ служить то, что проводятъ они жизнь въ той пустынѣ, въ которой Израильтяне, проходя только оную, возроптали, питаюсь готовою съ неба божественною пищею, и жалуясь на сію трапезу, а также не перенесли сорокодневнаго отсутствія своего вождя, и не умѣли, какъ должно, управить полномочіемъ свободы, но вскорѣ отпали и худо воспользовались безначаліемъ, предавшись нечестію. Но сіи пустынники, терпя недостатокъ въ необходимомъ, во всякое время любомудрствуютъ въ пустынѣ, сами себѣ служа учителями благочестія.

СКАЗАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Внезапное нашествіе варваровъ , избіеніе нѣсколь-
кихъ святыхъ яноконъ; плѣненіе Θεодула, сѣтова-
ніе святаго Пила въ уединеніи и утѣшвленіе его.

Но между тѣмъ, какъ отшельники сіи, въ та-
комъ расположеніи духа, усердно служатъ Богу;
внезапно, сверхъ чаяніа подобно бурѣ, напада-
етъ на нихъ откуда-то варварская дружина ; и
въ глубокое утро сіи незаконные устремляются
на богочестивыхъ , едва только окончившихъ
священныя пѣснопѣнія. Случилось , что и я съ
сыномъ былъ тамъ же, сошедши съ святой горы
посѣтитъ жившихъ при купинѣ святыхъ , какъ
привыкъ сіе дѣлать издавна. Варвары, подобно
бѣшенымъ псамъ ворвавшись и крича что-то
непонятное, собирая все, что было заготовлено
для пропитанія въ зиму (ибо монахи сушатъ и
сберегаютъ на такую потребность древесные
плоды, которые годны въ пищу, и могутъ долго
сохраняться), и насъ самихъ заставивъ носить
это, выводятъ изъ церкви. И тѣхъ, которые
старѣе годами, совлеки съ нихъ платье, на-
гихъ ставятъ въ рядъ для убіенія, потомъ, окру-
живъ ихъ съ яростію и искоса бросая на нихъ
огненные взгляды, извлекаютъ мечи.

Сперва приказываютъ протянуть шею іерею святаго мѣста, и стоявшіе около него, которыхъ было двое, наносятъ ему мечами удары, не оба вдругъ, но одинъ за другимъ, съ той и съ другой стороны, поразивъ въ затылокъ. Іерей не произнесъ жалобы на боль, не показавъ смущенія въ лицѣ, не обнаружилъ и слѣда страданія, но только положилъ на себя крестное знаменіе, и тихо произнесъ устами: благословенъ Господь! Первый ударъ, отъ затылка прошедши чрезъ ухо, достигъ до челюсти; а второй отъ плеча простерся до груди. И такимъ образомъ блаженный, тихо восколебавшись, палъ въ благопристойномъ видѣ, умерщвляемый и обнаженный не показавъ въ себѣ ничего неприличнаго; какая-то пріятность процвѣтала въ его тѣлѣ и прикрывала неблагообразіе наготы. Сіе-то святый только что съ вечера пророчески далъ знать и дѣломъ и словомъ, когда бывшимъ за вечернею трапезою съ необычною для него ласковостію сказалъ: почему знать, соберетъ ли всѣхъ насъ во едино, хотя еще разъ до смерти, это пиршество, эта трапеза?

Потомъ берутъ и умерщвляютъ жившаго вмѣстѣ съ старцемъ, дряхлаго также по лѣтамъ и крайне обветшавшаго отъ подвижническихъ трудовъ. Въ слѣдъ за тѣмъ умерщвляютъ и прислуживавшаго обопмъ отрока, и именно такимъ образомъ. Одинъ изъ варваровъ велѣлъ ему собрать разсыпавшіеся древесные плоды, отрокъ

въ угожденіе приказавшему садится на землю, тщательно набиваетъ пазуху, сгребая руками лежащіе передъ нимъ плоды, какъ было ему велѣно, всѣми мѣрами показывая стараніе угождать, какъ способный къ услугамъ, и думая, что, оказавшись рачительнымъ, искупитъ тѣмъ жизнь. Но нисколько не помогло ему это. Не смягчилъ онъ варварской жестокости и не привелъ въ кротость, которая далека была отъ естественнаго варварскаго помысла; другою, стоявшею позади, тайно извлекъ мечъ изъ ноженъ. Отрокъ, или слыша, какъ извлекаемъ былъ мечъ, или предчувствуя готовящееся ему убіеніе, какъ испуганный шумомъ, обращаетъ при этомъ нѣсколько смущенное страхомъ лице, но стоящій передъ нимъ еще болѣе устрашаетъ его варварскимъ крикомъ и блуждающими взорами, и тогда варваръ съ великою силою вонзаетъ въ ключицу мечъ, прошедшій прямо отъ поддерживающей печень связки до груди; и отрокъ прежде нежели мечъ извлеченъ былъ обратно, лежитъ уже мертвымъ; или отъ страха умеръ онъ, или, такъ какъ ударъ былъ смертеленъ, то, прежде нежели ощутилъ онъ смерть, душа немедленно исторглась изъ тѣлесныхъ сосудовъ, и разрѣшилась отъ узъ, изъ которыхъ съ трудомъ исходитъ, будучи связана съ тѣломъ крѣпкими узамн.

Остальныхъ же насъ, не знаю по какому побужденію, гонятъ, давая знакъ рукою, чтобы

мы бѣжали, въ рукахъ же держать еще окровавленные мечи. И пные, поспѣшая достигнуть горы, побѣжали ущельями, а на самую гору не всходятъ, держась той мысли, что стоялъ на ней нѣкогда Богъ, и вѣщалъ съ нея народу.

Но я оставался безмолвнымъ въ сплномъ затрудненіи, связуемый нѣжною любовію къ сыну, не имѣлъ силъ удалиться, не думалъ и о спасеніи своемъ, удерживаемый узами естества, пока сынъ не сталъ мнѣ дѣлать знаковъ глазами, побуждая уйдти, чѣмъ едва и заставилъ удалиться. Ноги мои шли впередъ, за ними, не знаю какъ, слѣдовало все тѣло; но сердце не хотѣло идти, заставляя часто обращать лице къ отроку; не имѣлъ я силъ остановить взоръ на себѣ самомъ, не продолженіемъ пути занимался, но съ жалостію обращалъ взоры назадъ. Такъ однако же достигъ я до горы, слѣдуя за шедшими впередъ, и съ высоты смотрѣлъ, какъ вводили бѣднаго сына, и какъ онъ, не смѣя глядѣть свободно, украдкой отъ вводившихъ обращалъ ко мнѣ (а) скрытные взоры.

Таковы узы естества, не расторгаются они при разлукѣ тѣлесной, но скрѣпляются еще сильнѣе. Когда душа не имѣетъ близъ себя любимаго, тогда въ отсутствіи (б) еще болѣе влечется къ нему, и всецѣло имъ занимаетъ память,

(а) По рукописи вмѣсто *ὡς ἐμὲ* читается. *εἰς ἐμὲ*.

(б) По рук. вмѣсто *ἐπιθυμοῦσι* читается: *ἀποθυοῦσι*.

не имѣя при себѣ того, что могло бы удовлетворить вождѣнію. А какъ велика скорбь и какъ жестоко мученіе разлучаемыхъ такимъ образомъ, знаютъ извѣдавшіе это опытомъ : не испытавшіе же пусть научатся сему изъ примѣра безсловесныхъ, въ которыхъ безъ науки вложено естественное непреодолимое чувство сострадательности у дѣтей къ родившимъ и у родившихъ къ дѣтямъ, и оно въ родившихъ къ дѣтямъ при разлученіи съ ними разными признаками и явными страданіями изобличаетъ (в) нѣжную привязанность. Такъ уводимая крава болѣзненно и не умолкая мычитъ, часто оборачиваясь къ увлекаемому отъ нея телцу, и глазами выражаетъ (г), какъ велико ея страданіе. Поелику природа для безсловесныхъ не имѣла другаго орудія, которымъ бы обозначалось ощущаемое ими страданіе ; то однимъ глазамъ присвоила способность служить знаками печали, и сдѣлала, что потушенные глаза какъ бы вопіютъ о томъ состояніи, которое сдѣлать извѣстнымъ нѣтъ другой возможности. А увлекаемый телець, не даваясь уводящимъ его насильно, иногда, какъ къ священному убѣжищу, прибѣгаетъ къ матернимъ сосцамъ, и поелику не можетъ обнять ихъ руками, то держится за нихъ пока ртомъ, а иногда кружится около матери, и порывистыми

(в) По рукописи вмѣсто *ἐλέγχοντα* читается *ἐλέγχουσα*.

(г) И здѣсь по рукоп. читается *δείλνυσα*, а не *βοῦσα*.

скачками сказываетъ о своей пуждѣ, потому что лишень дара слова, которое могло бы объяснить страданіе жалобами.

Но не знаю какъ, явившись на верху горы, потому что помысль не сопутствовалъ уводимо-му, и занятъ былъ только бѣдствіемъ сына, вотъ не вижу болѣе и его, сокрытаго отъ взора великимъ разстояніемъ, и не зная, что съ нимъ дѣлается, обращаю слова свои, какъ и естественно, къ Богу, оплакивая плѣнь сына и сѣ-туя объ избѣнныхъ святыхъ, и говорю: гдѣ же теперь труды воздержанія вашего, блаженные и треблаженные? гдѣ злостраданія терпѣнія? Ужели этотъ вѣнецъ пріяли вы за великій подвигъ? эта награда уготована была вамъ за долговременное подвижничество? Ужели напрасно было теченіе ваше путемъ правды? тщетно трудились вы о добродѣтели? И когда готовилось вамъ убіеніе, безпомощными оставилъ васъ божественный Промысль, убійцамъ не воспротивилось правосудіе, беззаконная рука возымѣла силу надъ преподобными тѣлами, и нечестіе величается побѣдою надъ благочестіемъ, кичась, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что восторжествовало надъ истинною! Почему купина не воспыкала древнимъ пламенемъ? Почему не погнала приближавшихся злодѣевъ? Почему не поглотила ихъ разступившись земля, какъ нѣкогда вмѣстѣ съ кущами и со всѣмъ родствомъ пожрала весь сонмъ Кореевъ? Почему умолкли чудныя страхованія

горы Синай, и не поразили незаконныхъ гласомъ громовъ, непроницаемостію мрака и блистаніями молній? Напротивъ того, въ бездѣйствіи оставалась отмщающая сила, не наказала обидчиковъ необычайными громами и пламеншками, не спасла обиженныхъ мощною рукою, чтобы варвары, извѣдавъ на опытѣ чудо, дознали безпримѣрное могущество непреодолимой силы. При самой купинѣ и горѣ законоположенія пали сіи благочестивые, подобно бессловеснымъ жертвамъ, и не оказано имъ помощи. Гдѣ была сила, потопившая нѣкогда Египтянъ и глубину морскую содѣлавшая для нихъ гробомъ? Гдѣ была сила, каменнымъ градомъ избившая нѣкогда иноплемениковъ, которые вступили въ войну съ Израильтянами, и народу своему даровавшая побѣду безъ труда и кровопролитія? Гдѣ была эта сила, которая и въ другій еще разъ, когда враги вторглись въ святую землю, ввергла ихъ въ умозступленіе, такъ что обратили оружіе свое другъ противъ друга, не разумѣли, что избиваютъ въ ослѣпленіи одинъ другаго, и въ убитыхъ не признавали своихъ? Куда сокрыла она помощь свою, не укрывъ впадшихъ въ руки злоумышленныхъ? Но хотя обуздывала прежде свирѣпую ярость львовъ и неодолимую силу огня на ввергаемыхъ, уваживъ досточтимость житія, и громогласно провозвѣстивъ благочестіе отроковъ, однако же добродѣтель этихъ мужей содѣлала какъ бы сомнительною, лишивъ ихъ вся-

кой помощи и наводя тѣмъ на мысль, будто бы недостойны были попеченія о нихъ.

Но все это говорили горестъ и печаль, которыя и старающихся сохранить цѣломудріе ума доводятъ бѣдствіями до ропота. И сіе извинительно въ состояніи мучительнаго страданія, которое опечаленнаго и препобѣждаемаго, можетъ быть, великостію злочленій заставляеть говорить многое и противъ воли.

Божія же помощь нерѣдко оставляетъ и праведныхъ, предавая ихъ мучителямъ на претерпѣніе разныхъ пестязаній и неправеднаго убіенія, чтобы явнымъ содѣлалось благоискусное мужество подвигающихся, и просіяла свѣтоносная сила вѣры, до смерти не ослабѣвшая въ своемъ дерзновеніи, но всецѣло страданіемъ пренобѣдлившая неистовство мучителей. Какъ оставшіеся не хотятъ удалиться изъ пустыни, неблагоустроенной жизни въ городахъ предпочитая лучше смерть, такъ и скончавшимся лучшимъ казалось умереть, нежели терпѣть пороки, господствующіе въ обитаемой вселенной. Ибо знали они, что смерть душевная тяжелѣе смерти тѣлесной, и умереть въ грѣхѣ опаснѣе, нежели умереть отъ меча; одна смерть подвергаетъ малому и кратковременному страданію, а другая продолжительному и непрестанному мученію.

Когда же варвары, и многихъ другихъ убивъ и ограбивъ въ пустынѣ, ушли на довольное разстояніе, а наконецъ и ночь дозволила намъ не-

боязненно выдти изъ горъ, сошли мы, и занялись погребеніемъ тѣлъ. И прочихъ находимъ давно уже умершими, а святой старецъ еще дышалъ, и могъ съ нуждою говорить. Съвѣ около него и оплакивая постигшее насъ, такъ провели мы цѣлую ночь, и старецъ увѣщавалъ насъ не смущаться такими пскушеніями. Сатанѣ обычно, говорилъ онъ, спрашивать у Бога, кого бы подвергнуть искушеніямъ. Ибо сколькихъ умертвилъ онъ у Іова, погубивъ кого огнемъ, кого мечемъ, а кого паденіемъ дома? Но васъ да не приводитъ въ колебаніе все это, продолжалъ старецъ. Ибо Подвигположникъ знаетъ, по какому суду предаетъ подвижниковъ противнику, уготовавъ свѣтлыя награды и воздаянія благодушно приѣмлющимъ удары. И каковы сіи воздаянія, показываетъ великій Іовъ, который все, что, по видимому, утратилъ, получилъ въ сугубой, лучше же сказать, въ гораздо большей и несравненно превосходнѣйшей мѣрѣ. Ибо *яже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце чловку не въздоша* (1 Кор. 2, 9.), — все это, превышающее и подвиги благочестія, и чувство, и умъ, уготовалъ Богъ подвижающимся ради Его. Такъ и подобало великодаровитому Богу, воздаяніями превзойти труды и вѣнцами препобѣдить подвиги, даровать подвижникамъ то, на что не было и надежды, чего и получить не чаяли, чтобы и должную награду воздать, и воздаяніе сіе, по превосходству оного, содѣлать

даромъ благодати.—Сіе говорилъ онъ, и лобызаль окружающихъ его, пока доставало у него силъ говорить и двигать языкъ. Потомъ онъ скончался, и мы со слезами его, и вмѣстѣ съ нимъ и другихъ, предали землѣ.

Потомъ, такъ какъ тма позволяла еще совершать путь скрытно, успѣлъ я придти и къ вамъ. Двое изъ убіенныхъ именовались Павломъ и Иоанномъ, а пресвитеръ — Θεодуломъ, скончались же сіи почившіе въ седьмой день по Богоявленіи, то есть на четырнадцатый января мѣсяца. А людямъ благоговѣйнымъ, безъ сомнѣнія, любопытно знать и время и имена, особливо желающимъ участвовать въ празнованіи дня памяти святыхъ. Были же убиты и другіе за много лѣтъ прежде сего, и ихъ память, по дальности пути и ради множества собирающихся, совершается въ этотъ же день.

СКАЗАНИЕ ПЯТОЕ.

Юноша, плѣненный вмѣстѣ съ Θεодуломъ, спасшись бѣгствомъ, приходитъ къ бесѣдовавшему съ друзьями Цилу, подробно рассказываетъ ему о горестномъ изыиеніи многихъ святыхъ, и извѣщаетъ, что варвары положили на слѣдующее утро принести Θεодула въ жертву утренней звѣздѣ.

Еще продолжали мы разговоръ этотъ, какъ извѣщаютъ, что спасся нѣкто изъ варварскаго стана, и вскорѣ приходитъ къ намъ спасшійся; не исчезли еще на лицѣ его слѣды страха, не могъ еще онъ успокоить въ себѣ душевнаго смятенія, тяжело дышалъ, по причинѣ скорой ходьбы и отъ внутренняго безпокойства, смущаемый мыслию, что преслѣдующіе близко, и немедленно наступнутъ. Потомъ на вопросъ, какъ онъ убѣжалъ, отвѣчаетъ: варвары, разговаривая за ужиномъ, объявили, что меня и сына твоего на утро принесутъ въ жертву звѣздѣ: они соорудили и жертвенникъ, наложили дровъ, хотя мы не знали объ этомъ; мнѣ же о семъ тайно сказалъ одинъ изъ плѣненныхъ съ нами, который понимаетъ ихъ языкъ: а я о намѣреніи варваровъ извѣстилъ и сына твоего, ска-

завъ, что, если не спасемся бѣгствомъ, то на-
 утро солнце не живыхъ уже озаритъ насъ, и
 лучей свѣта его не увидимъ этими глазами. Но
 онъ, боясь быть пойманнымъ, остался и ска-
 залъ, что Божіей воли, какова бы ни была она,
 неизбѣжишь, даже и въ неприступномъ скрываясь
 убѣжищѣ. Я же во тмѣ, когда увидѣлъ, что всѣ
 погрузились въ глубокой сонъ (были же они
 весьма пѣаны), сначала поползъ, какъ можно
 ближе припадая къ землѣ, чтобы, если и про-
 будится кто, не была ему замѣтна выдающаяся
 тѣнь моего тѣла. Потомъ, удалившись нѣсколь-
 ко отъ стана, пустился бѣгомъ, направляясь къ
 здѣшнимъ мѣстамъ, и быстро несясь на кры-
 лахъ страха, а между тѣмъ разсуждая самъ съ
 собою, что, или спасусь бѣгствомъ отъ опре-
 дѣленной мнѣ ими однажды смерти, или, будучи
 пойманъ, потерплю не болѣе, какъ ту же при-
 сужденную (д) мнѣ смерть. Притомъ и незвѣ-
 стность надежды предпочтительнѣе дознанной
 смерти; и если какой опасности невозможно ми-
 новать, оставшись, то есть еще вѣроятность,
 что избѣжишь оной, ввѣривъ спасеніе помощи
 погъ; пбо зналъ я, что многіе нерѣдко скорѣе
 находили помощь въ погахъ, нежели въ тыся-
 чахъ предстательствъ; потому что у погъ бо-
 лѣе заботы о собственномъ своемъ спасеніи, не-

(д) Въ рукописи предъ словомъ *βεβουλευμένου* ить отрицатель-
 ной частицы *οὐ*.

жели у другихъ, и что постигнетъ цѣлое тѣло, то ноги признають общимъ и для себя (е). Поэтому вотъ не обманулся я въ своемъ разсужденіи, и ногами, которымъ послѣ Бога ввѣрилъ себя, спасенъ, и теперь передъ вами, какъ видите, не потерпѣвъ ничего худаго.

Но еще передъ глазами у меня страшный примѣръ варварской жестокости, и теперь содрогаюсь отъ незаконныхъ ихъ поступковъ, и ужаса исполняютъ меня ихъ дерзости. Ибо господина моего и съ нимъ градоначальника, окончившихъ дѣла службы и возвращавшихся домой, варвары, схвативъ въ пустынь, повлекли къ себѣ со всѣмъ, что у нихъ было ; и градоначальника, оказавшаго сопротивленіе, со всѣми его домашними изрубили въ куски ; а господина моего вмѣстѣ съ сыномъ, который, какъ знаете, еще малолѣтень, увели съ собою. Когда же солнце стало приближаться къ горизонту на западѣ, ставятъ они шатры, гдѣ застигъ ихъ вечеръ. Изъ взятой у насъ добычи устроивъ великій пиръ, приглашаютъ къ ужину съ ними и господина моего съ сыномъ, приказывая быть благодушными и нисколько не бояться ничего : потому что, какъ говорили варвары, здравымъ и невредимымъ и съ сыномъ возвратится онъ домой, такъ какъ для выкупа двухъ душъ доста-

(е) Последней рѣчи, начиная съ словъ *потому что у ногъ*, въ рукописи не читается

точно другихъ. Черезъ нѣсколько времени, по-видимому, стали они исполнять обѣщаніе, дозволяя идти имъ домой, и для этого заготовить водою и взять на дорогу хлѣбовъ, чтобы не подозрѣвали они какого-либо ухищренія; потому что снабженіе дорожными припасами всего убѣдительноѣе обольщало надеждою жизни; и притворство казалось дѣйствительною попечительностію; варварская хитрость не возбуждала ни малаго подозрѣнія въ злоумышленіи. Даже посылають для безопасности пути съ ними проводниками двухъ молодыхъ людей; и имъ-то тайно даютъ приказъ, когда отойдутъ нѣсколько отъ стана, умертвить сопровождаемыхъ. Итакъ проводники, по сказанному, напавъ, прежде отца закаляютъ сына, чтобы и зрѣлищемъ убійства и испытаніемъ смерти усугубить его страданіе (ж), а вскорѣ умерщвляютъ и отца, нанеся ему многія раны, между тѣмъ какъ онъ громкимъ голосомъ жаловался на ихъ невѣрность и злокозненность. Ибо слышалъ я, какъ сынъ жалобно плакалъ, отецъ же вопіялъ отъ боли, при каждомъ ударѣ болѣзненно стоналъ, и звуками своего голоса давалъ возможность измѣрять мучительность наносимыхъ ранъ.

(ж) По рукописи вмѣсто *την τιμορίαν* читается *την δδύνην*.
Сверхъ того выше после слова *проводники* дополняется речью словами снѣжные спасители и защитники, какъ следовало бы отъ другихъ нападающихъ, вдругъ сами, сверхъ чаянія дѣлаются убійцами, и напавъ и проч.

Такъ, обманутый добрыми обѣщаніями, подвергся онъ жалкой гибели. Ибо по бѣдственной участи другихъ должно было ему гадать и о своей. Невозможно уже было избѣжать смерти; но несносно претерпѣть смерть тому, кто прежде былъ обнадеженъ. Неожиданное зло постигнувъ конечно возмущаетъ, ожидаемое же, найдши помысль готовымъ къ испытанію, и бѣдствіе дѣластъ легчайшимъ, какъ неоднократно уже занимавшее собою мысли и неизумляющее своимъ явленіемъ уготовившагося къ нему. Варвары вечеромъ во время ужина, за которымъ такъ щедро предлагали питія моему господину, желая потѣшить себя обычною и любимою для нихъ шуткою (убійство и замышленная смерть челоуѣка для нихъ забава), посылаютъ чашу съ питіемъ одному изъ слугъ его (другаго его слугу уже убили): онъ же едва съ принужденіемъ могъ принять; потому что пожеланіе отъ страха умерло въ немъ прежде тѣла, однако же убоившись принялъ, и когда сталъ пить, обнаружилъ принужденіе, усиленіемъ при глотаніи показывая, что дѣластъ это противъ воли, потому что не безмолвной гортани передавали питіе уста, но что наполняло скулы, то черезъ горло, какъ черезъ негладкій ровъ, съ клокотаніемъ, при каждомъ глоткѣ, едва пропускала гортань, какъ омертвѣвшая и неспособная уже, по обычаю, пересылать далѣе влитое и останавливающееся въ ней питіе. Послѣ этого варвары по-

сылають юношу убить этого слугу; ибо поручаютъ убивать молодымъ людямъ, изъ дѣтства приучая ихъ къ жестокости. Этотъ юноша съ неистовствомъ приступаетъ къ дѣлу подлинно звѣрскому, удовольствіе свое выражая смѣхомъ. И напавъ на лежащаго слугу, поражаетъ его сперва въ позвоночную кость, по упорству кости дѣлая малую рану; потомъ извлекши оттуда мечъ, пронзаетъ имъ слугу отъ одного бока до другаго, и снова ударивъ въ прежнюю рану, прискакивая повертываетъ въ рукѣ мечъ, потрясая имъ въ воздухѣ. Пораженный долго бился отъ боли, и стеною обливался кровію, наконецъ согнувшись, приклонивъ голову къ чреву, и ноги загнувъ на голову же, какъ бы съ намѣреніемъ перевернувшись встать, перекатился къ лежавшей вблизи кучѣ горячихъ угольевъ, но, какъ и естественно, почувствовавъ боль отъ огня, по необходимости и ногами и руками началъ сильно биться, на подобіе рыбы, стараясь приподнять припекаемую огнемъ часть тѣла. Но будучи не въ состояніи оказать себѣ помощь, потому что съ истекшею кровію истощились силы, изнемогъ и умеръ, терпя сугубое мученіе и отъ меча и отъ огня.

На другой день послѣ этого происшествія, продолжая путь, какъ въ пустынѣ, не по прямой дорогѣ, но какъ случится, встрѣчающимися препятствіями принуждаемые идти то здѣсь, то тамъ, обходя горы и утесы, переправляясь чрезъ

непротопанные и неудобопроходимые овраги, видятъ въ дальнемъ разстояніи мѣсто слегка зеленѣющее, и по растущей травѣ заключая, что оно удобно для пристанища, или даже думая, что живетъ тамъ кто нибудь изъ монашествующихъ, туда обращаютъ путь, какъ изъ моря направляясь къ пристани, дѣлаютъ его цѣлю для выючныхъ животныхъ. Пришедши же находятъ, что мѣсто сіе не хуже ихъ предположенія, и не обмануло надежды обольстительной мечтою. Вода была тамъ въ обиліи, прежде вкушенія увеселяла взоръ чистотою, а поднесенная къ устамъ показывала, что услажденіе зрѣнія мало въ сравненіи съ пріятностію вкуса; росла тамъ и трава, годная въ пищу животнымъ. Посему, снявъ выюки съ верблюдовъ, пускаютъ ихъ свободно пастись. Сами бѣгутъ къ водѣ, пьютъ, купаются, моются, не зная даже, на что и употребить такое обиліе воды.

Ликуя же при водѣ и славя источникъ, видятъ при подошвѣ горы слѣдъ малой хижины; и всѣ бѣгутъ къ ней, не переводя дыханія, усиливаясь обогнать другъ друга, и приблизившись, разсыпаются вокругъ пещеры. Было же тутъ построено зданіе изъ немногихъ камней, чтобы широкое отверстіе пещеры не доставляло удобнаго входа звѣрямъ. Потомъ варвары, въ небольшомъ числѣ, одинъ по одному, входятъ въ пещеру (многихъ она и не вмѣстила бы), и выводятъ мужа досточестнаго по виду и внутрен-

нему состоянію. Влекли его силою; но онъ не смутился, не поблѣднѣлъ, не показалъ и не произнесъ ничего малодушнаго и унылаго (з). Распростерши его на одномъ камнѣ, такъ какъ съ ними мечей не было, убиваютъ камнями (и), смѣясь и распѣвая пѣсни.

Потомъ, перейдя небольшое пространство, схватываютъ другаго, юношу, блѣднаго, истомленнаго, носящаго на лицѣ слѣды своего житія; и его также предають смерти, употребивъ уже въ дѣло мечъ, между тѣмъ юноша возносить благодарственные гласы, и имъ свидѣтельствуеть свою признательность, что изводятъ его изъ жизни крѣпко смлющимся за добродѣтель; ибо, какъ говорилъ онъ, немало боялся я неизвѣстности конца, боялся, чтобы поползновеніе воли, или виѣшняя какая необходимость, не превратили рѣшимости моего произволенія, убѣдивъ, или приневоливъ оное, принять другой образъ мыслей, противный тому, какой угоденъ Богу.

Отсюда отошли они не много, и вотъ открывается одно покрытое зеленою мѣсто, придавала же ему такой видъ древесная растительность. И къ нему устремляютъ свой бѣгъ варвары, снова состязаясь другъ съ другомъ въ быстротѣ ногъ. Приблизившись, нашли они малую хижину, и въ ней юношу, который муже-

(з) Последнія слова дополнены по рукописи.

(и) Слово: *камнями* читается по рукописи.

ствомъ и великодушiемъ самыхъ варваровъ приводитъ въ удивленiе; потому что не соглашается указать имъ скрытые монастыри и чрезъ это спастись, по данному ему обѣщанiю, что оставить его въ покоѣ, если укажетъ; не хочетъ также выдти изъ жилища, снять съ себя одежду, говоря, что указать тѣхъ, которые могутъ скрыться, есть предательство, и вообще послушаться принуждающихъ, къ чему бы то ни было, означаетъ малодушiе и недостатокъ мужества. Ибо отъ подвижниковъ требуется великодушiе (i), и не позволительно для нихъ уступать страху, хотя бы угроза, повидимому, представляла не малую опасность; потому что привычка дѣлается путемъ къ важнѣйшему, и робость, однажды научившись овладѣвать человекомъ, повелѣваетъ ему пренебрегать и великия блага, и научаетъ измѣнить самому благочестию, какъ скоро страхъ бѣдствiй найдетъ волю покорившеюся уже боязни. Если теперь легко откажусь отъ самообладанiя разсудка и отъ свободы, убоявшись, что скоро предадутъ меня смерти; то буду ли въ силахъ, при предстоящихъ поруганiяхъ и угрожающихъ истязанiяхъ, не вдаться въ нечестiе, приучивъ себя небоязненное предпочитать полезному? Поэтому отказавшись успѣть, въ чемъ надѣетесь, не медля дѣлайте, что угодно вамъ; а я ни мѣсть, гдѣ живутъ боголюбцы,

(i) По рукописи читается *τὸ μεγαλόψυχον δέον*.

хотя и знаю, не укажу, и за дверь, по вашему приказанію, не выду, и одежды съ себя не сло- жу, и никто, пока есть во мнѣ чувство, и гос- подствъ я своего произволенія, не увидитъ меня нагимъ, и не посмотритъ на тѣло, котораго до нынѣ не видали и моп даже глаза. По смерти моей, съ безчувственнымъ уже тѣломъ пусть дѣласть каждый все, что ни будетъ ему угодно. Это послужитъ къ осужденію жестокости такъ поступившихъ (к), а не моей воли, какъ усту- пившей надъ собою побѣду. Ибо произвольно страданіе безчувственнаго, который не можетъ, и не обязанъ, противиться, когда разумъ уже въ бездѣйствіи; неодоушевленное, конечно, без- чувственно и непричастно страданію, а что не- причастно страданію, то, по общему признанію, свободно и отъ обвиненія въ томъ, что страж- деть, какъ равно лишенное власти страдать, или не страдать (л). Поэтому умру внутри моей хижины и въ одеждѣ, какъ рѣшился; ничего не сдѣлаю вопреки моей волѣ, заставленный на- сильно какъ невольникъ. На этомъ поприщѣ, на которомъ подвизался, и смерть прииму; эта хи- жина будетъ мнѣ гробомъ, она принимала преж- де поты трудовъ добродѣтеля, она и теперь приметъ кровь доблестнаго подвига. — Не вы-

(к) Рѣчь сія дополнена по рукописи.

(л) Сей рѣчи, начиная съ словъ: *ибо произвольно не чи- тается по рукописи.*

несли злодѣя такой дерзновенной рѣчи ; раздражившись благородствомъ его мыслей, и ставъ какъ бѣшеные, умерщвляютъ его, нанеся столько ранъ, сколько могло помѣстить на себѣ тѣло: потому что каждый, желая излить на него ярость свою, не почиталъ достаточнымъ отмщеніемъ ударъ предупредившихъ его, если самъ не удовлетворить своему негодованію, собственною своею рукою погрузивъ въ него мечъ. Такъ многіе, нанеши ударъ сему великодушному подвижнику уже мертвому, а не живому, удалялись потомъ, содрогаясь отъ ярости, что для большаго мщенія недостаетъ уже мучимаго тѣла.

Послѣ сего встрѣчаются намъ въ пустынѣ три путешественника, и она-то успокоили нѣсколько пламенѣющей еще гнѣвъ варваровъ, давъ на себѣ выполнить недостатокъ неистовства, излитаго на прежнемъ страдальцѣ. Какъ дикіе звѣри или ловчіе псы, когда добыча покажется только и убѣжитъ, сею неудачею возбуждаются къ большому неистовству, и что встрѣтятся вновь, преслѣдуютъ съ большимъ рвеніемъ, чтобы осторожностію во второмъ случаѣ поправить оплошность (м) въ первомъ дѣлѣ: такъ и сіи убійцы, кинувшись на показавшихся путниковъ, и прежде нежели подошли къ нимъ, извлекши мечи, немедленно умертвили приблизившихся, напавъ на нихъ съ такою жестокостію, съ ка-

(м) По рукописи вмѣсто *σχολήν* читается *χλ.υήν*.

кою приняли бы, встрѣтивъ снова, раздражившаго ихъ.

Не вложивъ еще мечей въ ножны, но держа ихъ въ рукахъ, обнаженные и обогранные горячею и издающею отъ себя паръ кровью, съ того мѣста, на которое пришли, видятъ два стоящіе монастыря, не прямо на дорогѣ, но въ сторонѣ по ту и другую руку въ разстояніи одинъ отъ другаго стадій тридцати, а отъ того мѣста, гдѣ мы были, стадій пятнадцати, каждый же отъ насъ, какъ отъ средоточія на окружности описаннаго круга, отстоялъ въ равной мѣрѣ. Поэтому, раздѣлившись на двѣ половины, пошли въ тотъ и другой монастырь, добычу, какая была собрана, вмѣстѣ съ выючными животными оставивъ на мѣстѣ. И въ монастырѣ, стоящемъ къ югу, что происходило, и кто былъ убитъ, не могъ я узнать. Когда же приближались мы къ монастырю на сѣверной сторонѣ, и были отъ него недалеко; одинъ изъ иноковъ, услышавъ во время сильнаго бѣга звѣнящія въ колчанахъ стрѣлы, предался бѣгству, но варвары, натянувъ луки, пронзаютъ его многими стрѣлами. Потомъ, настигнувъ упавшаго внизъ лицомъ, не оставляютъ его умереть отъ полученныхъ уже ранъ, хотя и прежнихъ язвъ достаточно было для этого; но еще дышущаго и борющагося со смертію, повернувъ лицомъ вверхъ, разсѣкаютъ отъ подбородка до груди; и какъ онъ при семъ разсѣченіи вздохнулъ, внутрен-

ности и все примыкавшее съ обѣихъ сторонъ къ ребрамъ переворачиваютъ копьями, и не прежде уходятъ, какъ растерзавъ все это.

Послѣ этого я убѣждалъ, какъ сказалъ о семь (н) предварительно. Что потерпѣлъ сынъ твой оставшись не знаю; а я оставилъ его живымъ, немѣющимъ доброй надежды, что будетъ живъ, по причинѣ слуха объ уготовляемой ему смерти.

СКАЗАНИЕ ШЕСТОЕ.

Св. Нилъ, опечаленный вѣстною объ опасности Феодула, находить для себя ободреніе въ примѣрѣ великодушнѣйшей жены — матери умерщвленнаго варварами юноши, мужественная кончина котораго описана въ предыдущемъ сказаніи. Жители Фарана отправляютъ пословъ къ царю варваровъ съ жалобою на недавній ихъ набѣгъ; между тѣмъ Нилъ съ братіею погребаетъ тѣла убитыхъ святыхъ, а по возвращеніи пословъ, самъ отправляется отыскивать сына, попадаетъ въ плѣнъ къ варварамъ, но скоро возвращаетъ себѣ свободу, наконецъ получаетъ извѣстіе, что сынъ живъ, и находить его въ Елузѣ.

Выслушавъ это, и имѣя въ памяти ночное видѣніе (а во снѣ читалъ я письмо, только что

(н) По рукописи слова: *ταῖς πράξεσις* вовсе не читаются

врученное мнѣ однимъ изъ знакомыхъ, на котормъ, прежде нежели сталъ развертывать, увидѣлъ надпись: по Богъ господину и отцу моему блаженный Θεодуль), чего не претерпѣлъ я душею, если только во мнѣ еще была душа? Сердце разрывалось у меня, терзались внутренности, ослабѣли силы, однимъ словомъ, все члены истаявали, когда услышалъ я вѣсть, согласную съ свидѣніемъ и недававшую болѣе мѣста недоумѣнію, или сомнѣнію, въ догадкѣ о кончинѣ сына, достоверно подтвержденной двумя свидѣтельствами. И какъ оглушенный громомъ внезапно сразившихся тучъ, не плакалъ уже я и не сѣтовалъ, но неуклонно смотрѣлъ на принесшаго вѣсть неподвижнымъ взоромъ; потому что внутренняя сила, управляющая вѣками, оцѣпенѣвъ совершенно, пребывала въ бездѣйствіи, оставивъ мертвыми чувства лица, которыми править съ прирожденнымъ ей искусствомъ, и которая такая чрезвычайная скорбь дѣлаетъ неподвижными и безчувственными камнями, и слезную влажность сгущаетъ впазу дебелостию дыханія, препятствуя ей входить въ глаза (о).

(о) По рукописи вся послѣдняя рѣчь и съ словъ: *двумя свидѣтельствами* читается кратко такъ: разумно сонъ и плаканія спасался; почему пропалъ у меня послѣ этого голодъ, и нечего я ни плакать, ни сѣтовать, а только смотрѣлъ на вѣстника.

И едва вывела меня изъ этого оцѣпененія, по Божію промышленію, одна женщина, жительница тамошнихъ мѣстъ; умерщвленный юноша былъ ея сынъ (ибо имѣвшие возможность скрыться отъ варваровъ объявили имена скончавшихся). Какъ скоро узнала она, что сынъ ея убитъ и мужественно подвизался противъ убійць, самымъ дѣломъ доказала родство свое съ нимъ, явившись подлинно настоящею его матерью. Ибо, одѣвшись въ свѣтлую одежду, и принявъ вполне веселый видъ, воздѣла руки къ небу, въ такихъ словахъ взывая къ Спасителю Богу: Тебѣ, Владыка, принесла я въ даръ сына, и Ты спасъ его отъ нынѣ и до вѣка; Тебѣ ввѣрила я юношу, и подлинно сохранилъ Ты его цѣлымъ и невредимымъ. Ибо не думаю ни о томъ, что онъ умеръ, ни о томъ, какъ отрѣшился отъ жизни, по имѣю въ виду то, что избѣгъ онъ испытанія всякаго грѣха. Помышляю не о томъ, что изъязвлено тѣло его, и горькую претерпѣлъ онъ кончину, но о томъ, что чистою и непорочною принесъ туда душу, неоскверненнымъ передалъ духъ свой въ руки Твои. По нанесеннымъ ударамъ вычисляю награды, по этимъ язвамъ измѣряю вѣщцы. О если бы тѣло твое, сынъ мой, вмѣстило на себѣ еще больше язвъ, чтобы и награды тебѣ были бѣльшия! Симъ воздаешь ты мнѣ за мое чревопошеніе, симъ вознаграждаешь меня за болѣзни рожденія; симъ чувствуешь меня за матернія попеченія о тебѣ.

Въ равной мѣрѣ раздѣляешь со мною подвижническіе труды, потому что у насъ обоихъ трудъ общій. Ты боролся, а я несу на себѣ язвы этой борьбы; ты подвизался, а я соуспраждаюсь твоимъ подвигомъ; ты противосталъ ярости варваровъ, а я вела брань съ самовластіемъ естества; ты пренебрегъ смерть, а я пересилила чувства матерней любви; ты терпѣливо перенесъ болѣзни насильственной смерти, а я съ терпѣніемъ сношу мученіе терзаемой внутренности. И мои страданія равны твоимъ, и никакъ не меньше ихъ. Ты препобѣждаешь меня мучительностію страданія, а я преимуществую продолжительностію времени; крайне болѣзненна была смерть для тебя, но на одинъ часъ, а я буду влачить долговременную скорбь. И если любозудрствуя переношу ее тихо, то не потому, что не чувствую страданія, но потому что силою одерживаю верхъ надъ болью. Чувствую, какъ расторгаются узы моей внутренности, терзаются пѣдра утробы, но цѣломудреннымъ помысломъ сдерживаю возбуждающіяся во мнѣ страданія. Да и какая польза въ безумномъ плачѣ, который не освободитъ уже отъ того, что пронзило? Поэтому не подражала я плотскимъ матерямъ, которыя въ малодушіи возмущаются подобными бѣдствіями; не соревновала тѣмъ, которыя, родивъ тѣло, помышляютъ объ этой одной жизни: онѣ не знаютъ жизни будущей, ужасною и тяжкою почитаютъ разлуку съ любимыми въ

жизни настоящей. Не раздирала я на себѣ одежды, не била руками въ обнаженную грудь, не рвала волосъ, не искажала лица ногтями, будучи увѣрена, что живешь ты у Бога негибнущею жизнью (п), а вскорѣ и я найду тамъ упокоителя моеї старости, когда, такъ или иначе, сокрушится этотъ скудельный сосудъ, и перейду въ этотъ вѣкъ (р) я, блаженная изъ матерей, представившая Богу такового подвижника, блаженная и трекратно блаженная: потому что подлинно смѣю уже похвалиться, когда отшелъ ты, за котораго я боялась, чтобы зависть не учинила тебѣ чего-либо для меня жестокаго, злоумысливъ къ душевной для тебя опасности. Но иди, сынъ мой, иди въ прекрасный путь, иди! И патриарху Аврааму, если сравню себя съ нимъ, не уступлю я первенства; не соглашусь занять второе по немъ мѣсто; потому что съ готовностію безстрастно, по Божию повелѣнію, приносилъ онъ въ жертву сына, но неизвѣстно, остался ли бы безстрастнымъ по всесоженію, потому что и другіе многіе, при совершеніи дѣла сохранившіе твердость духа, по совершеніи предавались печали, сожалѣніемъ избличая немощь природы; а я теперь мужаюсь, и болѣзненную унылость премѣняю въ благодушіе. Другихъ протекающее

(п) По рукописи предыдущая рѣчь, начинаясь словами и *если лобо мудрствуй*, читается кратко: и перечесу ее тихо, лобомудрствуй и твердъ зная, что живешь ты у Бога и проч.

(р) Слова *перейду въ этотъ вѣкъ* доп. ссы по рукописи.

время оказываетъ уступающими надъ собою побѣду страданію, своею продолжительностію истощивъ по немногу силы терпѣнія; когда память, обновляя скорбное чувство, даетъ разсудку время свободно взвѣсить мучительность страданія. Ибо трудно и крайне неудобно на долгое время сохранять правое сужденіе нимаю не измѣняемымъ; потому что разсудокъ по свободѣ своей легко уклоняется въ противныя прежнимъ мнѣнія. И я оплакивала нѣкогда вдовство свое, какъ беспомощная, скорбѣла о томъ, что лишена попечительности отца твоего. А теперь о чемъ мнѣ плакать, о чемъ сѣтовать, имѣя въ тебѣ такового предстателя предъ Богомъ, который можетъ оттолѣ защитить меня въ бѣдствіяхъ, и богато препитать мою старость, со властію почерпая изъ вѣчныхъ источниковъ милостей, и щедро изливая на меня даже въ большемъ обиліи, нежели какъ могъ бы, будучи еще живъ и обладая царскими сокровищами. Въ царскихъ сокровищницахъ полагается все определенною мѣрою, и что взято изъ нихъ, того уже нѣтъ; а сокровищницы небесныя, сколько ни дождятъ, источаемые дары (с) никогда въ нихъ не оскудѣваютъ.

(с) По рукописи послѣдняя часть сей молитвы не читается, заканчивается же она такъ: а блаженная изъ матерей представившая Богу такого подвижника; и еще скажу блаженная, потому что смю уже похвалиться; такъ какъ ты о Христѣ разрышился, и съ Цимъ будешь, приобщаясь некогдаемыхъ утѣхъ.

Послѣ сихъ словъ стыдно мнѣ стало, что такъ малодушно ослабѣлъ я, скорбя о сынѣ. И поелику оказалось, что женщина превосходитъ меня мужествомъ; то стыдился я окружающихъ, ей дивился, а надъ собой смѣялся, принявъ въ укоризну себѣ слова этой доблестной жены, и сравнивъ свое неразуміе съ ея цѣломудріемъ. Ибо, признавая прежде справедливымъ жаловаться Богу на то, что претерпѣлъ, при этомъ позналъ свое прегрѣшеніе, когда примѣромъ жены наученъ, что прираженіе всякаго несчастія удобоносимо. Совѣсть огорченная тѣмъ, что, по мнѣнію ея, не выносимо, часто возбуждается къ благодушію трезвенностию претерпѣвающаго что-либо равное, не уступать безъ борьбы страданію научившись у одержавшаго безъ труда (т) надъ нимъ верхъ.

Итакъ, по совѣту живущихъ въ Фаранѣ, послѣ слышанныхъ извѣстій, разсуждено не молчать о варварскихъ злодѣйствахъ, но сдѣлать сіе извѣстнымъ царю варваровъ. И посылаютъ двоихъ, такъ называемыхъ у нихъ, скороходовъ съ жалобою на нарушеніе заключенныхъ договоровъ. Для потребъ же этихъ служатъ юноши не много старѣе вышедшихъ изъ отроческаго возраста, у которыхъ недавно стала расти борода; берутъ они съ собою луки, стрѣлы, копья, огни-

(т) По рукописи, начиная съ словъ: *ибо признавая прежде* и *сдѣлать*. Вся рѣчь сія не читается.

вы, и больше ничего, а это бываетъ для нихъ полезно для поддержанія жизни во время пути, и иное служитъ къ тому, чтобы уловить что нибудь въ пищу, а иное, чтобы добыть огня и испечь; дровъ же и хвороста большее обиліе на всякомъ мѣстѣ, потому что въ пустынѣ некому рубить себѣ лѣсъ на дрова.

Пока ходили посланные, отправились мы для погребенія тѣлъ. Пришли и находимъ, что умерщвленные лежатъ уже пятый день, но не терпѣли ничего такого, чему обыкновенно подвергается многодневный мертвецъ, не имѣли ни запаха, ни гнилости, не тронуты плотоядными птицами и хищными звѣрями, которыя обыкновенно искажаютъ мертвыя тѣла. А что столько времени лежали тѣла, свидѣтельствовалъ о семъ слуга Магадона, — такъ было имя сенатору убитому варварами. Найдены же: Проклъ въ Вио-рамвѣ, Ипатій въ Геѣ, Исаакъ въ обители Салаилъ (у), Макарій и Маркъ, убитые во внѣшней пустынѣ, Вениаминъ внѣ Елима, Евсевій въ Оулѣ и Илія въ Азѣ. Изъ сихъ двоихъ одинъ, какъ нашли мы, хотя имѣлъ много ранъ, но былъ еще живъ; и его перенеся положили мы въ келіи, а сами возвратились для погребенія прочихъ тѣлъ; но пришедши къ нему назадъ, не застали уже живымъ, а нашли мертвымъ и лежащимъ у водоноса. Конечно, томимый жаж-

(у) Слова въ Гсвль, Псаиль — дополнены по рукописи

дою отъ воспаления ранъ, когда паишлся, упалъ онъ на колѣна, склонясь лицомъ къ землѣ; въ такомъ положеніи скончавшагося оставила его душа. Поэтому и его, какъ и прочихъ, предавъ погребенію, пошли узнать, какое извѣстіе получено отъ повелителя (Ф) варваровъ.

И только что входили мы въ Фаранъ, какъ явились отъ него посланные съ письмами, которыми подтверждался миръ, и повелѣвалось идти къ нему обиженнымъ, особливо же родственникамъ тѣхъ плѣнныхъ, которые остались еще въ живыхъ. А если кто пожелаетъ и за умерщвленныхъ искать удовлетворенія, то повелитель сказалъ, что готовъ виновныхъ выдать для наказанія, и всю добычу обѣщалъ возвратить ограбленнымъ; потому что не желательно ему, какъ объявлено, расторгать союзъ мира, но пріятель заключенный съ ними договоръ къ обоюдной пользѣ; потому что немалую приносятъ выгоду взаимная торговля, когда при скудости необходимаго нуждамъ однихъ помогаетъ обиліе другихъ.

Посему, приготовивъ дары и назначивъ пословъ для возобновленія нарушеннаго мира, на слѣдующій день отправляютъ и ихъ и меня, съ доброю надеждою отходящаго въ путь.

Въ осьмой день нашего путешествія (а весь

(Ф) Вместо τῆ δρομίων по рукописи читается τῆ ἐκδρομίας.

путь совершался двѣнадцать дней) оказался у насъ недостатокъ въ водѣ, и терпѣли мы великую нужду отъ жажды; чаяли уже себѣ смерти, всегда угрожающей во время недостатковъ. Хорошо знавшіе мѣстность говорили, что есть гдѣ-то по близости источникъ, и это ободряло многихъ истомленныхъ, ожиданіемъ будущаго врача настоящаго зло; потому что мечтательная надежда подкрѣпляетъ не меньше дѣйствительности, въ совершенномъ отчаяніи питая упавшія силы (х) и поддерживая рукою надежды. Поэтому многіе побѣжали впередъ остальной толпы, поспѣшая прежде найдти искомое, и желая безпрепятственно насладиться тѣмъ, въ чемъ чувствовали нужду. Каждый стремился въ ту сторону, куда вела его надежда успѣха. Издали, окинувъ глазами всю мѣстность, напряженнымъ взоромъ производили подробное ея изслѣдованіе, какъ бы что нибудь сокрытое отыскивая при свѣтильникѣ ока. Медленно шель и я за бѣгущими впередъ, иной можетъ быть сказать: потому что, по старческой немощи, не имѣлъ возможности достигъ болѣе крѣпкихъ, но я признаюсь; потому что не хотѣлъ неблаговидною поступкою при скорости бѣга оскорбить важность моего званія. Силъ же было у меня не менѣе того, сколько требовала нужда, кото-

(х) Начиная съ словъ: *потому что мечтательная* по рукописи не читается.

рая можетъ и сверхъ силъ подвигнуть тѣло, понуждая ускорять стремленіе даже и противъ обычая. На дорогѣ у меня передъ самымъ лицомъ находился источникъ, но былъ невидимъ, закрываемый холмомъ, возвышавшимся между имъ и мною. Отставъ отъ разсѣвающихся не престанно въ ту и другую сторону, подвигался я впередъ, держась средняго между ними направленія и гадая, что, здѣсь или тамъ (ц) сдѣлано будетъ открытіе, не въ большемъ разстояніи буду и я находиться.

Но поднявшись вверхъ, когда миновалъ я хребетъ холмовъ, первый увидѣлъ и источникъ и разсыпавшихся около него во множествѣ варваровъ (ч). Встрѣтивъ передъ собою немилосердыхъ враговъ, не былъ я ни смущенъ неожиданностію, ни объятъ сильною боязнію, но, находясь между страхомъ и радостию, успокоивалъ себя размышленіемъ о такой встрѣчѣ, и говорилъ самъ себѣ: или найду у нихъ сына, и охотно останусь съ нимъ въ рабствѣ, наслаждаясь лицезрѣніемъ любимаго, и тяготу рабства облегчая пріятностію сего лицезрѣнія, или буду убитъ, и въ этомъ найду конецъ терзающей меня печали. Варвары, бросившись кучею, прибѣжали ко мнѣ, и схвативъ меня, отъ задумчивости стоявшаго какъ бы въ онѣмени, повлекли

(ц) По рукописи читается: *αἷς ἕτε ἐρθεν, ἐκ' ἐκείθεν ἐνρσίως.*

(ч) По рукописи: *βαρβάρους πολλὰς.*

безжалостно. Шедшіе же со мною для отысканія воды, увидѣвъ враговъ, когда сами не были еще ими видимы, тихо воротившись назадъ, съ поспѣшностію совершали незамѣтное отступленіе: приклонясь къ землѣ и ползя какъ пресмыкающіяся, прикрыли тѣмъ бѣгство. А я, котораго визали (ш), рвали, волокли (пбо какихъ не-носныхъ страданій не вытерпѣлъ я при этомъ?), вмѣнялъ это ни во что, и терзаемый не чувствовалъ, чтò со мною дѣлается, но весь умъ мой занятъ былъ отыскиваніемъ сына; его стараясь найдти, озирая все очами, которыя всякое подобіе принимали за самую дѣйствительность, часто изъ тѣни, по желанію своему, составляли внѣ себя облики. Ибо чтò умъ представляетъ въ воображеніи, то мечтательно думаетъ видѣть глазами, всему придавая тотъ обликъ, который занимаетъ его собою по приверженности къ искомому (щ).

Не много прошло времени, пока сіе происходило, и вотъ прибыли вооруженные изъ нашего полка, и появившись на верху холма, произвели большее смятеніе въ варваряхъ. Ибо, какъ скоро данъ знакъ о прибытіи ихъ, ни одного изъ варваровъ не осталось на мѣстѣ, но все простран-

(ш) Сю дополнено по рукописи

(щ) Последняя рѣчь, начинающаяся словами *которыя вслѣдъ подобіе* и проч. въ рукописи замѣняется краткимъ выраженіемъ: *взирая всюду, не увижу ли гдѣ вознбленнаго.*

ство, не задолго до сего наполненное людьми, вдругъ сдѣлалось пустымъ. Каждый, поспѣвая спастись, предадеа бѣгству, не успѣвъ ничего захватить съ собою, и торопился бѣжать, какъ бы гонимый паническимъ страхомъ. При появленіи нашихъ, послѣ прежней небоязненности, напала на нихъ такая ребость, что не оборачивали глазъ на погоню изъ опасенія быть схваченными, думая, что враги неотступно слѣдуютъ за ними, извлекли мечи, нѣкоторыхъ бьютъ, многихъ умертвили, и шумъ, какой сами производили, приписывали нашествію противниковъ, пока значительное разстояніе, какое перебѣжали, не позволило имъ перевести нѣсколько духъ, и не придало смѣлости оглянуться и посмотрѣть на преслѣдующихъ. Такъ страхъ заставляетъ почитать предметы большими, дѣлаетъ, что представляются они въ огромнѣйшемъ видѣ, нежели каковы дѣйствительно; потому что боязнь превеличиваетъ вещи сверхъ того, что онѣ сами въ себѣ.

Поэтому варвары бѣжали одни, оставивъ все, что было при нихъ; пришедшіе на ихъ мѣсто изъ найденнаго извлекли большую пользу (ъ), и остатокъ дня пробыли на семь мѣстѣ. Потомъ, въ слѣдующій день отправясь въ путь и четыре

(1) По рукописи читается такъ: *ἐκείνοι μὲν οὐκ οὐτ' ἔφυγον, μόνοι πάντα ὅσην ἔχον ἀποσκευὴν καταλείποντες, δὲ παραγενόμενη δὲ πολλὴν ἀπὸ τῶν εὐρεθέντων καρποσάμενη τὴν ωφέλειαν, τὸ ληπὸν τῆς ἡμέρας αὐτοῖσι δὲ ἦγον.* Ἐἴτα τὴν εἰς δόξειν ἀρξάμενοι κ. τ. λ.

еще дня проведя въ путешествіи, пришли мы въ станъ, и послы, давъ о семъ знать, позваны были для представленія Амману ; — такъ было имя царю варваровъ. Поднесши ему дары, получили отъ него благосклонный отвѣтъ, заняли шатеръ близъ шатра его, и пользовались великимъ благорасположеніемъ, пока, по тщательному дознанію, не приведено было въ извѣстность похищенное во время нашествія. И ими сдѣлано это было въ короткое время.

А у меня сильно трепетало сердце, при всякой вѣсти приходилъ я въ ужасъ. Во всякомъ, отъ чего бы то ни было, стукъ, слышалъ, казалось, тихій говоръ о томъ, что занимало меня. и уши приготовлены (ы) были къ звукамъ извѣстныхъ словъ, и умъ ждалъ ихъ какъ вѣстниковъ, смотря, что возвѣстятъ, жизнь или смерть сына. Ибо кто имѣетъ нерѣшительное свѣдѣніе о томъ, чѣмъ занять, и колеблется сомнѣніемъ, тотъ, ни на чемъ не останавливаясь, приводится въ волненіе всякимъ представленіемъ, пока ясное обнаруженіе истины не положитъ конца нерѣшительности недоумѣнія, и кружащуюся мысль не приведетъ въ безмолвіе (ь).

Когда же приходили ко мнѣ не совѣмъ съ свѣтлыми лицами, поникшіе взоры ихъ принимая признакомъ нерадостнаго извѣстія, говорилъ

(ы) По рукописи вмѣсто *ἐντροπή* читается *ἐντροπή*.

(ь) По рукописи не читаются слова *ибо кто имлетъ* и проч.

я: не имѣете нужды и въ словахъ, самый видъ вашъ извѣщаетъ (ѳ) меня о бѣдствіи, прежде языка вопіеть о страданіи, предвѣщая наружностію, что будетъ сказано словомъ. Не обмануть меня обольстительныя оговорки, не перехитрятъ близкіе къ вѣроятности рассказы. Вами придуманъ, можетъ быть, приличный предлогъ къ моему утѣшенію, благовидною ложью прикрыта на время горечь истины (э). Но я не обращаю вниманія на слова, которыя могутъ обманчиво принимать на себя видъ вѣроятности, но въ лицѣ вижу душевное страданіе, потому что лице образъ души, ясно выражающій внутреннее ея расположеніе, и не искусственная личина, которая наружно показываетъ обыкновенно инныя черты, а не сокрытыя въ глубинѣ души. Слово, при свободномъ произношеніи, можетъ, когда захочетъ, и печальное передать весело, придавая звукамъ, какой угодно образъ, подобно безобразной блудницѣ, которая природный видъ искусственно прикрываетъ изысканными украшеніями, и дѣйствительную наружность преобразуетъ вводящими въ обманъ красками. Но лице не въ состояніи долго скрывать душевныя страданія; оно дѣлается неподкупнымъ доносщикомъ о скрываемомъ въ тайнѣ, своими явными измѣне-

(ѳ) По рукописи слово *συμπόματα* не читается, а вмѣсто *διηγείται* читается *ἐπαγγέλλει*

(э) Слова *вами придуманъ* и *пр* не читаются по рукописи.

нiями обличая тайное расположенiе, и не можетъ принужденною улыбкою пересилить печаль; какъ и зеркалу невозможно веселымъ и цвѣтущимъ показать лице, уныло потупленное, потому что оно отражаетъ въ себѣ обыкновенно то самое, что выражаетъ собою смотрящiйся (ю). Поэтому, или не притворно, какъ прошу, скажите истину, или знайте, что вы, какъ говорилъ я теперь, сказали уже это. Что пользы на малое время успокоить печальнаго ложнымъ утѣшенiемъ, а въ послѣдствiи огорчить еще больше, когда откроется, что истина дѣйствительно печальна?

Поэтому, хотя увѣряли меня многими клятвами, что сынъ не умеръ, но проданъ кому-то изъ живущихъ въ городѣ Елузѣ, и живетъ тамъ, совѣтовали самому туда идти, и говорили, что найду тамъ сына, однако же и симъ не уврачевали моей печали, хотя и облегчили ее нѣсколько. Чтожь, если и живъ, разсуждалъ я, и этотъ наибольшiй страхъ о смерти его прекращень? все же онъ проданъ, живетъ въ рабствѣ, не имѣетъ воли проводить время вмѣстѣ со мною. Необходимость, поставляющая препятствiя стремленiямъ произволенiя и свободу въ

(ю) Начиная съ словъ *и не искусственная личина*, по рукописи вся послѣдующая рѣчь замѣняется такъ подобно зеркалу; потому что и оно не можетъ показать веселымъ лице, уныло потупленное и исполненное грусти.

своихъ рѣшеніяхъ ограничивающая чужею волею, и самое удовольствіе (я) дѣлаетъ не вовсе чистымъ ; потому что душѣ, что и естественно, желательно величаться самовластіемъ ; что ей по мысли, наслаждаться тѣмъ безпрепятственно, какъ ей угодно, и ни какъ не поработаться (ѳ), когда приневоливаютъ къ тому, что не ею избрано.

Однако же я напоследокъ отправился въ объявленный городъ съ двумя, какихъ дали мнѣ, путеводителями, и на дорогѣ встрѣтился намъ одинъ юноша, слѣдовавшій за навьюченными животными. Онъ видѣлъ меня въ станѣ, и подробно зналъ мои обстоятельства. Бывши же въ Елузѣ и узнавъ безъ сомнѣнія рассказываемое о сынѣ моемъ, какъ былъ онъ плѣненъ варварами, сообщилъ ему извѣстіе обо мнѣ, и взявъ у него письмо, какъ благую вѣсть, несъ отъ него ко мнѣ. Увидѣвъ же меня издали, началъ онъ подходить ко мнѣ улыбаясь ; а я смотрѣлъ на него не какъ на человѣка, о которомъ ничего не хранилось въ памяти, и котораго черты при первой встрѣчѣ вовсе не извѣстны. И онъ, приблизившись ко мнѣ, не какъ незнакомый, заговариваетъ со мною съ свѣтлымъ лицомъ ; протянувъ правую руку, загибаетъ ее назадъ, и ручную кисть оперши на плечо, концами пер-

(я) По рукописи вмѣсто: *тѣмъ дѣломъ* читается: *тѣмъ дѣломъ*.

(ѳ) Слова *потому что душа* и пр. по рукописи не читаются.

стовъ вытаскиваетъ изъ кошана письмо, по-
даетъ его мнѣ, и сообщаетъ добрую вѣсть, что
сынъ живъ, совѣтуя быть мнѣ благодушнымъ и
не думать, что для него, какъ для раба, невоз-
можно и надѣяться чего-либо хорошаго ; пото-
му что купившій его есть священникъ боже-
ственныхъ Христовыхъ тайнъ, да и сынъ, какъ
говорятъ, посвященъ уже въ священный чинъ,
и ввѣрена ему пока низшая должность церковно-
служителей, но по рачительности подаетъ онъ
великія надежды къ скорому повышенію, въ ко-
роткое время показавъ много опытовъ добро-
дѣтели, и всѣхъ убѣдилъ быть такого о немъ
мнѣнія, приведя ихъ къ тому добротою нравовъ.
Я, какъ человѣкъ неимущій и безпріютный, на-
градилъ вѣстника словами благожеланія, и мо-
лилъ Бога подать ему многія блага въ жизни,
потому что не было у меня, чѣмъ заплатить
ему за добрую услугу, Богу же предоставилъ
устроить все Своимъ промысломъ, и Ему со
слезами воздалъ благодареніе за неожиданную
радость, какъ положившему начало прекраще-
нію, по человѣческимъ соображеніямъ, непрео-
долимаго бѣдствія и возвращенію намъ прежняго
благоденствія.

А какъ скоро пришелъ я въ городъ, прежде
всего взыскалъ святаго храма, какъ вины благъ,
и воздалъ подобающую ему честь, оросивъ полъ
его слезами, и плачевными воплями наполнивъ
Божіе святилище. Оттуда же, когда указали мнѣ

дорогу, пошелъ къ дому, гдѣ жилъ сынъ мой, въ предшествіи многихъ, старавшихся приходить мой предварить добрыми вѣстями; потому что всѣ, по распространившемуся напередъ слуху, знали, что я возбудившій много о себѣ толковъ отецъ проданнаго у нихъ. И не было ни одного, кто наружностію своею не показывалъ бы признаковъ радости. Всякій же, смотря на меня, какъ на роднаго, котораго отчаялся и видѣть, веселымъ лицомъ и скача показывалъ, что радѣляетъ со мною радость. Поэтому, когда приближались мы къ дверямъ, многіе вызвавъ сына и сказавъ, что я пришелъ, выводятъ его ко мнѣ навстрѣчу.

Увидѣвъ же другъ друга, и я и онъ нисколько не показали удовольствія; но оба плакали, слезами омочивъ лица а равно и хитоны на грудяхъ. И онъ подбѣжалъ ко мнѣ, не совсѣмъ узнавая меня, потому что по длиннымъ на головѣ волосахъ и грязной одеждѣ не легко могъ я быть узнанъ. Однако же, повѣривъ болѣе извѣстившимъ его, нежели, какъ слѣдовало, глазамъ своимъ, шелъ онъ съ распростертыми руками, въ полной готовности броситься на грудь мою. А я и въ толпѣ народа узналъ его тотчасъ; потому что черты лица его были тѣже, и ясно впечатлѣлись во мнѣ непрестаннымъ о немъ памятованіемъ. Не удержавъ порывовъ радости, внезапно утратилъ я всѣ силы тѣла, и упавъ лежалъ на землѣ, не говоря ни слова; многіе

почли меня мертвымъ ; потому что и прежде въ печали своей ни чѣмъ не отличался я отъ мертваго, но кромѣ зрѣнія и дыханія былъ совершенный мертвецъ. Поэтому сынъ, обхвативъ меня крѣпко и сжавъ въ объятіяхъ, едва могъ вывести изъ безчувствія и довести до того, что узналъ я, кто я, гдѣ нахожусь, и кого вижу своими глазами. Послѣ этого и я, взаимно обхвативъ и облобызавъ его, воздавалъ ему такими же крѣпкими объятіями, безъ сытости удовлетворяя давнему желанію.

Потомъ, когда возвратилась у меня способность говорить, сталъ я извиняться и увѣрять, что виновникомъ всѣхъ бѣдствій, какія испыталъ онъ, былъ я, который вывелъ его изъ отечества, и заставилъ жить въ странѣ подверженной непрестаннымъ грабежамъ. И сказанное мною было справедливо. Ибо испыталъ ли бы когда что-либо непріятное, живя тамъ, гдѣ родился и воспитанъ, въ такой странѣ, которая отвсюду ограждена миромъ и ни откуда не боится подобныхъ козней? Да погибнуть думающіе, что назначенное судьбою неизбѣжно, и утверждающіе, что какая-то необходимость вѣдетъ страждущихъ къ предопредѣленному.

Наконецъ сталъ я просить, чтобы сынъ рассказалъ, что потерпѣлъ во время пребыванія у варваровъ ; потому что не горько уже извѣщать о миновавшемъ испытаніи. Какъ послѣ болѣзни здравіе, послѣ язвъ врачеваніе, веселятъ,

а не печалить: такъ разсказъ о горестномъ со-
бытіи, по избавленіи отъ него, доставляетъ не-
мало удовольствія, и можетъ быть столько же,
испытаніе сего причиняло болѣзни.

СКАЗАНІЕ СЕДЬМОЕ.

Феодуль разсказываетъ св. Пилу, почему не былъ
принесенъ въ жертву варварами, какъ проданъ ими
и перешелъ въ Елuzu. Епископъ Елзузы рукопола-
гаетъ св. Пилу во пресвитера, желаетъ его съ
сыномъ оставить у себя, и когда собрались они
идти въ монастырь, снабжаетъ всѣмъ на дорогу.

Сынъ, глубоко и тяжело вздохнувъ и напол-
нивъ глаза слезами, сказалъ: какая, родитель,
польза отъ воспоминаія горестей? Такое на-
поминаніе растравляетъ обыкновенно язвы стра-
давшаго. Если подобный разсказъ плѣняетъ своею
занимательностію слухъ посторонняго слушате-
ля, доставляя ему пріятность чужими страдані-
ями; то испытаннаго оныя не дѣлаетъ свобод-
нымъ отъ болѣзненнаго ощущенія минувшей скор-
би, возбуждая оное почти въ равной съ преж-
нимъ мѣрѣ, и какъ бы производя прикоснове-

ніемъ боль въ болячкѣ, когда она не совсѣмъ еще заживлена. Но поелику знаю, что не перестанешь беспокоиться, пока не узнаешь, что знать тебѣ желательно, потому что въ необычайности моего спасенія ищешь повода къ славословію и пріобыкъ пѣснословить Бога за полученныя отъ Него благодѣянія; то слушай съ мужественнымъ духомъ, чтобы тебѣ, по отеческому сердоболію сострадая о тяжести постигшихъ меня бѣдствій и оплакивая оныя своимъ жалобными восклицаніями и меня не растрогать до вопля, или не довести до того, что слезы препятствуютъ мнѣ произносить слова, такъ что отъ рыданій не будетъ слышанъ и голосъ мой. Итакъ о многомъ, конечно, извѣстилъ васъ послѣ побѣга своего служитель Магадоновъ, и повторять это будетъ излишнимъ, а вмѣстѣ, можетъ быть, и тягостнымъ для слуха, которому желательно самое нужное, а что говорится въ другой уже разъ, скучно какъ пустое и незанимательное. Но что случилось послѣ сего бѣгства, о томъ сказать необходимо, такъ какъ сего ты и требуешь.

У варваровъ (какъ сказалъ онъ, ибо конечно говорилъ онъ вамъ объ этомъ) было рѣшено убить насъ, и съ вечера все приготовлено для жертвоприношенія: жертвенникъ, ножъ, возліаніе, чаша, ладанъ; и смерть наша, которой не попустилъ совершиться Богъ, если бы не воспрепятствовалъ Онъ, назначена была въ глубокое

утро. Между тѣмъ служитель этотъ, не скрывъ отъ меня своего побѣга, ушелъ. И разстояніе пройденнаго уже имъ пути, и неудобство предпринять за нимъ погоню, сдѣлали сомнительною возможность его поймать. Ибо не только время отъ вечера до утра было достаточно продолжительно для бѣгущаго, но и неизвѣстность избраннаго имъ пути затрудняла погоню за нимъ. Да и какой искусникъ въ отысканіи слѣдовъ и счастливый угадчикъ неизвѣстнаго могъ бы слѣдить за бѣжавшимъ на такомъ пространствѣ пустыни, не находя никакого знака, оставленнаго проходившимъ, такъ какъ земля въ ней вездѣ жесткая, изрытая оврагами, не показываетъ на себѣ полагаемыхъ на ней слѣдовъ. А я, павъ ницъ, лежалъ на землѣ, лицомъ прикипши долу, а умомъ на крылахъ скорби вспаривъ горѣ, всецѣлый ни чѣмъ не развлекаемый помыслъ погрузилъ въ молитву; потому что предстояла мнѣ смерть. Ибо при безопасности въ нетрезвяхшихся разсѣвается онъ, занимаясь торговлею, мореплаваніемъ, постройкою домовъ, разведеніемъ садовъ, сватовствомъ, женитьбою, чадородіемъ, военною службой, запасомъ продовольствія, судебными дѣлами, судилищами, судейскими мѣстами, высокими чинами, глашатаямъ, градоправителями, отмщеніемъ врагамъ, свиданіями и всегдашнимъ пребываніемъ съ друзьями, народоправленіемъ, военачальствомъ, правительственными дѣлами, даже мечтая о цар-

скомъ санѣ. Когда же обстоятельства соберутъ его во едино страхомъ опасности, отвлекши отъ всего, что обыкновенно развлекало его въ небоязненномъ и свободномъ состояніи; тогда всецѣло предается тому, что печалитъ его, и обращаясь къ Богу, умоляетъ Его единого, какъ разрешающаго всѣ затрудненія однимъ легкимъ мановеніемъ (v).

И я въ тайнѣ говорилъ Богу такъ: Владыка, Создатель всей видпмой и умопостигаемой твари, въ Твоей рукѣ сердца созданій Твоихъ, Ты обращаешь въ жалость звѣрство неразумнаго гнѣва, когда хочешь по правдивому суду спасти по приговору власти предаваемыхъ на смерть, Ты укрощалъ ярость дикихъ звѣрей, стремящуюся пожирать человѣческія тѣла, Ты удержалъ разливающуюся силу огня, однимъ (а) мановеніемъ вложилъ бездѣйственность въ усилившійся пламень, не пострадавшими сохранилъ осужденныхъ на гибель, неизреченнымъ и чуд-

(v) Вся сія вставка, очевидно затрудняющая ходъ рѣчи и начинающаяся словами *потому что предстала мнѣ смерть* и пр. не читается по рукописи и замѣнена сгѣдующею краткою рѣчью воспаривъ умою, и такимъ образомъ безмолвно и самъ въ себя умоляя Бога всяческихъ (такъ какъ ничто житейское не могло привлечь меня, и маинтъ какими-либо выгодами, по причинѣ крайности, въ какой былъ я, напротивъ того все заставляло трезвиться, бодрствовать, внимать единому Богу и предать я упованію на Него), къ Нему обратилъ я рѣчь, говоря

а¹ Въмѣсто *φίλω* по рукописи читается *ψιλῶ*.

нымъ могуществомъ Твоимъ содѣлалъ, что волосы и кожа оказались неодолимыми для огня, Ты спаси и меня, ни откуда не имѣющаго надежды на помощь, и прежде нежели лишень я жизни по суду враговъ, по всей видимости уже мертваго, не попусти, чтобы кровь моя послужила возліаніемъ демоновъ, и чтобы лукавые духи наслаждались тукомъ плоти моей. Меня уготовили въ жертву звѣздѣ, соименной страсти похотѣнія; да не содѣлается же приношеніемъ и жертвою демону, одноименному съ непотребствомъ, мое тѣло, до сего дня соблюденное чистымъ. Напротивъ того звѣрское сердце жестокихъ преложи въ милостивое и кроткое. Ты для Есеири пламенѣющей гнѣвъ и дикую ярость Ассиура, царя мидійскаго, преложившій и обратившій въ сострадательное помплованіе, спаси душу, посвященную на служеніе Тебѣ. Отцу—старцу и служителю Твоему возврати сына, необучившагося худому и вознамѣрившагося, сколько отъ него зависить, пребыть благочестивымъ. Ибо не изъ страха опасности теперь въ первый разъ приношу исповѣданіе сіе, такъ что обѣщаніе мое можно было бы почестъ возданіемъ за спасеніе. Свободнымъ помысломъ предупредилъ я вступленіе на подвигъ по необходимости. Докажи, что для спасенія вѣра сильнѣе ногъ, и упованіе на Тебя надежнѣе бѣгства. Избѣжалъ смерти, кто со мною на утро назначаемъ былъ въ жертву, и побѣгомъ добылъ себѣ спасеніе;

а я остался, ожидая, что Тебѣ будетъ угодно, и понадѣявшись на Твою помощь, нахожусь въ рукахъ враговъ Твоихъ. Онъ ввѣрился ногамъ, а я—Твоему могуществу. Мое ожиданіе да не будетъ немощіе надежды на тѣлесныя силы. Онъ спасся, воспользовавшись для побѣга темнотою, и спасся благополучно. А меня вотъ застигъ свѣтъ, даруемый живущимъ для дѣланія заповѣдей Твоихъ.

Такъ молился я съ горькими слезами, и не спящимъ застало меня утро. Возведя вверхъ взоры, вижу, что утренняя звѣзда склонилась къ горизонту. Поэтому вставъ (а дотолѣ лежалъ я падши ницъ), сажусь, объявъ руками колѣна, и склонивъ на нихъ лице, наполняю нѣдро слезами, и снова взываю сердцемъ къ Могущему избавить меня всемошною силою Духа, говоря: *удиви со мною милость Твою, Владыка* (Псал. 16, 7.), имѣющій власть жизни и смерти, какъ удивлялъ со святыми бывшими въ нуждѣ и избавленными отъ всякой скорби, чтобы и намъ возимѣть дерзновеніе призывать Тебя и возлагать на Тебя упованіе, что будемъ избавлены отъ золь, въ какихъ бы мы ни были, въ сихъ святыхъ имѣя для себя образецъ Твоей помощи. Ты Исаака, возложеннаго уже на жертвенникъ, избавилъ отъ закланія, и отца, готоваго вонзить мечъ, отвлекъ звучнымъ гласомъ. Ты исхитилъ Іосифа изъ убійственной братней десницы, и подвергшагося навѣтамъ снова избавилъ отъ не-

праведныхъ узъ и темницы, и по долговременномъ плачѣ возвратилъ отцу уже царствующимъ. Ты и отца его Иакова избавилъ отъ подобной нужды, освободивъ отъ страха отцава, и спасши отъ неистовства жестокосердаго Исава у Лавана въ междорѣчьи, гдѣ сохранилъ и Моусея, бѣжавшаго отъ египетскаго мучительства. Ты двоихъ умершихъ отроковъ, возставивъ отъ одра по пророческой молитвѣ, живыми возвратилъ вдовицамъ матерямъ. И Самъ Ты, Владыка, неизмѣняемъ, и одною и тою же силою, и тогда содѣвалъ, и нынѣ творишь чудеса. И меня, Властитель, возврати отцу, уповающему на милость Твою. Твоею помощію прекрати безутѣшный плачъ, содѣлай, чтобы и невѣдущіе имени Твоего удивились державѣ симы Твоей, о препѣтый Царь всякой силы!

Пока оставался я въ этомъ положеніи, варвары встаютъ въ смятеніи; потому что время жертвоприношенія прошло, и солнце озарило уже лучами своими землю. И не нашедши со мною другаго, спрашиваютъ у меня, что съ нимъ сдѣлалось, получивъ же отвѣтъ, что я вотъ съ ними, а о томъ, котораго не видно, ничего не знаю, успокоились, и угрозы мнѣ не дѣлали, и не показали никакихъ признаковъ негодованія. Тогда ободрился духъ мой, и благословилъ я Бога, не презрѣвшаго молитвы смиреннаго, ощутилъ наконецъ въ себѣ твердость и дерзновеніе, потому что, конечно, Богъ даро-

валъ мнѣ благодать сію, противился варварамъ, когда приказывали ѣсть что-либо скверное, не слушался ихъ повелѣній вмѣшиваться въ игры съ женщинами, пока не приблизились мы наконецъ къ мѣстамъ обитаемымъ. Тогда, незнаю что придумавъ между собою, вводятъ меня въ селеніе, называемое Субанта (б), потомъ жителямъ онаго возвѣщаютъ о моей продажѣ. Но послѣ того, какъ возвратились изъ селенія безъ успѣха, потому что никто не хотѣлъ дать за меня болѣе двухъ золотыхъ монетъ, приведя наконецъ и поставивъ меня передъ селеніемъ, по обычаю своему, кладутъ мнѣ на шею обнаженный мечъ, говоря всякому, что, если никто не купитъ, немедленно отсѣкутъ мнѣ голову. А я, дѣлая имъ знаки обѣими руками, умолялъ приходившихъ для покупки, и просилъ дать, сколько требовали варвары, и не показывать скупости, платя цѣну за кровь человѣческую, увѣрялъ, что въ непродолжительное время уплачу эту цѣну, и буду служить купившему, если это ему угодно, и по уплатѣ цѣны, охотно признавая господиномъ купившаго жизнь мою. И едва сжалился нѣкто надъ мною, такъ умоляющимъ и проливающимъ слезы, и купилъ меня. Оттуда же, какъ видишь, купленъ я сюда; такъ, не распространяясь много, скажу коротко; ибо ви-

(б) Такъ селеніе называемо въ рукописи.

жу, что ты въ волненіи, едва уже не плачешь, и готовъ радость возмутить слезами. Вотъ что претерпѣлъ я, отецъ, и претерпѣвъ, при помощи Божіей, свободенъ. Послѣ сего ты прославь Бога за мое неожиданное и чудное спасеніе.

Ты, сынъ мой, въ своемъ злостраданіи перенесъ тысячи опасностей, и въ ожиданіи претерпѣлъ не одну смерть, хотя, по милости Божіей, и не извѣдалъ ея на опытѣ. А чаать себѣ вѣрной смерти и сознать ее на опытѣ — одно и тоже. Можно же сказать, что первое тяжелѣе послѣдняго; потому что не столько боли причиняетъ усѣченіе, сколько предшествующее ему ожиданіе, которое продолжительнымъ страхомъ усиливаетъ мучительность печали, и дѣлаетъ, что чаемая боль длится болѣе дѣйствительной. А я во время этой скорби отверзъ уста мои ко Владыкѣ, и далъ Ему обѣтъ работать въ строгомъ воздержаніи и всякомъ злостраданіи, если только возвращенъ мнѣ будешь живой. И во снѣ услышалъ я голосъ, вѣщавшій: *утвердитъ Господь глаголь* (3 Цар. 12, 15.), исшедшій изъ устъ твоихъ. И не должно, сынъ мой, преступать исповѣданія и нарушать даннаго Христу обѣта, божественнымъ отвѣтомъ подтвержденнаго, и притомъ, когда молитва пріяла такой конецъ.

И я, родитель мой, сказалъ онъ, охотно прииму долю въ трудѣ съ тобою, буду соучастникомъ въ обѣтѣ, потому что былъ соучастни-

комъ въ милости, и еще больше облагодѣтельствованъ. Ты избавился отъ плача, а я отъ вкупшенія смерти. Если бы и тебѣ одному въ пользу служилъ даръ Божій; то мнѣ, принося благодареніе Богу за отца, должно было бы и благодареніе и воздаяніе за него принять на себя, хотя бы за милость сію надлежало потерпѣть и что-либо горестное. Ибо, если Геѳаою, давшему обѣтъ за побѣду на войнѣ, дочь его послужила смертію своею, и чтобы поддержать добрую славу отца, рѣшилась стать приношеніемъ и жертвою, то чего буду стоить я, если не поспѣшу, какъ можно скорѣе, уплатить отцевъ долгъ? И притомъ, когда долгъ сей буду воздавать Богу, который обыкновенно малую уплату вознаграждаетъ опять новою благодатию, и воздаваемый долгъ пріемлетъ, не какъ долгъ, но вмѣняетъ это въ данное заимообразно, и уплату признаетъ одолженіемъ, въ вознагражденіе за благопризнательность должника, какъ за взяемое въ заемъ, даетъ тотчасъ новый даръ, всегда предваряетъ милостями, и всегда даетъ рукописаніе въ томъ, что дающимъ взамъ долженъ воздать благодареніями, и вообще воздаяніе должниковъ признаетъ ихъ щедростію, такъ что по великодаровитости и щедротолюбію естества и начинаетъ всегда милостями, и оказываетъ всегда милости, какъ должникъ. Поэтому, родитель, имѣя во мнѣ усерднаго участника въ уплатѣ, начинай сію уплату. Безъ сомнѣнія же Богъ,

вѣдая силы наши, соразмѣрно съ оными будетъ взыскивать съ насъ долгъ, и не посмѣется надъ немощію естества, потребовавъ трудовъ превышающихъ силу.

Къ симъ словамъ присоединилъ и я свой обѣтъ, и сказалъ: да придутъ они въ исполненіе, сынъ мой, да явится на самомъ дѣлѣ, чтобы и обѣтъ воспріимъ добрый конецъ, и благожеланіе было дѣйствительно, и за трудами послѣдовала награда; потому что таковъ конецъ и предѣлъ всякаго дѣла совершаемаго по Богу; дѣла запечатлѣваются воздаяніями, и о подвигахъ свидѣлствуютъ вѣнцы. Достоверность въ воздаяніи, обыкновенно служить нѣкоторымъ доказательствомъ, что дѣла достойны одобренія, а награды — несомнѣнное свидѣтельство о подвигѣ.

Боголюбивый же епископъ того мѣста долго прилагалъ о насъ свое попеченіе, и воставивъ насъ послѣ предшествовавшаго злостраданія, не мало упрашивалъ остаться у него, и дружелюбно общалъ намъ всякое упокоеніе во всякой нуждѣ. Но чтобы не подать повода къ подозрѣнію, будто бы удерживаетъ насильно, по причинѣ внесенной имъ за сына моего цѣны, какъ властелинъ требуетъ, чтобы мы остались у него, предоставилъ поступать намъ, какъ угодно, по своему усмотрѣнію, и въ одномъ только поступилъ съ нами властительски, а именно, возложилъ на насъ иго священства, чего мы не хотѣли.

Разсуждая о тяжести священнослужительства, горько мы сѣтовали, и неудобноносимымъ казалось намъ наложенное на насъ бремя, которое по житію, какого оно требуетъ, едва по силамъ и святымъ; потому что и имъ казалось оно тягостнымъ, и они, призываемые къ этому сану, признавались, что оно превышаетъ ихъ силы, долго прекословили Богу, ссымаясь на свое недостоинство, отрекались отъ рукоположенія, представляя въ предлогъ свою немощь, хотя всѣхъ нынѣ живущихъ были способнѣе къ дѣлу, и за подвижничество свое въ добрѣ и въ священнослуженіи могли имѣть большее дерзновеніе предъ Владыкою. Но епископъ сказалъ, что почестъ сія прилична трудамъ, и что этотъ санъ, какъ полагалъ онъ, дается имъ въ награду за тяготы подвига.

Посему, когда вознамѣрились мы отправиться въ путь и идти домой, тогда щедро напутствовавъ насъ на это продолжительное и довольно долгое путешествіе, и пожелавъ, чтобы сопутствовала намъ Божія благодать, награждающая наконецъ миромъ, отпустилъ онъ насъ, и не только не сдѣлалъ какого-либо неловкаго намека на право господства, какъ можетъ быть поступилъ бы иной, величаясь полномочіемъ надъ купленнымъ, но какъ все, что могло бы показаться неприятнымъ для насъ, облегчилъ великимъ утѣшеніемъ, такъ и отъ себя всякій видъ

киченія отклонилъ скромнымъ и умѣреннымъ образомъ мыслей.

Тамъ же да прекратится и слово мое, гдѣ прекратилось испытаніе горестнаго, и по благодати Божіей, послѣ долговременнаго бѣдствованія, положено начало жизни о Христѣ болѣе радостной, которой да сподобимся всѣ мы и нынѣ, и въ будущемъ вѣкѣ, по силѣ и благодати святой и единосущной Троицы! Ей подобають честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь (в).

(в) Заключене начинающееся словами: *которой да сподобимся и мы и пр.* дополнено изъ рукописи.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО АЛВІАНУ.

Копи, такъ называемыхъ, драгоцѣнныхъ камней и золотоносныя жилы пусть отыскиваютъ міролюбцы, и они пусть услаждаются, гордясь сими вещами, разнообразіемъ цвѣтовъ отсвѣчивающими въ лицахъ что-то привлекательное и пріятное для взора. А житія мужей святыхъ, добродѣтели людей устранившихся и старающихся утаться отъ міра, и то, въ какихъ преуспѣваютъ они доблестяхъ, пусть, для подражанія ихъ жителству, изслѣдываютъ боголюбцы. Ибо подлинно ни съ чѣмъ не совмѣстно и крайне не смысленно—о томъ, что причиняетъ людямъ столько вреда, что едва ли кому удобно выразить это словомъ, прилагать человѣку много попеченія и рачительности, чтобы прикрываемое этимъ природное благообразіе дѣлалось приманкою сластолюбія для невоздержныхъ, въ которыхъ снѣмъ придаточнымъ украшеніемъ раздражаются страсти до неистовства, а что можетъ украсить душу, исправить погрѣшительное въ жизни, о томъ опять имѣть столько не рачительности и нерадѣнія, что заслуживающее все наше вниманіе пренебрегается, какъ слѣдовало бы пренебрегать что-либо безразличное, или лучше сказать, гибельное.

Ибо какую пользу принесли человѣческой жизни дорогіе камни, золото и прочія къ роскоши служащія вещества? Напротивъ того, какого вреда и какихъ неправдъ не причиняли всѣмъ людямъ, дѣлаясь виною всѣхъ золъ? Отъ нихъ—любостяжательность, хищенія, мучительства, разбои, убійства. Отъ нихъ—грабежи, опустошенія, варварскія нашествія, междоусобныя войны, когда люди пожеланіемъ обогатиться воставляются другъ противъ друга, и не отказываются терпѣть и дѣлать, что бы то ни было, пока избранная цѣль не будетъ достигнута, какимъ бы то ни было способомъ, своею ли собственною смертію, или убійствомъ противниковъ. Нерѣдко предположившіе привести себя въ такое состояніе, чтобы не было у нихъ отнято что-либо изъ обладаемаго ими, сами погибали, бѣдственно умерши душою, въ надеждѣ сомнительной выгоды потерпѣвъ жалкую кончину, и прежде своихъ противниковъ подвергшись тому самому, чему старались подвергнуть ихъ.

Но слышаніе сказаній о пожившихъ хорошо и дознаніе совершенныхъ ими добрыхъ дѣлъ весьма полезны для любоведушныхъ, служа свѣтильникомъ, озаряющимъ сокровенное, къ познанію и приведенію въ дѣйствіе того, что до-толѣ было невѣдомо, хотя всегда оно полезно. Ибо одни поревнуютъ, конечно, ихъ добродѣтели, немедленно ощутивъ въ себѣ любовь къ ней, такъ какъ по какому-то естественному

стремленію душа предается прекрасному; а другіе, хотя подражанію воспрепятствуетъ какой-либо худой навикъ, будутъ дивиться ей, признавая себя несчастными, и оставаясь пока при томъ свѣдѣніи, что скудны они въ добрѣ.

Въ отношеніи же къ пользѣ не маловажно и это — чувствовать худое состояніе, въ какомъ человѣкъ находится, и не обольщаться чѣмъ-либо крайне гнуснымъ, величаясь симъ какъ достоинствомъ, подобно тому, какъ иные безчувственные, не уязвляемые еще сознаниемъ грѣха и слѣпотствующіе совѣстію, небоязненно идутъ по негладкому и неудобопроходимому пути его, равно какъ и тѣ, у кого ноги покрыты твердыми мозолями, ступая по терніямъ и остнамъ, не терпятъ ничего такого, что терпѣли они прежде, нежели пріобучили себя къ этому суровостию жизни, и когда ступни ихъ были мягки и нѣжны, и скоро чувствовали малѣйшее поврежденіе. Ибо нѣтъ ничего столько труднаго для тѣла и вреднаго для души, что со временемъ и по привычкѣ не могло бы сдѣлаться легкимъ и сноснымъ, производящимъ уже того неприятнаго ощущенія, какое производило, когда было еще непривычно, и тѣло утомляло, и совѣсть печалмо, пока не обратилось для души и тѣла въ навикъ, дѣлающій пріятнымъ казавшееся прежде труднымъ и неприятнымъ.

Итакъ, поелику признается добрымъ дѣломъ не умалчивать о преспѣяннѣхъ ревнителей доб-

родѣтели и не скрывать того, что, сдѣлавшись явнымъ, приносить великую пользу въ жизни, научаетъ житію ангельскому, землю обращаетъ въ небо чистотою и беззаботностію житія, когда всѣ стараются благодѣтельствовать другъ другу, и никто не позволяетъ себѣ сдѣлать кому-либо обиду, такъ какъ убѣдились наконецъ, что суетно все здѣсь остающееся, ревностно же вождѣлѣваютъ того, что можетъ быть взято нами въ вѣкъ будущій и на долго быть тамъ полезнымъ: то, изведя на средѹ, содѣлаемъ извѣстнымъ блаженнаго мужа, донинѣ утаеннаго для многихъ; потому что, какъ лань, углубившись въ Нитрійскую пустыню, всегда старался онъ отъ всѣхъ утаиться, боясь житейскихъ напастей, которыя, какъ громовые удары, поражаютъ свыше, и еще болѣе оныхъ повреждаютъ душу, когда она не охраняетъ себя, и не уклоняется отъ обращенія съ людьми. Содѣлаемъ же извѣстнымъ, чтобы отъ способныхъ воспользоваться не утаевалось все, что благоговѣйный оный мужъ старался утаить отъ людей, не по зависти къ тѣмъ, которые стали бы подражать ему, и не потому, что одинъ желалъ украшаться приобрѣтенными добротами, но потому, что избѣгалъ всякаго случая выставять себя на показъ, какъ дѣла опаснаго, которое вмѣсто пользы можетъ причинить вредъ.

Былъ онъ лѣтораслію земли Галатійской, и питомцемъ города Анкиры. Юный же свой воз-

расть такъ управилъ къ цѣломудрію, что, хотя многія толпились вокругъ него, по причинѣ его благообразія, но приведены были въ удивленіе его стыдливостію и степенностію, и это, паче красоты его лица, воспламеняло большую къ нему любовь въ тѣхъ, на которыхъ не обращалъ онъ взоры, и которыхъ не удостоивалъ привѣтливаго слова. Между тѣмъ не одно и тоже быть цѣломудреннымъ, какъ тому, въ комъ никто не раздражаетъ страсти, такъ и тому, въ комъ тысячи стараются возбудить страсть: равно какъ не одно и тоже управлять обуреваемымъ кораблемъ и спасти его ничего не потерпѣвшимъ отъ волненія, и сидя на кормѣ въ пристани, держаться за кормило. Первое значитъ представить признаки искусства въ нужное время, а второе — безъ малѣйшей необходимости показывать наружный видъ, оставляющій еще мѣсто сомнѣнію, точно ли человѣкъ украшенъ опытностію, или при неопытности, не будучи посвященъ въ науку, обманываетъ зрителей, какъ пріобрѣтшій свѣдѣнія.

Поэтому сего блаженнаго, хотя былъ онъ еще юнъ, и потому не способенъ къ прохожденію церковнаго служенія, старался всячески уловить, почитая утратою, если священнической чинъ не будетъ украшенъ свойственною ему лѣлотою, столько же необходимою для цѣлаго тѣла церковно-начальническаго чина, сколько зѣница для глаза, а глазъ для лица; потому что

сіялъ оцъ житіемъ, для многихъ и для всѣхъ былъ полезнымъ примѣромъ, въ юномъ и цвѣтущемъ тѣлѣ показывалъ старческое и благоустроенное состояніе духа. И хотя многіе, употребляли, повидимому, насилія противъ одного, и возвели его въ санъ священства правды, однако же оцъ не потерпѣлъ насилія, устыдившись имѣвшихъ надъ нимъ преимущество, не рѣшился сдѣлать что-либо противъ воли, разсудивъ, что возлагаемое на него дѣло важно, и какъ дѣйствительно это было выше его возраста, убѣгаетъ и общественныхъ мятежей и церковной должности, опасаясь тяжести возложеннаго ига.

И хотя имѣлъ ревность немедленно удалиться въ пустыню; однако же превозмогъ это стремленіе правымъ помысломъ, разсудивъ, что первымъ подвигамъ лучше обучиться напередъ у наставниковъ и руководителей, у которыхъ образуются начинающіе только упражняться въ добродѣтели, нежели, не получивъ первоначальнаго образованія, идти прямо къ учителямъ, которые учатъ совершеннѣйшимъ подвигамъ, и симъ возложить на нихъ трудъ, принудивъ вмѣсто преподаваемаго мужамъ преподавать дѣтскіе уроки, и изъ обычнаго ихъ состоянія снизойти до несоотвѣтственнаго имъ и дѣтскаго, младенцамъ приличнаго, упражненія въ дѣлахъ и словахъ. Поэтому поступаетъ къ подвизающимся у насъ за городомъ на горѣ, надъ которыми начальствовалъ блаженный Леонтій, тогда еще пре-

свитеръ, а потомъ бывшій и епископомъ, мужъ украшенный и дѣянїемъ и вѣдѣнїемъ, даже совершеннѣйшїй подвижающихся въ пустыняхъ, но умѣвшїй снисходить и къ младенчествуящимъ, прїобыкшїй къ начинающимъ еще дѣятельную жизнь, потому что и таковыхъ, вмѣстѣ съ преуспѣвавшими, имѣлъ всегда подъ начальствомъ своимъ.

Потомъ сей блаженный, преуспѣвъ скорѣе, нежели можно было ожидать по времени, превзошедши многихъ и усовершенствовавшись болѣе, нежели какъ позволило бы усовершиться время, уходитъ оттолѣ, и дѣло подвига переноситъ въ окрестности Іерусалима, чтобы и видѣть тамошнїя мѣста, гдѣ пребывалъ, творилъ чудеса и напоследокъ пострадалъ Господь Іисусъ, и получить пользу отъ лицезрѣнїя подвижающихся тамъ мужей.

А воспользовавшись отъ нихъ, не скажу, превзошедши ихъ, въ короткое время, удаляется въ сказанную пустыню, и тщательно скрывая священный санъ, пока могъ утаевать сіе, прїемлетъ монашескую жизнь, какъ едва только начинающїй. Пользовался же онъ такими учителями добродѣтели, которые скоро возбудили въ немъ любовь къ небу, и желанїе его устремили къ житїю ангельскому; почему возлюбилъ онъ во всемъ умѣренность; ибо ни въ чемъ неизмѣннѣе нуждъ составляетъ отличїе однихъ естествъ безплотныхъ, а связаннымъ плотию невозможно жить, по необходимой потребности не восполняя

пищею ежедневно испаряемаго. И такъ, пренебрегши все въ совокупности сущее на землѣ, весь всецѣло предался онъ горнему любомудрiю, разсудивъ, что, не только относящееся къ тѣлу, но и самое тѣло, излишни для достиженiя цѣли тому, кто прилагаетъ попеченiе о душѣ, и поспѣшаетъ представить ее Богу. Въ такой же мѣрѣ заботился о плоти, въ какой принуждала необходимость, чтобы поддержать только жизнь. А все время употреблялъ единственно на попеченiе о томъ, какъ всегда угождать Богу, какими мыслями и какими дѣлами долженъ украшаться сугубый человѣкъ, чтобы и уста, въ честныхъ и помезныхъ словахъ объясняя внутреннюю чистоту, призывали слушающихъ къ благочестiю, и тѣло скромными движенiями обучало видящихъ благочинiю.

Поэтому и по кончинѣ даже до нынѣ возбуждаетъ онъ удивленiе въ живущихъ тамъ, и воспѣвается ими приснопамятная его слава, и то, какъ и языку и слуху воспрещалъ онъ всегда рассказъ о чемъ-либо житейскомъ, не терпя ни говорить, ни слышать когда-либо о чемъ бы то ни было, бывающемъ въ мiрѣ, называя безвременнымъ и бесполезнымъ все, что не споспѣшествуетъ предположенной цѣли. Всякое искусство и изысканiе, говорилъ онъ, для занимающихся спмъ составляютъ предметъ заботливости, чтобы непрестанно съ каждымъ днемъ и въ словахъ и въ мысляхъ усовершалось все, что объ этомъ

говорятъ и думаютъ ; потому что размышленіе во всемъ приводитъ къ познанію чего-либо большаго, и упражненіе дѣлается благодѣтельнымъ для непознаннаго еще. Почему же мы всего досужнаго времени не употребляемъ на попеченіе о нашемъ искусствѣ, въ которомъ, если пожелаетъ кто (такъ какъ верхъ совершенства недостижимъ) приобрѣсти хотя достаточную опытность, не будетъ имѣть времени обратиться умомъ къ чему-либо иному ; потому что и цѣлой жизни едва достанетъ, чтобы, не говорю, подумать о приуготовленіи къ будущему, но чтобы охранить себя отъ напастей въ настоящемъ. Какъ глазъ кормчаго со всѣмъ вниманіемъ неуклонно смотритъ на мятущіяся волны, и малая невнимательность можетъ стать причиною крушенія: такъ умъ, борющійся съ страстями и лукавыми духами, если трезвится, рѣдко бываетъ окраденъ, а если вознерадѣетъ нѣсколько о внимательности, весь погружается и утопаетъ.

Поэтому блаженнаго сего всегда можно было видѣть безмолвнымъ и сидящимъ въ задумчивости ; самымъ видомъ лица показывалъ онъ, что дѣйствительно имѣетъ попеченіе о томъ, о чемъ говорилъ, молится ли когда Богу, или размышляетъ о чемъ полезномъ. И какъ умъ его предавался горнимъ созерцаціямъ, упокоеваясь въ нихъ, или обращая испытующій взоръ на себя самого, нѣтъ ли чего недостающаго къ благо-

устройству его ; такъ руки не оставались безъ дѣла, добывая тѣмъ потребное для тѣла. Ибо никогда не вкушалъ тѣлесной пищи въ праздности, не терпѣлъ имѣть ее со стороны, и вообще не хотѣлъ, отъ кого бы то ни было, принять какое-либо утѣшеніе, говоря, что всякому проходящему жизнь сію приличнѣе давать, нежели принимать, чтобы не ослабить силъ къ дерзновенію, не быть вынужденнымъ сказать иногда нѣчто и въ удовольствіе доставляющимъ утѣшеніе, и нерѣдко умалчивать правду, если она колка, чтобы не опечалить благодѣтеля.

Да и велики ли, и какія были у него тѣлесныя потребности, чтобы много заниматься ими? Простой хлѣбъ, и то не въ сытость, служилъ пищею, вода — питіемъ, холодная въ зной, и согрѣтая на солнцѣ въ холодъ, одеждою—многолѣтній, равный годами пребыванію его въ пустынь, и во все это время ни разу не перемѣненный, платъ. Ни сандалій, ни сапога не было у него на ногѣ, связки пальмовыхъ листьевъ и кожа серны были для него постелью, когда отходилъ ко сну, не надолго отъ дневныхъ трудовъ упокоевая тѣло, изнуренное усиленнымъ дѣланіемъ ; потому что большую часть ночи, равно какъ и дня, проводилъ въ пѣніи и молитвѣ, разсуждая, что въ эти времена бесѣдуетъ онъ съ Богомъ, и часто повторяя съ Давидомъ: *да усладится Ему бесѣда моя* (Пс. 103, 34.).

Не зналъ онъ кесаревой монеты и того, чья на ней изображена печать. И мѣдъ не проходила чрезъ руки его, чтобы не осквернить ихъ однимъ прикосновеніемъ. Все достояніе его составляла книга, и она служила утѣшеніемъ въ уныніи, такъ что чтеніе было нѣкоторымъ улаженіемъ послѣ многихъ трудовъ, и буквальныйъ смысломъ и умозрѣніемъ успокоевая встревоженный духъ. И сію нищету называлъ онъ царствомъ по ея беззаботности, не потому что ничего не приобрѣталъ для поддержанія жизни на утро, но потому что не имѣлъ вожделѣнія ни къ чему такому, что возбуждаетъ удивленіе многихъ. Ибо не обиліе во всемъ, но неимѣніе ни въ чемъ нужды, почиталъ онъ богатствомъ души, которая умѣетъ любомудрствовать при какомъ ни есть довольствѣ, и презираетъ все, какъ бесполезное, что выходитъ за предѣлы онаго.

А что не кучами имѣнія обложить себя, но не желать имѣть у себя что-либо, нужно для того, чтобы прекратить въ себѣ желаніе обогащенія, сему, какъ и многіе другіе съ нимъ, поучалъ онъ, чрезъ мѣру богатыхъ обличая въ скудости, такъ какъ они по ненасытной страсти имѣютъ нужду гораздо въ большемъ, нежели что имѣютъ у себя, а богатыми называя тѣхъ, которые щедро отлагаютъ что нибудь изъ необходимаго на потребу, какъ излишнее и не пригодное для любомудрія. Ибо послѣднее въ под-

лишномъ смыслѣ есть богатство, и справедливо должно такъ называться, а первое—бѣдность и крайняя нищета; потому что одно удерживаетъ отъ насыщенія и чрезмѣрнаго обремененія себя тѣмъ, что есть, а другое возбуждаетъ еще новое и неутолимое желаніе пріобрѣсти и то, чего нѣтъ, и пріобрѣтеніе чего сомнительно, между тѣмъ какъ осужденіе за любостыжательность несомнѣнна, и по приговору Судіи подлежатъ наказанію. Любостыжательностию же будетъ не только стараться отнять чужое, но и желать имѣть у себя нѣчто большее того, что нужно для довольства.

А какъ жизнь сія есть ночь, и совершающееся въ ней — сновидѣніе, какъ говорилъ этотъ блаженный; то какую пользу людямъ приноситъ роскошь по минованіи этого состоянія, когда ночныя привидѣнія исчезнутъ, и не оставятъ даже чувства скорби и упокоенія? Съ наступленіемъ дня, говорилъ онъ, сонныя грезы для пробудившихся оказываются пустыми; представившій себя разбогатѣвшимъ поутру ничего у себя не имѣетъ; мечтавшій, что ѣсть или пьетъ, находитъ, что вовсе этого не дѣлалъ. Кто во снѣ достигъ начальства, накопилъ много денегъ, держалъ въ рукахъ серебро, или спряталъ его за пазуху, оказывается не имѣющимъ всего этого. Иной во снѣ подвергался опасностямъ, а иной напастьмъ и скорбямъ, иной терпѣлъ наказаніе, а иной былъ даже убитъ; всѣ они встаютъ, одни

радуясь, а другіе печалась о томъ, что представлявшееся во снѣ было мечтою, а не дѣйствительностію, и радуются, какъ избѣгшіе испытанія золь, печалются же, какъ не нашедшіе у себя того, что ихъ увеселяло. И никому нѣтъ никакого плода отъ такового мечтанія, днемъ не оказывается имѣющимъ у себя что-либо изъ того, что, какъ представлялось, имѣлъ у себя ночью, кромѣ одного воспоминанія о радующихъ или огорчающихъ призракахъ, возбуждающаго сожалѣніе о наслажденіяхъ, которыхъ лишился, и о веселіи, изъ котораго исторгнуть. Такъ послѣ этого позорища, когда сновидѣніе жизни сей, подобно ночной грезѣ, кончится, теряетъ наконецъ цѣну все здѣшнее, богатство и нищета, пресыщеніе и скудость, слава и униженіе. Остается же однимъ веселіе, другимъ ужасъ и трепеть, и сіе воспріемлютъ они, какъ достойное воздаяніе за то, что сдѣлано въ жизни.

Посему удивленія достоинъ мужъ сей, и да соревнуютъ ему всѣ и во всемъ, кто, взирая на дѣла его, а кто руководясь слышаннымъ отъ него. Тѣснымъ шествуя путемъ, воспріалъ онъ жизнь; житейскія тяготы перенесъ онъ терпѣливо, какъ сновидѣніе, нынѣ же утѣшается тамъ, гдѣ наслажденіе постоянно и истинно, за мало-временные труды даетъ пожнать вѣчное веселіе о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки! Аминь.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ ПРЕПОДОБНАГО НИЛА СИНАЙСКАГО.

(часть 1)

	<i>Стр.</i>
Къ монаху Агаію. Отдѣленіе 1. Введеніе.....	1
Отдѣленіе 2. О воздержаніи.....	7
Отдѣленіе 3. О тщеславіи.....	12
Отдѣленіе 4. О чтеніи и молитвѣ.....	16
Отдѣленіе 5. О томъ, что душамъ пристрастныхъ къ богатству, какъ животолюбивымъ, при смерти трудно разставаться съ жизнью.....	40
Отдѣленіе 6. О томъ, что справедливо наказываются собственность свою передающіе въ владѣніе, кому случится.....	46
Отдѣленіе 7. О тѣхъ, которые во время кончины не прилагаютъ попеченія о своемъ спасеніи, но пишутъ завѣщанія, и отдають приказы о томъ, надъ чѣмъ не имѣють власти.....	51

Отдѣленіе 8. О томъ, что страждущіе при жизни безнечностію и во время кончины вмѣсто того, чтобы позаботиться о самихъ себѣ, прилагаютъ стараніе о томъ, какъ передать имѣніе свое наследникамъ.....	54
Отдѣленіе 9. Обличеніе пишущихъ завѣщанія.....	55
Отдѣленіе 10. О житіи блаженныхъ и злоуміи діавола.....	80
Отдѣленіе 11. Объ Іосифѣ и Сусаннѣ и о томъ, что подвигъ Іосифовъ выше подвига блаженной Сусанны.....	97
Отдѣленіе 12. Притча о виноградникѣ и о дѣлателяхъ нанятыхъ въ разные часы.....	136
Слово о молитвѣ.....	170
О восьми лукавыхъ духахъ. О чревоугодіи.....	201
О блудѣ.....	204
О сребролюбіи.....	208
О гнѣвѣ.....	210
О печали.....	212
Объ уныніи.....	215
О тщеславіи.....	217
О гордости.....	219
Къ Евлогію монаху. Слово 1-е.....	223
Къ нему же слово 2-е.....	272
О различныхъ лукавыхъ помыслахъ 27 главъ.....	278
Слово на евангельское изреченіе: <i>иже иматъ владѣніе</i> и проч. (Лук. 22, 36.).....	312
Сказанія о избіеніи монаховъ на горѣ Синайской и о плѣненіи Θεодула, сына Нилова.....	329
Похвальное слово Алвіану.....	414

ОПЕЧАТКИ

Напечатано:

Должно читать:

Стран. строк.

17	1 сн. не только	не столько
25	8 св. <i>въ кладь</i>	<i>въ кладь</i>
40	8 — пресеяешься	пресеяется
61	2 сн. тѣснимоу	тѣснимоу
63	5 св. зловоніа	зловоніе
66	12 сн. дары	дара
67	5 св. ни мало	ни мало
83	3 — скудности	скудости
85	11 — одного	одного)
119	15 — <i>пометанъ</i>	<i>наметанъ</i>
166	15 — въ крови	въ кровы
191	14 сн. отгонять	отгонять
238	12 — своего	твоего
276	4 св. рожекъ	роженъ
280	13 сн. не приложить	не приложитъ
290	2 св. обличаемъ	обличенъ
293	1 — понуждающіе	понууждаютъ
—	7 — ехидна. Этотъ звѣрь	ехидна—этотъ звѣрь
296	15 — и хитрости	о хитрости
297	9 — искушеніямъ	искушеніяхъ
307	13 — а иначе ли	и иначе ли
319	5 сн. въ <i>видѣнію</i>	къ видѣнію
322	7 св. Сему-то	Посему-то
327	12 — три помощи	при помощи
360	8 — на себя	на себя
364	6 — уводимому	уводимому тѣлу
377	4 сн. небовзвпенное	неболѣзненное